

ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ – НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ЕВРОПА XXI ВЕКА

Новые вызовы и риски

Под общей редакцией Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова

Старый свет – новые времена

Коллектив авторов

**Европа ХХІ века.
Новые вызовы и риски**

«Нестор-История»

2017

УДК [061.1ЕС:327]"20"
ББК 66.2(4)+66.4(4)

Коллектив авторов

Европа XXI века. Новые вызовы и риски / Коллектив авторов —
«Нестор-История», 2017 — (Старый свет – новые времена)

ISBN 978-5-4469-1253-7

Данный труд представляет собой многосторонний, междисциплинарный мониторинг современных процессов в Европе. Происходящие здесь перемены значительны; их интенсивность будет сохраняться в ближайшие годы. Объективные и субъективные события, обусловленные не только глобализацией и новым этапом научно-технической революции, но и серьезными политическими просчётами, поставили Старый Свет перед фактом глубоких социально-экономических, политических и культурных трансформаций. Адекватные ответы на поставленные историей вопросы Европа пока не нашла. В обозримом будущем России предстоит иметь дело с европейским цивилизационным пространством, испытывающим кардинальные перемены.

УДК [061.1ЕС:327]"20"
ББК 66.2(4)+66.4(4)

ISBN 978-5-4469-1253-7

© Коллектив авторов, 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Введение	7
Новые страхи Европы	8
Конфигурации лидерства	11
Европа в мировом порядке	13
Раздел I	17
Глава 1. Экономическая интеграция и конвергенция	17
Теория экономического роста и практика ЕС	17
Уровни благосостояния и их количественные оценки	20
Факторы роста в различных группах стран	24
Глава 2. Социальное развитие Европы: проблемы и поиски	30
Социальное измерение европейской интеграции	32
Поиски путей к социальной интеграции	35
Оцифрованный труд и политика социального партнерства	36
Механизм социальной структуры Евросоюза	37
Новые подходы в реализации общеевропейской социальной политики	40
Перспективы Европейской социальной модели	41
Глава 3. Общественное сознание и идеологические сдвиги	44
Немного теории	44
Сдвиги в нынешнем общественном сознании: их причины и динамика	45
Исторические корни национального самосознания	46
Национальное самосознание и национализм	48
Современный национализм: содержательная оценка	50
Политическое эхо	52
Структура общественного сознания и иные противоречия	52
Евросоюз в вихре мировых противоречий	54
Глава 4. Судьбы гуманитарного прогресса	57
Экономическая основа	57
Социальное измерение	60
Правовые гарантии	64
Глава 5. Религии в современном мире: европейская демократия на пороге религиозной трансформации	70
Церкви и общество: присутствие религии и ее институтов	71
Католическое влияние	73
Протестантское влияние	75
Православное влияние	77
Религия и кризис европейской идентичности	79
Раздел II	84
Глава 6. Евросоюз в XXI в.: от триумфа к выживанию?	84
По ком звонит «брекзит»?	84
«Брекзит» как издержки образцовой демократии	86
«Брекзит» как вызов Евросоюзу	88
Будущее экономической Европы	89
Кризис в сфере общей внешней политики и безопасности	92

Иммиграционный кризис: «второе нашествие варваров» или иное?	94
Перспективы: быть ли Европейскому союзу?	95
Глава 7. Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации	99
Интеграционные форматы в Европе	99
Пределы европеизации	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Европа XXI века. Новые вызовы и риски

Под общей редакцией Ал. А. Громыко и В.П. Фёдорова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ Российской академии наук

Научный руководитель серии «Старый Свет – новые времена»:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко (председатель), к.э.н. В. Б. Белов, д.э.н. Ю. А. Борко, д.э.н. О. В. Буторина, акад. РАН В. В. Журкин, чл. – корр. РАН М. Г. Носов, д.и.н. Ю. И. Рубинский, чл. – корр. РАН В. П. Фёдоров, д.и.н. В. Я. Швейцер

Руководитель научного проекта:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко

Авторский коллектив монографии:

чл. – корр. РАН Ал. А. Громыко, акад. РАН В. В. Журкин, чл. – корр. РАН В. П. Фёдоров, чл. – корр. РАН М. Г. Носов, к.э.н. Н. М. Антюшина, к. полит. н Л. О. Бабынина, д.э.н. А. И. Бажан, к.э.н. В. Б. Белов, к. полит.н. Л. С. Биссон, д.э.н. Ю. А. Борко, д.э.н. О. В. Буторина, д. филос.н. Е. В. Водопьянова, д.и.н. А. А. Галкин, д.э.н. И. С. Гладков, к.э.н. Н. В. Говорова, д.и.н. С. Н. Гончаренко, к.э.н. К. Н. Гусев, к.э.н. Д. А. Данилов, к. пед.н. В. П. Журавель, к. филос.н. А. К. Камкин, к.и.н. П. Е. Кандель, д.и.н. М. В. Каргалова, к.э.н. Н. Б. Кондратьева, к. филос.н. Р. Н. Лукин, д. полит.н. И. Ф. Максимычев, д. полит.н. О. Ю. Потёмкина, д.и.н. Ю. И. Рубинский, д.э.н. В. С. Циреничиков, д.и.н. В. Я. Швейцер, д.и.н. Л. Н. Шишелина, к.и.н. И. Н. Щербак, В. В. Орлова (ответственный секретарь)

Рецензенты:

академик РАН Н. И. Иванова

академик РАН А. А. Кокошин

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Введение

Умерла ли «европейская мечта»

В разгар Второй мировой войны английский экономист и государственный деятель Уильям Беверидж, один из идеологов послевоенного европейского «государства благосостояния», назвал пять «величайших зол» своего времени: нищета, невежество, нужда, болезнь и безработица. После 1945 г. государства и общества Западной Европы на основе социальной рыночной модели и механизмов представительной демократии в основном избавились от этих бед. Конечно, нужда и безработица всегда оставались проблемами для миллионов людей, как и вечно не успевающее за общественными запросами здравоохранение. Однако масштаб этих невзгод (как и их место в массовом восприятии) снизился в разы по сравнению с теми обстоятельствами, в которых пребывала Европа сразу после разгрома нацизма. «Социальный контракт» и социальная справедливость со временем стали само собой разумеющимися атрибутами жизни.

Старый Свет во второй половине XX в. никогда не представлял собой пространство полного благополучия и процветания, как и безопасности. Европа переносила различные социальные, политические, экономические кризисы, культурные революции, жила в зыбких условиях холодной войны. И все же ее послевоенное развитие в целом укладывалось в представление о линейно-прогрессивном движении, со своими зигзагами и отступлениями, но в целом с поступательным характером. Многие достижения, особенно в социальной и экономической сфере, по шаблону храпового колеса становились неизменными атрибутами жизни, воспринимались новыми поколениями как данность. Благополучие Европы, как статистическое, так и в виде образов в сознании, достигло своего пика в первой половине 2000-х гг.

Новые страхи Европы

Во втором десятилетии нового столетия, во многом по нарастающей, положение дел коренным образом стало меняться. Былые страхи Старого Света возродились в своем старом или новом обличье. С 2014 г. в первой пятерке страхов европейцев появился терроризм. С тех пор в их сознании угроза международного терроризма занимает одно из ведущих мест. Она оказалась более беспощадной и демобилизующей, чем ушедший в прошлое терроризм «красных бригад», североирландских или баскских сепаратистов. Цели и мотивы тех, доморощенных экстремистов были известны и понятны с точки зрения того, как решать проблему. И во всех трех для примера указанных случаях она была в основном решена.

С привнесенным терроризмом Европа также была знакома раньше; его источниками становились израильско-палестинский конфликт, Алжирская война и др. Но его очаги были локализованы на географической карте и известны, и они находились за пределами Европы, представляли собой внешнюю опасность. Международный терроризм также поначалу был внешним фактором угрозы безопасности Европы. Но его отличительной особенностью стало то, что со временем он превратился во внутреннее явление Старого Света, крепко спаянное с событиями в других, неевропейских регионах. В 1990-е гг. этот горький опыт на Северном Кавказе приобрела Россия, а с 2001 г. – США и Западная Европа. Терроризм теперь не виден и распылен в том смысле, что взрыв или автоматная стрельба могут раздаться где угодно и где угодно может быть нанесен удар ножом: Париж, Ницца, Брюссель, Лондон, Мадрид, Манчестер, Мюнхен, Домодедово, Курск, Берлин, Барселона и т. д. Не менее угнетает сознание европейского обывателя и то, что совершающие эти преступления – европейцы, пусть и пришедшие в первом, втором или третьем поколениях, то есть те, кто родился в Европе и вырос в ней. И это уродливое явление не сводится к извращенному толкованию какой-либо одной религии или к цвету кожи – норвежский пример Брейвика показателен.

Место на пьедестале страхов европейцев с терроризмом делит миграция, которая с 2015 г. превратилась в один из ведущих факторов политической и экономической жизни Балкан и ЕС, испытала на прочность широко декларируемую солидарность стран – участниц Евросоюза. Очевидную роль во взрывном росте неконтролируемой миграции сыграла немецкий канцлер Ангела Меркель, поначалу широко распахнувшая двери в свою страну перед миллионами страждущих с Ближнего Востока и Африки. Лишь позже к ней пришло осознание того, что Евросоюз не обладал инструментами, достаточными для эффективных действий в таких форс-мажорных обстоятельствах.

Обеспокоенность европейцев растущей миграцией стала заметно усиливаться за несколько лет до этого, превращаясь в серьезную проблему для все большего числа жителей Старого Света. Не станет исключением и 2017 г. Провалом закончилась попытка ЕС внедрить систему обязательных квот по распределению беженцев в государствах-членах. На основе противодействия этим планам более сплоченно стала действовать Вишеградская четверка (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), жесткую позицию заняла Австрия. Балканские маршруты проникновения мигрантов в ЕС, вызвав нешуточные трения между государствами региона, были в целом перекрыты благодаря соглашению с Турцией. Однако отношения Брюсселя, Берлина, Амстердама и других европейских столиц с Анкарой настолько к настоящему времени испортились, что нет гарантий надежного его выполнения в будущем. Похоже, что ЕС окончательно упустил самую большую возможность по приращению своего геополитического веса после воссоединения Германии – прием в свои ряды Турции.

Оборотной стороной медали отказа ряда стран расселять пришедших стало удручающее положение Греции и Италии, принявших на себя основной удар миграционной волны по восточному и центральному средиземноморским маршрутам. Надежды на то, что потоки

беженцев и экономических мигрантов схлынут до предкризисных уровней, не оправдались. Пиковые значения 2015 г. – более 1 млн человек – далеки от повторения, но общая миграционная нагрузка на эти страны остается для Афин и Рима неприемлемой. В 2016 г. Европа приняла около 390 тыс. мигрантов. В 2017 г. показатели притока мигрантов стали вновь ползти вверх. Если за первые шесть месяцев 2016 г. на итальянские берега высадилось более 70 тыс. мигрантов, то за аналогичный период 2017 г. – более 85 тыс.¹ Недовольство Италии дошло до того, что Рим пригрозил запретить иностранным судам высаживать в итальянских портах мигрантов, подобранных в море, то есть пересмотреть мандат операции «Тритон», которую осуществляет агентство ЕС «Фронтекс».

За терроризмом и миграцией следует третий страх европейцев – экономические неурядицы и социальное неравенство. Экономика Евросоюза с 2012 г. показывает медленный рост, но это модель низкого роста. Инвестиции в ЕС находятся на уровне ниже исторически среднего, то есть порядка 22 % ВВП. Не решена проблема «плохих», невозвратных кредитов, хотя признаки нормализации имеются. В целом удалось справиться с задачей сокращения бюджетных дефицитов, но масштабные меры по спасению государствами своих финансовых институтов в 2008–2009 гг. привели к кризису суверенной задолженности, к резкому росту государственного долга, который в еврозоне в среднем превысил 90 % ВВП². Сегодня недостижимой мечтой является целевой показатель Пакта стабильности и роста, вступившего в силу в 1999 г., согласно которому государственный долг не должен превышать 60 % национального ВВП. Многие страны ЕС продолжают жить не по средствам. Общепринятым стало мнение о невозможности Греции когда-либо выплатить свой госдолг, который приблизился к 180 % ВВП. Экономика страны подключена к аппарату искусственного дыхания в виде внешних заимствований.

Остаются нерешенными, более того, усугубляются другие проблемы. Выступая 8 июня 2017 г. на заседании Совета управляющих Европейского центрального банка в Таллине, Марио Драги заявил, что социальное неравенство в ЕС является фактором сильной дестабилизации. Неравенство в доходах населения стран – членов еврозоны выросло со времени глобального финансового кризиса. Кроме того, наблюдается увеличение дивергенции между более богатыми и менее богатыми участниками еврозоны. Именно растущее социальное расслоение и обеднение широких слоев среднего класса – причина феномена «нового популизма» и в Европе, и в США. Он же сыграл видную роль в таких явлениях, как «брекзит» и избрание Д. Трампа.

Данные Евростата свидетельствуют, что в наибольшей степени проблема неравенства проявилась на «периферии» ЕС – в Греции, Испании, Португалии. Оно увеличилось и в таких государствах, как Франция и Германия³. По абсолютным показателям неравенства в доходах в наибольшей зоне риска (доходы верхних 20 % населения превышают доходы нижних 20 % более чем в 6–8 раз) находится значительная группа стран, включающая, по нарастанию неравенства: Эстонию, Латвию, Грецию, Испанию, Болгарию, Литву и Румынию⁴.

Неизменный спутник перечисленных проблем – еще одно из «величайших зол» У. Бевериджа – безработица. В мае 2017 г. в ЕС-28 работу не имели более 19 млн человек (9,3 % трудоспособного населения)⁵. Этот показатель намного лучше антирекорда 2013 г. – 11 %,

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://migration.iom.int/docs/Monthly_Flows_Compilation_Report_No_5_June_2017_.pdf (Дата обращения: 08.08.2017).

² EU 2016. From Trends to Policies. European Political Strategy Centre. European Commission. P. 10–11, 51.

³ Europe's inequality highly destabilising, ECB's Draghi says. REUTERS, 26 June 2017. Global Trendometer / Essays on medium- and long-term global trends. Autumn 2016. Global Trends Unit. PE 573.301 – October 2016.

⁴ Eurostat. Income distribution statistics. Data extracted in February 2017.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics (Дата обращения: 08.08.2017).

но цифры по странам сильно различались. В самом тяжелом положении находились Греция (22,5 % безработных) и Испания (17,7 %). В категории до 25 лет положение было особенно бедственным – безработица достигла 18,9 % в еврозоне (16,9 % в ЕС-28). Ее пиковые страновые значения зарегистрированы в Греции (46,6 %), Испании (38,6 %), Италии (37 %). По общим показателям безработицы ситуация не выглядела из ряда вон выходящей. Так, в конце 2004 г. в ЕС безработица составляла 9,2 %. Но современная ее структура, отсутствие перспектив найти стабильную работу, стагнация заработной платы или ее абсолютное снижение скрывают за этими схожими цифрами намного больший протестный потенциал. Не случайно, что именно радикально настроенная молодежь со всей Европы внесла основной «вклад» в массовые беспорядки во время проведения саммита «большой двадцатки» в Гамбурге в июле 2017 г.

Невзгоды, обрушившиеся на Евросоюз с 2005 г., со времени конституционного кризиса, усилили разбалансировку управленческих механизмов в Евросоюзе. Она дает о себе знать и по сути, и по форме. В очередной раз очевидность этого проявилась 4 июля 2017 г. на пленарном заседании Европарламента в Страсбурге, на котором с докладом о результатах председательства Мальты в Европейском совете выступил ее премьер-министр Джозеф Мускат. На заседание явились порядка 30 евродепутатов из 751. Президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, по традиции участвовавший в мероприятиях такого формата, резко высказался по этому поводу, назвав Европарламент посмешищем и обещав больше не приходить на такие заседания. Его возмутило пренебрежение, которое евродепутаты продемонстрировали в отношении «малой страны» ЕС. Не менее резко ему ответил президент Европарламента Антонио Таяни, указавший на то, что это ЕК подотчетна ЕП, а не наоборот. На следующий день Юнкер передал Таяни письмо с извинениями.

Перепалка между руководителями двух ветвей власти в ЕС не выглядела бы так сюрреалистично, если бы отражала личные, а не институциональные проблемы в функционировании организации. Позже, комментируя эту стычку, ряд евродепутатов в оправдание провального заседания приводили аргументы в пользу того, что в порядке вещей слабое внимание к председательству малой страны ЕС. Аргумент, который лишний раз подчеркивает очевидность случившегося. Казалось бы, частный эпизод, но в действительности он говорит о разрыве между декларациями о способах принятия решений в ЕС и реалиями: в центре этого процесса стоят вес и влияние крупнейших государств-членов.

Конфигурации лидерства

С учетом раскручивающегося маховика «брекзита», ближайшее будущее Евросоюза будет зависеть от действий или бездействия, инициатив и политического лидерства в первую очередь остающейся в ЕС «большой четверки»: Германии, Франции, Италии и Испании. Именно в таком составе, получившем название «версальский формат» по месту проведения совещания, руководители этих государств встретились в марте 2017 г. «Четверка» могла бы вырасти до «пятерки», однако отношения Брюсселя и Варшавы испорчены как никогда, и теперь не только в связи с критикой в том, что Польша отходит от верховенства закона и свободы слова. Особенно недобрую память о себе оставила после себя попытка Варшавы заблокировать на саммите ЕС в марте 2017 г. продление мандата поляка Д. Туска в качестве председателя Европейского совета. Кроме того, именно Польша вместе с прибалтийскими государствами делает все возможное для торпедирования строительства новой ветки газопровода «Северный поток – 2», который принес бы Германии и другим странам бесспорные экономические выгоды. Игнорировала Польша и протесты Берлина и Вены в отношении намерений законодателей США использовать экстерриториальное применение закона для лоббирования в Европе интересов американских компаний – производителей сжиженного газа за счет поставок из России. Во время визита Д. Трампа в Польшу в июле 2017 г. власти страны громко приветствовали планы по превращению своей территории в хаб для поставок СПГ из-за океана.

Несколько важных процессов оказываются в Евросоюзе в режиме сталкивающихся друг с другом тенденций. Избрание президентом США Д. Трампа обозначило линию на дальнейшее ослабление внимания Вашингтона к европейскому «театру политических действий». Одновременно грядущий выход Британии из интеграционного объединения еще больше ослабляет влияние англо-саксонского фактора на развитие ЕС. В результате в сложной ситуации оказывается ряд стран – «младоевропейцев», вступивших в организацию в 2004 г. и позже и рассматривавших в первую очередь США и Британию как своих покровителей. Теперь же им надо либо переориентироваться на других грандов ЕС, либо продолжать полагаться на стратегическую поддержку американцев и англичан. Однако ни Вашингтон, ни Лондон в новых исторических условиях не будут уделять им столько же внимания, как в период до «брекзита» и до Трампа.

Что касается переориентации, то встает вопрос – на кого? Германия продолжает набирать вес в Евросоюзе, что станет особенно очевидным в свете вступления А. Меркель в четвертый раз в должность канцлера Германии после парламентских выборов в сентябре 2017 г. Но это не то государство, под сенью которого прибалтийские страны или Польша чувствуют себя комфортно, тем более что по ряду экономических вопросов их интересы прямо противоположны.

Франция также не выглядит как очевидный восходящий лидер. Избрание на пост президента страны Э. Макрона привело к возрождению риторики о величии Франции, о возрождении ее тандема с Германией. В реальности осуществление этих надежд будет связано не с конкретным политическим персонажем и красивыми декларациями, а с тем, сможет ли экономика страны выйти из стагнации, как будут решаться проблемы растущего государственного долга и высокой безработицы. Традиционная партийно-политическая система Франции практически ушла в прошлое, и процесс ее нового реформирования в ближайшие годы будет вносить свою долю неопределенности в развитие государства.

О перспективах лидерских качеств Италии в ЕС судить еще сложнее. Она удерживает позицию третьей по размеру экономики еврозоны, но по ряду макропоказателей и социального благополучия находится в тяжёлом положении. В то же время вес Италии в ЕС поддерживается на достаточно высоком уровне также благодаря тому, что ряд ключевых постов в наднациональных структурах занимают граждане этой страны, например: М. Драги – глава Европейского центрального банка, Ф. Могерини – руководитель Европейской службы внешних

действий, А. Таяни – президент Европарламента. Сможет ли Италия усилить свои позиции в ЕС, зависит и от того, как будет складываться ее внутренняя политическая повестка дня: чем закончатся парламентские выборы в 2018 г., вернется ли М. Ренци на пост премьер-министра, прорвется ли к власти на национальном уровне Движение пяти звезд и т. д.

В современных условиях Евросоюз, как никогда, заинтересован во внутреннем сплочении и эффективном распределении бремени лидерства между ведущими странами-членами. Однако на практике во многом происходят противоположные процессы. Германия продолжает осознанно или по воле обстоятельств наращивать свое влияние в ЕС; тем самым асимметрии, если не формальные, то фактические, в управленческих механизмах организации увеличиваются. Великобритания, при всей проблемности этой страны для интеграционных процессов, играла важную роль балансира в системе сдержек и противовесов внутри организации, чем часто пользовались к своей выгоде и Франция, и Германия, и «младоевропейцы». Теперь Париж и Берлин остаются друг с другом наедине. Варшава же и другие «малые» столицы вынуждены либо с удвоенной силой продвигать свое реноме самых преданных союзников США в Европе (функция этого реноме – поддержание антироссийских настроений), либо находить новые рычаги по удержанию своего политического веса в ЕС с помощью усиления различных форматов отношений, межгосударственных группировок внутри ЕС и взаимодействия между ними, например: «веймарский треугольник», Вишеградская четверка (В4), Бенилюкс, формат НБ8 (Балтийские страны и Нордические государства) и др.

Одна из причин постепенного роста евроскептических настроений в ЕС в последние десятилетия состояла в усилении роли его наднациональных структур за счет государств-членов. И здесь дилемма, которую ярко высветил мировой экономический кризис и затем кризис еврозоны, заключается в том, что для выхода из зоны системных рисков ЕС нуждается в углублении интеграции по ряду параметров: создание полноценных банковского союза, фискального союза, энергетического союза, внешней политики и политике безопасности. Другими словами, речь идет о продолжении движения в сторону превращения ЕС в федеративное образование. Это означает, что страны-члены должны и дальше передавать наверх часть своих суверенных полномочий, а значит, централизация в ЕС не может не усиливаться. Следовательно, еще острее встанет вопрос о «демократическом дефиците», об усилении власти евробюрократии, о размывании ответственности и о дальнейшем снижении популярности институтов представительной демократии на национальном уровне. Это та самая красная тряпка для быка, которая дала возможность евроскептицизму в ЕС вырасти до небывалых размеров.

Необходимо отметить, что идея о необходимости энергичных действий по модернизации европейского интеграционного проекта через его дальнейшее углубление набирала обороты в брюссельских кабинетах задолго до прихода Д. Трампа в Белый дом и до референдума по «брекзиту». Глубокие разногласия между США и ЕС проявились в 2003 г. из-за интервенции в Ирак. В годы президентства Б. Обамы, прошедшие под знаком «разворота к Азии», с новой силой обозначился отход Вашингтона от традиционных представлений о ведущем месте Европы в системе его приоритетов. При Обаме, а не Трампе завязла в американском конгрессе ратификация соглашения о транстихоокеанском партнерстве. При нем же так и не смогли далеко продвинуться переговоры о заключении партнерства трансатлантического. Уже осенью 2014 г. предвыборная программа Ж.-К. Юнкера в ходе его борьбы за пост президента Еврокомиссии включала пункт о создании «европейской армии». И все же понадобилась шоковая терапия избрания Трампа и «брекзита», чтобы идея с подоплекой Соединенных Штатов Европы (выражение слишком «токсичное» для употребления в официальном дискурсе ЕС) без обиняков вышла на свет и в виде тезиса о дальнейшей консолидации организации и солидарности его стран-членов стала усиленно продвигаться, в том числе с помощью принципа «многогостройной Европы».

Европа в мировом порядке

Саморефлексия Евросоюза на нынешнем этапе вплетена в дискуссии о судьбах «либерального международного порядка», или по-другому – о перспективах сохранения за коллективным Западом руководящих позиций в глобальном управлении. Изоляционистские ноты в политике США после избрания Д. Трампа, укрепление позиций Китая в качестве альтернативного центра мирового влияния, внутренние проблемы ЕС и «брекзит» являются столь убедительными свидетельствами фундаментальных изменений в международных отношениях, что последние получают повсеместное признание, в том числе на ведущих западных экспертных площадках либерального толка. Так, в докладе британской организации «Уилтон-парк» «Будущее либерального мирового порядка: тренды и вызовы до 2030 г.» говорится: «Внутренняя поляризация и относительное снижение влияния означают, что домашняя повестка дня ограничивает свободу действий США на мировой арене и они теряют влияние. Президент Трамп – продолжение, а не источник этого тренда»⁶.

У ЕС уже был шанс перехватить у США лидерство в рамках коллективного Запада в первой половине 2000-х гг. Об этом тогда свидетельствовали фрондерские настроения в Париже и Берлине и достаточно проработанная идейная база первенства Европы. Даже в британском политическом классе и среди британских интеллектуалов после внешнеполитического провала Т. Блэра в 2003 г. популярность идеи о превращении ЕС в автономный мировой центр влияния без привязки к США была как никогда высокой. Писали о восходе «нового века Европы», «не потому, что Европа будет управлять миром, как империя, но потому, что европейский образ действий будет принят по всему миру»⁷.

Последующие многослойные кризисы в ЕС и вокруг него, активная проамериканская позиция ряда «младоевропейцев» (государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже), затухание американо-скептических настроений и в Париже, и в Берлине, и в Лондоне не позволили этим ожиданиям сбыться. Однако к 2017 г. события в мировой и региональной политике вновь поставили перед ЕС примерно те же вопросы, стали заставлять членов этого объединения вновь вернуться к идее пересмотра взаимоотношений с США. Разница состоит в том, что если раньше Вашингтон сопротивлялся этому процессу, стремясь не без успеха восстановить свое первенство в рамках коллективного Запада, то теперь он сам подталкивает Европу к большей самостоятельности, покидая территории «либерального мирового порядка».

В результате ЕС оказался на развилке: либо самому становиться вместо США во главе этого порядка, либо искать иные, нежели американский, геополитические рычаги по приращению своего влияния в мире. С учетом значительного ослабления ЕС по сравнению с ситуацией до конституционного кризиса 2005 г. и последующих перипетий, первый вариант представляется нереальным и сугубо риторическим. Его бесперспективность особенно проявляется при анализе возможностей Германии взять на себя бремя «лидера свободного мира». Даже ее наиболее сильные конкурентные преимущества могут становиться яблоком раздора, а не объединяющим фактором. Например, это касается огромного профицита торгового баланса страны, который приблизился к 300 млрд долл. В отношении к национальному ВВП это самый высокий показатель в мире. Доля потребительских расходов в ВВП сократилась в Германии до 54 % (в США – 69 %, в Британии – 65 %). С учетом того, что безработица в стране – одна из самых низких в Европе, положительное сальдо текущих операций, превышающее 8 % ВВП, ложится на торговых партнеров Германии тяжелым бременем.

⁶ *Lovering I.* Report «The future of a liberal international order: trends and challenges towards 2030». Wilton Park. Foreign & Commonwealth Office. April 2017. P. 4.

⁷ *Леонард М.* XXI век – век Европы. М.: Хранитель, 2006. С. 217.

Перед лицом складывающихся с США отношений, которые носят скорее конкурентный характер, чем комплементарный, «брекзита» и хронических проблем еврозоны ЕС не может позволить себе иного, кроме курса на проведение внутренней модернизации и налаживание взаимовыгодного сотрудничества с другими центрами силы и влияния в мире. Такими могут быть в первую очередь Китай, Россия, Турция. Пока достаточно эффективно взаимодействовать у ЕС получается только с Пекином. Ни с Москвой, ни с Анкарой Брюссель не смог в последние годы удержать отношения от обвала. Что касается задачи внутреннего обновления ЕС, то вновь встает вопрос о дилеммах его развития.

Проблема, которая по сложности своего разрешения близка к задаче по квадратуре круга, звучит для ЕС следующим образом: как совместить необходимость дальнейшего усиления коммунитарных и наднациональных начал с усилением центробежных тенденций в объединении как реакции на ослабление традиционных функций национальных государств? Согласны ли последние с тезисом, высказанным бывшим президентом ЕК М. Баррозу в 2007 г.? Тогда, в июле на пресс-конференции в Брюсселе он заявил: «У нас есть имперское измерение, но важно понимать разницу. Империи обычно создавались силой, когда из центра исходил диктат... Теперь мы имеем первую неимперскую империю. У нас 27 стран⁸, которые достигли полного согласия работать вместе и объединить свои суверенитеты»⁹. Решение большинства жителей Британии покинуть организацию показало, что дальнейший курс на «неимперскую империю» может для ЕС стать смертельным.

В связи с этим выдвигаются альтернативные точки зрения на то, как дальше развивать интеграционный проект. Разочарование в способности наднациональных структур ЕС преуспеть в этом заставляет серьезных аналитиков отказываться от традиционных нарративов. «Сейчас ЕС не способствует интеграции, а мешает ей, – пишет профессор Оксфордского университета Ян Зилонка. – ЕС выйдет из текущего кризиса сильно ослабленным. Он, вероятно, выживет, но в более скромных формах. <...> Он предполагал модель интеграции с единым институциональным центром с чрезмерными полномочиями при неадекватных легитимности и ресурсах»¹⁰. Известный своим либеральным и проевропейским кредо профессор Тимоти Гартон Эш не находит ответа на вопрос: распадается ли Европа? Он присоединяется к критике хронических болезней еврозоны и прогнозирует лишь то, что суть нового этапа, пришедшего на смену периоду «после стены» (1989–2009), можно будет определить «через одно – три десятилетия»¹¹. Одна из ведущих в Брюсселе экспертных организаций – Центр исследований европейской политики – предлагает ЕС «регруппироваться и реформироваться», признавая, что поддержание статус-кво неизбежно приведет к дальнейшей регрессии. Правда, идти вперед предлагается на основе принципа «делать лучше то же самое»: «Не существует серебряной пули для перезапуска ЕС... Уязвимость ЕС заключается в его неспособности завершить амбициозные изменения... слабость политических элит состоит в нерешительности при внесении улучшений в буксующий европейский проект...»¹²

Аргументация сторонников удержания «либерального мирового порядка», во главе с США или ЕС, все чаще сталкивается с критикой и иными подходами к анализу формирования новой модели международных отношений. Так, Дж. Мирсхаймер, реалист, рассматривающий такую модель сквозь призму баланса сил, считает, что в действительности «либеральный мировой порядок» после 1945 г. был лишь «западным мировым порядком», который Запад после распада биполярного мира попытался сделать универсальным. Развитие событий в последние

⁸ ЕС-28 сложился в 2011 г. после вступления в организацию Хорватии.

⁹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brusselsjournal.com/node/2244> (Дата обращения 08.08.2017).

¹⁰ Zielonka J. Is the EU Doomed? Polity Press. Reprinted 2016. P. VIII–XIV.

¹¹ Ash T. G. Is Europe Disintegrating? The New York Review of Books. 19 January 2017.

¹² Regroup and Reform. Ideas for a More Responsive and Effective European Union. Report of a CEPS Task Force. CEPS, Brussels, 2017. P. 3–4.

годы показало тщетность этих попыток¹³. П. Шульце, профессор Геттингенского университета, считает, что новая расстановка сил на международной арене складывается под воздействием политики Вашингтона, Москвы и Пекина и в меньшей степени Европейского союза. В результате может возникнуть полицентричный глобальный порядок¹⁴.

Профессор Ричард Саква, исследователь программы России и Евразии Королевского института международных отношений («Чатам хаус»), выдвигает тезис о формировании «третьего мирового порядка» (после биполярного и однополярного), в котором отсутствует гегемон. Переход к нему происходит посредством борьбы конкурирующих мировых порядков: с одной стороны – либеральная международная система во главе с США, с другой – нарождающийся антигегемонистский блок с участием Китая, России и ряда других государств. Р. Саква утверждает, что Евросоюзу грозит раствориться в «новом атлантизме» и потерять собственное ощущение цели и ответственности. Вместо того чтобы продвигать мирную интеграцию, опираясь на панъевропейскую платформу, пишет он, ЕС становится инструментом по созданию новых разделительных линий на континенте. Он приходит к выводу, что «Европа, рожденная после окончания холодной войны, умерла, и новой Европе, объединяющей евроатлантические и евроазиатские черты, еще предстоит родиться»¹⁵. Профессор Кентского университета Адриан Пабст считает, что после «брекзита» и победы Д. Трампа либеральный мир лежит в развалинах. С учетом триумфа патриотично настроенных лидеров в таких странах, как Индия, Россия, Япония и Филиппины, «брекзит» и Трамп олицетворяют силы глобального сопротивления правящему либеральному истеблишменту¹⁶.

Эти и многие другие точки зрения показывают, что роль Евросоюза и в целом Большой Европы в XXI в. крайне неопределенна, что оценки современного состояния дел на континенте и его будущего – столь разнообразны, что часто противоречат друг другу. В этой нестабильной и изменчивой ситуации роль политического лидерства будет чрезвычайно высокой, как и ценность способности к стратегическому мышлению. Сложившаяся в мире и в Большой Европе ситуация стимулирует государство вырабатывать новые стратегические подходы.

Специфика политического процесса в России позволяет при их внедрении не зависеть от коротких электоральных циклов, предоставляя удобный горизонт стратегического планирования. В первую очередь речь идет о политике «разворота на Восток», о крупных экономических проектах в неевропейской части России, таких как «Сила Сибири». Многообещающим может стать решение о выделении земель на Дальнем Востоке в случае его системного внедрения. Вероятно, что с учетом долговременного характера большинства вызовов безопасности российского государства, как внутренних, так и внешних, понадобятся и другие неординарные стратегические шаги, например перенос ряда столичных функций в Сибирь¹⁷.

При этом на всю обозримую перспективу геополитическая и экономическая значимость Старого Света будет определять ведущую роль европейского вектора политики России, диктовать необходимость нормализации ее отношений с наиболее влиятельными странами и организациями на континенте. Выгода от этого была бы всеобщей. Объективные процессы глобализации и серьезные политические просчеты поставили перед государствами – членами Евросоюза

¹³ См.: John J. Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics (New York: Norton, 2001). Updated Edition (New York: Norton, 2014).

¹⁴ Ключевые тезисы доклада П. Шульце на конференции: An Emerging New World Order? – Building Blocs, Drivers and Perspectives. Исследовательский институт «Диалог цивилизаций». Берлин, Германия. 19 июня 2017 г.

¹⁵ Sakwa R. (2015) The Death of Europe? Continental Fates after Ukraine // International Affairs, 91 (3). P. 578–579.

¹⁶ Pabst A. Brexit, Post-liberalism and the Politics of Paradox // Telos, 2016. № 176.

¹⁷ Речь идет о необходимости развивать стратегическое мышление, не ограничиваясь рамками военной теории и практики. Именно последние традиционно являлись в истории и остаются базой стратегического мышления. Однако невоенная часть стратегического планирования приобретает в XXI в. все большее значение, во многом равносильное традиционному формату. Об эволюции стратегического мышления см.: Milevski L. The Evolution of Modern Grand Strategic Thought. Oxford University Press, 2016.

вопрос о выживании этого интеграционного объединения. Адекватный ответ на него не будет найден без стратегии воссоздания кооперационного пространства от Атлантики до Тихого океана.

* * *

Пять «величайших зол» У. Бевериджа, о которых говорилось вначале, – нищета, невежество, нужда, болезнь и безработица – во многом были изгнаны из Европы после 1945 г. На ее востоке и западе, везде по-своему, было создано социальное государство, обеспечившее определенные стандарты благосостояния, жизненные перспективы. Одни государства в этом преуспели больше, другие меньше. В 1975 г. на Совещании в Хельсинки Европа нашла в себе силы пойти дальше и взяться за построение пространства безопасности, основанного на единых подходах и принципах. С конца 1980-х и до конца 1990-х гг. это общее наследие могло воплотиться в создании общей системы безопасности от Атлантики до Тихого океана. Позже те же принципы были заложены в видении единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока.

В начале XXI в. казалось, что осуществление концепции Большой Европы находится в пределах досягаемости. Сегодня она отложена в долгий ящик. Несколько из величайших зол вернулись в буквальном или преображенном виде в Старый Свет. Безработица и нужда сопровождали мировой экономический кризис и его европейские вариации. Поразили Европу и нищета стратегического мышления, и просто потеря чувства самосохранения, позволившие войне вернуться сюда. Югославия, Грузия, Украина – за войны на этих территориях Европа несет ответственность. Не без ее участия насилие приобрело небывалый размах и в прилегающих регионах. На совести Европы и невежество в отношении истории, и собственного христианского и гуманистического наследия, когда массовое сознание оказалось столь податливым к зловещему искушению «новой холодной войны».

Для «европейской мечты» не все еще потеряно, но только если она не будет и дальше растаскиваться по национальным и региональным квартирам. Монополия на Европу со стороны одной из ее частей – историческая близорукость. Пусть она корни, и европейская цивилизация не переживет в своем нынешнем виде текущего столетия. Европейцы на западе и востоке Старого Света смогут прожить друг без друга, но скоро они незаметно пересекут точку невозврата, после которой ослабленная и раздробленная Европа будет долго наблюдать свой закат в тени других, более дальновидных и жизнеспособных цивилизаций.

Раздел I

Мир в эпоху потрясений

Глава 1. Экономическая интеграция и конвергенция

Современная экономическая наука исходит из того, что региональная интеграция способствует догоняющему экономическому росту относительно слабых стран-участниц и таким образом сокращает их отрыв от более преуспевающих государств. Внутри интеграционного объединения действует несколько факторов такого сближения, или конвергенции. Общее экономическое пространство облегчает трансляцию новых технологий и культуры производства, делает более рациональным распределение ресурсов – бедные страны принимают капиталы из богатых стран. Интеграция также усиливает конкуренцию и, следовательно, предпринимательскую активность на микроуровне в относительно менее развитых регионах.

Ожидания экономического роста и общего повышения уровня жизни сыграли важную роль в процессе присоединения стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) к Европейскому союзу. Такие ожидания были характерны как для их элит и широких слоев населения, так и для общественного мнения западноевропейских соседей. После длительной подготовки, в 2004 г. в ЕС вступило восемь стран ЦВЕ, в 2007 г. его полноправными членами стали Болгария и Румыния, а в 2013 г. – Хорватия.

Задача данного исследования – оценить результаты процесса экономической конвергенции стран ЦВЕ с основным составом ЕС с тем, чтобы выявить, насколько европейская интеграция влияет на процесс социально-экономической конвергенции. Методической базой служит теория долгосрочного экономического роста в ее современной интерпретации – унифицированной модели роста (*unified growth model*). Работа состоит из трех частей. В первой части положения моделей роста сопоставляются с практикой экономической политики ЕС в отношении новых государств-членов. Во второй части проводится количественный анализ результатов конвергенции среднедушевых доходов. В третьей части при помощи линейной парной регрессии оценивается взаимодействие отдельных факторов роста с уровнем душевого дохода в восточной и западной частях ЕС.

Теория экономического роста и практика ЕС

Интеграция стран ЦВЕ в хозяйственное пространство ЕС осуществлялась в контексте крупных сдвигов, происходивших, с одной стороны, в экономической теории, а с другой – в идеологии и практике макроэкономического управления. Новый взгляд на закономерности экономического развития нашел отражение в политике ЕС в отношении стран-кандидатов и в предъявленных к ним требованиях в виде копенгагенских критериев.

В экономической мысли с конца 1980-х гг. внимание ученых переключилось с проблематики экономических циклов на определение детерминант долгосрочного хозяйственного роста¹⁸. Развернутая по инициативе Ж. Делора программа Единого внутреннего рынка (ЕВР) основывалась на новой модели эндогенного роста. Ее основоположниками считают Пола Ромера и Роберта Лукаса, идеи которых были развиты и дополнены в трудах Серхио Ребело,

¹⁸ Здесь автор опирается на обзор теоретических подходов, изложенных в фундаментальной работе Дж. Мокира и Г.-И. Фотха «Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства». См.: *Mokyr J., Voth H.-J. Understanding growth in Europe, 1700–1870: theory and evidence / Ed. by St. Broadberry, K.H. O'Rourke. The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 1. Cambridge University Press, 2010. P. 7–42.*

Гене Гроссмана, Элханана Хелмпана, Майкла Кремера и др.¹⁹ Теория эндогенного роста раскрывала имеющиеся у общества внутренние источники экономического развития. Особую роль она отводила человеческому капиталу, технологиям и численности населения. Хотя в моделях эндогенного роста технологии считаются внешним фактором, их разработчики также признают важность условий, способствующих технологическим изменениям и их применению обществом.

В целом же создаваемая с начала 1990-х гг. унифицированная модель роста относит к его основным факторам следующие пять: демографию, институты (включая обеспечение прав собственности), человеческий капитал, технологии и культуру²⁰.

Предусмотренное программой ЕВР расширение экономического пространства и преодоление фрагментации рынков должны были создать условия для устойчивого экономического роста за счет усиления конкуренции и ускорения технологического прогресса. Предполагалось, что в большом экономическом пространстве возникнет не только временное, но и постоянное ускорение роста, а также сформируется тенденция к нивелирующему росту – уменьшающему разрыв в уровнях жизни между отдельными странами и регионами. Интеграция рынков должна была увеличивать приток капиталов в бедные страны до тех пор, пока предельные доходы на единицу капитала не сравнялись бы с более богатыми регионами²¹.

В экономической политике начавшийся после кризисов 1970-х гг. неоконсервативный сдвиг привел к смене приоритетов макроэкономической политики. Ее роль уже видели не в стабилизации экономического цикла и обеспечении полной занятости, а в разработке средне- и долгосрочной стратегии экономического роста и в решении структурных проблем. Главные усилия отныне направлялись уже не на расширение совокупного спроса, как это делалось в рамках кейнсианской модели, а на повышение нормы накопления. Наивысшей ценностью стал сам рынок, свободная конкуренция. Соответственно изменился и арсенал средств макроэкономического управления. Уменьшалась роль бюджета, социальных программ и прогрессивного налогообложения. Повышалась роль денежно-кредитной и валютной политики, которые должны были обеспечить среднесрочную стабильность национальной валюты. Росло значение промышленной (структурной) политики, широкое распространение получили приватизация и дерегулирование²².

С точки зрения теории эндогенного роста, прием в Евросоюз стран ЦВЕ с общей численностью населения свыше 100 млн человек увеличивал емкость единого внутреннего рынка, расширял поле деятельности для ведущих западноевропейских ТНК. В государствах-кандидатах существовал консенсус относительно благоприятных перспектив «возвращения в Европу» и будущего членства в ЕС. Ожидалось, что, сбросив оковы планового хозяйства, эти страны запустят механизмы конкуренции и личной заинтересованности работников в результатах труда, приобщатся к новейшим достижениям науки и техники, встанут на путь устойчивого роста.

¹⁹ *Romer P. M.* . Increasing Returns and Long-Run Growth // *Journal of Political Economy*. Oct. 1986. Vol. 94 № 5. P. 1002–1037; *Lucas R. E.* On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. № 22. P. 3–42; *Rebelo S.* Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth // *The Journal of Political Economy*. June 1991. Vol. 99 № 3. P. 500–521; *Grossman G. M., Helpman E.* Endogenous Innovation in the Theory of Growth // *The Journal of Economic Perspectives*. Winter 1994. Vol. 8. Issue 1. P. 23–44; *Kremer M.* Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990 // *Quarterly Journal of Economics*. 1990. № 108. P. 681–716.

²⁰ В качестве дополнительного материала на русском языке можно рекомендовать следующие работы: *Бетелл Т.* Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008; *Коломбатто Э.* Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.

²¹ *Оппенлендер К. Г.* Европейская промышленная политика – необходимость и принципы // *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 5. С. 126–133.

²² *Осадчая И.* Смена стратегии регулирования в капиталистических странах // *Мировая экономика и международные отношения*. 1987. № 10. С. 13–27.

В середине 1990-х гг., еще до вступления в ЕС, все страны-кандидаты подписали с Евросоюзом соглашения об ассоциации, которые обеспечили свободу передвижения товаров, людей, услуг и капиталов – то есть взаимное открытие рынков. Провозглашенные Евросоюзом в 1993 г. копенгагенские критерии требовали, чтобы еще до начала переговоров о вступлении страна-кандидат продемонстрировала:

- наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона и права меньшинств;
- наличие функционирующей рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию на внутреннем рынке ЕС;
- готовность взять на себя обязательства, связанные с вступлением в ЕС и с будущим присоединением к зоне евро.

Подготовка к вступлению сопровождалась массовой приватизацией – передачей в частные руки государственных предприятий, устранением государственного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов и открытием экономики по отношению к внешнему миру.

Финансовая помощь странам ЦВЕ предоставлялась по линии программы ФАРЕ, Европейского банка реконструкции и развития (действующего вне институциональных рамок ЕС), Европейского инвестиционного банка, а уже после их вступления в ЕС – также из структурных фондов Сообщества. Она должна была восполнить нехватку средств на внутренних рынках, возникшую ввиду приватизации, слабости национальной финансовой системы, повышенной инфляции, недостаточной конкурентоспособности местных производителей и неустойчивости национальных валют. Ту же функцию выполнял приток частного иностранного капитала, устремившийся в страны ЦВЕ из Западной Европы.

Сравнивая детерминанты экономического роста с мерами Евросоюза, направленными на интеграцию стран ЦВЕ в его общее хозяйственное пространство, можно получить следующую картину.

Фактор демографии находится вне досягаемости органов ЕС. Цели по стимулированию рождаемости, если и могут ставиться, то только на уровне национальных правительств, тогда как их эффективность остается весьма сомнительной.

Создание институтов рыночной экономики и обеспечение прав собственности находилось в центре внимания органов ЕС. Задача решалась как при помощи копенгагенских требований, так и путем внедрения законодательства ЕС в право стран-претендентов в процессе их подготовки к вступлению. Важное значение придавалось развитию демократических институтов и укоренению демократических стандартов. Хотя понятие инклюзивных экономических институтов сформировалось позже, почти все элементы концепции были включены в повестку дня. А именно: гарантия безопасности частной собственности, непредвзятая система права и предоставления общественных услуг, доступ на рынок для нового бизнеса и право выбирать карьеру²³. Вне поля зрения ЕС остались права трудящихся влиять на действия работодателей, а также возможности населения противодействовать демонтажу социальных сервисов.

Человеческий капитал стран ЦВЕ считался достаточно развитым благодаря высоким показателям образования, присутствию на рынке труда большого числа инженерно-технических кадров, врачей, педагогов и научных работников. Специальные усилия со стороны ЕС ограничивались в основном дополнительным образованием государственных служащих. Вопрос о разнице в уровнях подготовки специалистов одних и тех же профессий в восточной и западной частях Европы хотя и возникал, но не имел практического продолжения в политике ЕС в отношении новых членов.

²³ Подробнее об инклюзивных и эксклюзивных экономических и политических институтах см.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Решающий фактор технологий оказался на периферии круга задач органов ЕС, как представляется, по двум причинам. Первая состоит в том, что собственно научно-техническая политика ЕС только начала формироваться в 1980-е гг., а ее средств было явно недостаточно для того, чтобы стимулировать НИОКР в новых государствах-членах. По разным подсчетам, в 1990–2000-е гг. через рамочные программы научно-технического развития ЕС осваивалось от 1 до 4 % всех ассигнований на научные исследования в государствах – членах Евросоюза. Вторая причина заключается в том, что под воздействием либеральных идей руководство ЕС возлагало особые надежды на частную инновационную активность – как со стороны освободившихся от государственного давления местных предприятий стран ЦВЕ, так и со стороны хорошо наделенных капиталом западноевропейских компаний. Последние могли служить проводниками передовых технологий и современных практик менеджмента.

Фактор культуры никогда не находился в сфере внимания органов ЕС уже потому, что его культурная политика только дополняет национальные программы и сосредоточена в основном на символических акциях. Воздействие повседневной культуры на экономические результаты общества – один из самых малоизученных и спорных вопросов современной экономической науки. В качестве примера вспомним основанное на огромном статистическом материале исследование Грегори Кларка, в котором доказывается, что фактом своего существования промышленная революция в Англии во многом обязана постоянному притоку в средние и низшие слои общества выходцев из высших слоев. Автор утверждает, что именно они несли и закрепляли в повседневной жизни принципы рационального мышления, высокую деловую дисциплину, честность и ответственность²⁴. Следует признать, что до сих пор культурные и исторические различия между Восточной и Западной Европой не стали предметом серьезного экономического анализа. Они также не учитывались органами ЕС в ходе адаптации стран ЦВЕ к условиям ЕС.

Поскольку обычно факторы демографии и культуры остаются за рамками макроэкономической политики, учета этих факторов не следует ждать и от Евросоюза. То есть из пяти главных факторов экономического роста ЕС потенциально мог влиять на три. Фактически же в отношении стран ЦВЕ органы ЕС сосредоточились на одном факторе – создании институтов рыночной экономики. Из неоклассической парадигмы они взяли на вооружение приватизацию и дерегулирование, которые в некотором смысле создавали условия для запуска частной инициативы и инноваций. Два других ключевых фактора – технологии и человеческий капитал – не учитывались Евросоюзом в процессе интеграции относительно слабых экономик стран ЦВЕ.

Уровни благосостояния и их количественные оценки

Сближение уровней социально-экономического развития является одной из наиболее значимых и традиционных целей Евросоюза. Она закреплена в стратегии «Европа 2020», наряду с двумя другими основными целями – обеспечением умного и устойчивого роста. Согласно букве документа, под инклюзивным ростом Евросоюз понимает «развитие экономики с высоким уровнем занятости, которая способствовала бы экономическому, социальному и территориальному сплочению»²⁵.

Официальное статистическое ведомство Европейского союза – Евростат – представляет данные о соотношении ВВП на душу населения в отдельной стране по сравнению со средним показателем всех 28 стран Евросоюза. Для расчета показателя по паритету покупатель-

²⁴ Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

²⁵ Communication from the Commission. Europe 2020. A Strategy for smart, sustainable and inclusive growth / European Commission. Brussels. 03.03.2010. Com (2010) 2020 final. P. 10.

ной способности применяется система специальных коэффициентов. Ориентация на средний по Евросоюзу показатель позволяет получить относительно благоприятную картину (см. табл. 1.1). Так, по последним данным за 2015 г., ВВП на душу населения по ППС равнялся от среднего по ЕС-28: в Бельгии – 119 %, в Германии – 124 %, в Эстонии – 75 %, в Польше – 69 %, в Румынии – 57 %²⁶.

По сравнению с 2003 г. (начиная с которого в настоящее время доступна статистика рассматриваемого показателя), все новые страны ЕС заметно повысили свой уровень дохода. Например, в Болгарии соотношение увеличилось с 33 до 47 %, в Чехии – с 77 до 87 %, в Латвии – с 45 до 64 %. Исходя из данных Евростата, уровень жизни в большинстве стран ЦВЕ, кроме двух беднейших – Болгарии и Румынии, примерно соответствует уровню жизни в двух наименее развитых западноевропейских странах – Греции и Португалии. При этом показатели Греции за последние десять лет существенно ухудшились, а показатели Португалии фактически не изменились. Следовательно, по показателям динамики государства ЦВЕ находятся в лучшем положении, чем две названные страны, участвующие в ЕС уже тридцать лет – с января 1986 г.

Иная панорама открывается при использовании данных ЮНКТАД в номинальном исчислении, то есть без учета покупательной способности валют, и соотнесении показателей стран ЦВЕ не со всем составом ЕС, а с его ведущими участниками – Германией, Францией, Великобританией и Италией (см. табл. 1.2). Преимущество данных ЮНКТАД состоит в том, что они включают более длинные, чем в Евростате, временные ряды. Интересующий нас показатель доступен уже с 1991 г. для большинства стран ЦВЕ и с 1993 г. – для всех новых участников ЕС. Удлиненный временной ряд позволяет выяснить, что наибольшее приближение душевого ВВП в странах ЦВЕ к ведущим экономикам Евросоюза происходило на временном отрезке с 2000 по 2005–2007 гг. Половина этого интервала попадает на период, когда государства ЦВЕ уже вышли из трансформационного спада и готовились к вступлению в ЕС (2000–2004 гг.). Во время их членства в Евросоюзе сближение показателей продолжалось до 2007 г., то есть в период благоприятной хозяйственной конъюнктуры. Начавшийся в 2008 г. экономический спад запустил обратную тенденцию – уровни душевого дохода стали расходиться, но к 2014 г. процесс конвергенции возобновился во всех странах, кроме Словении.

Таблица 1.1

ВВП на душу населения в некоторых странах ЕС в 2003–2015 гг. по паритету покупательной способности, ЕС-28 = 100

²⁶ В 2014 г. в Хорватии ВВП на душу населения составлял 59 % от среднего по ЕС-28. Данная страна исключена из выборки и исследования, поскольку она стала членом ЕС с 1 июля 2013 г.: прошедший с этой даты срок не позволяет судить о воздействии интеграции на показатели ее макроэкономического развития.

	2003	2005	2007	2010	2012	2014	2015
ЕС-28	100	100	100	100	100	100	100
Болгария	33	36	41	45	46	47	47
Чехия	77	80	84	81	82	85	87
Эстония	52	59	68	63	74	76	75
Латвия	45	51	60	52	60	64	64
Литва	49	53	61	60	70	75	75
Венгрия	62	62	61	65	65	68	68
Польша	48	50	53	62	67	68	69
Румыния	31	35	42	50	54	55	57
Словения	83	86	87	83	81	83	83
Словакия	55	59	67	73	75	77	77
Бельгия	123	119	115	119	121	119	119
Германия	116	116	116	119	122	124	124
Греция	94	92	92	87	74	73	68
Испания	100	100	103	97	92	91	90
Франция	111	110	107	108	107	107	106
Италия	112	106	105	104	101	96	96
Португалия	78	80	79	81	77	78	77
Великобритания	123	125	118	108	107	109	108

Источник: электронная база данных Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>.

По статистике ЮНКТАД, во всех странах ЦВЕ, кроме Словении, уровень благосостояния намного ниже, чем в западноевропейских государствах, в том числе и в беднейших из них – Португалии и Греции. Эстония, Венгрия, Польша и Словакия имеют душевой ВВП в полтора раза ниже, чем Португалия и Греция; в Латвии он ниже вдвое, а в Румынии и Болгарии – почти втрое. В Болгарии и Румынии номинальный душевой доход

Таблица 1.2

ВВП на душу населения в новых странах ЕС в постоянных ценах 2005 г. в долл. США, доля от среднего показателя Германии, Франции, Великобритании и Италии, %

	1993	2000	2003	2005	2007	2010	2015
Болгария	9,6	8,5	9,7	10,9	12,0	12,9	14,0
Чехия	32,0	32,9	34,9	37,9	40,5	41,0	42,0
Эстония	17,0	21,9	26,2	30,1	34,7	30,0	33,2
Венгрия	25,5	26,8	29,5	31,6	31,7	31,3	33,1
Латвия	12,3	14,5	18,2	21,9	26,4	22,8	26,7
Литва	15,0	15,5	19,6	22,7	26,7	25,5	30,9
Польша	16,4	20,6	21,4	22,7	24,8	28,3	31,0
Румыния	10,4	10,1	11,6	12,9	14,3	14,9	17,7
Словакия	18,9	21,4	23,7	25,9	29,6	31,9	34,3
Словения	39,7	46,1	49,2	51,8	55,5	54,4	52,3
Португалия	51,7	55,2	53,9	53,5	53,1	54,3	50,1
Греция	55,2	56,2	62,0	63,9	66,9	62,1	48,5

Источник: рассчитано по данным электронной базы ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>

Примечание: средний показатель ВВП на душу населения Германии, Франции, Великобритании и Италии рассчитан как среднее арифметическое показателей четырех стран. в 6–7 раз (!) ниже, чем в четверке крупнейших стран – Германии, Франции, Великобритании и Италии. Этим нетрудно объяснить происходящее в Болгарии и Румынии обезлюживание, падение инфраструктуры и распространение кланового капитализма.

Номинальные показатели ВВП позволяют обнаружить только относительное сближение уровней жизни: поскольку все экономики растут, то относительная величина разрыва сокращается. При этом абсолютный стоимостной разрыв сохраняется. За период 2003–2015 гг. он

увеличился для Болгарии и Румынии с 25 до 30 тыс. долл., а для Венгрии – с 21 до 25 тыс. долл. Примерно на 1–3 тыс. долл. увеличился абсолютный разрыв для Чехии, Латвии, Литвы и Польши. В остальных странах ЦВЕ он сохранился примерно на уровне 2003 г. и нигде не уменьшился. Справедливости ради следует отметить, что абсолютное отставание Португалии и Греции по номинальному душевому ВВП от четверки крупнейших стран увеличилось на 4–5 тыс. долл. – так же как и в случае Болгарии и Румынии (см. табл. 1.3).

Чтобы согласиться с Евростатом, что Эстония, Литва и Словакия (с доходом в 11–13 тыс. долл.) имеют тот же уровень жизни, что и Португалия (с доходом 18 тыс. долл.), надо быть уверенным, что цены в Португалии в полтора раза выше, чем в трех названных странах. Но это не очевидно. Цены на местные сельхозпродукты, аренду жилья и общественный транспорт действительно могут быть ниже. На импортные товары – едва ли, включая энергоносители. То же касается необходимых для современной жизни товаров и услуг с международной (или почти единой в рамках ЕС) ценой: компьютеров и программного обеспечения, лекарств и медицинских услуг, авиабилетов, туристических поездок, обучения в западных университетах, изданных за рубежом книг.

Таблица 1.3

ВВП на душу населения в странах Евросоюза в постоянных ценах 2005 г., долл. США

	1993 г.		2000 г.		2015 г.	
	Абсолютная величина	Разница	Абсолютная величина	Разница	Абсолютная величина	Разница
ЕС-4	28 430	—	33 214	—	37 461	—
Болгария	2722	25 708	2839	30 375	5234	32 227
Чехия	9084	19 346	10 944	22 270	15 727	21 734
Эстония	4842	23 588	7261	25 953	12 436	25 025
Венгрия	7250	21 180	8905	24 309	12 410	25 051
Латвия	3490	24 940	4814	28 400	10 007	27 454
Литва	4257	24 173	5136	28 078	11 560	25 901
Польша	4671	23 759	6857	26 357	11 622	25 839
Румыния	2955	25 475	3366	29 848	6638	30 823
Словакия	5366	23 064	7104	26 110	12 855	24 606
Словения	11 274	17 156	15 311	17 903	19 578	17 883
Португалия	14 696	13 734	18 336	14 878	18 768	18 693
Греция	15 685	12 745	19 306	13 908	18 158	19 303

Источник: рассчитано по данным электронной базы ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>

Примечание: ЕС-4 – Германия, Франция, Великобритания и Италия. Их показатель ВВП на душу населения рассчитан как среднее арифметическое четырех показателей.

В графе «Разница» показана разность от вычитания абсолютного показателя ЕС-4 и показателя душевого дохода конкретной страны.

При нынешних нулевых темпах инфляции в зоне евро выравнивание уровней жизни во всем ЕС за счет относительного снижения цен в странах ЦВЕ почти невозможно – тогда там пришлось бы снижать зарплату, что привело бы к падению спроса и уровня жизни. Существует и другой путь – снижение курса национальных валют стран ЦВЕ по отношению к евро, то есть валютный демпинг. Такая возможность сохраняется у Польши, Венгрии и Чехии, которые пока не имеют планов вступления в зону евро. Три балтийские республики, а также Словакия и Словения стали членами ЭВС. Что касается беднейших Болгарии и Румынии, то они не только рассматривают возможность перехода на евро, но и ведут соответствующие консультации с Европейским центральным банком (ЕЦБ). На наш взгляд, подобный шаг имел бы крайне негативные последствия как для экономики рассматриваемых государств, так и в целом для экономической политики Евросоюза и денежно-кредитной политики ЕЦБ. Их поле для маневра сократилось бы при одновременном возрастании риска асимметричных шоков.

В целом итоги экономической конвергенции стран ЦВЕ с основным составом ЕС нельзя оценить однозначно положительно. По данным Евростата, процесс конвергенции идет, пусть и медленно: относительно бедные страны постепенно подтягиваются к среднему по ЕС уровню. Чтобы считать этот вывод полностью достоверным, нужна кропотливая работа по оценке методов подсчета паритетов покупательной способности валют стран ЦВЕ и их ценовой динамики. Определенный вклад в формирование позитивной оценки вносит начавшееся в 2008 г. снижение курса чешской кроны, венгерского форинта, румынского лея и польского злотого. По данным ЮНКТАД о номинальном душевом доходе, абсолютный разрыв между странами ЦВЕ и крупнейшими государствами ЕС сохраняется, уменьшается лишь его относительная величина.

Если экстраполировать динамику последнего десятилетия на период до 2030 г., то, по данным Евростата, при использовании логарифмической линии тренда²⁷, Болгария к этому времени может иметь душевой доход, равный 53 % от среднего по ЕС-28. Для Румынии (по той же методологии) показатель составит 64 %, для Венгрии – 67 %, для Польши – 73 % и для Чехии – 87 %.

Линейная экстраполяция данных ЮНКТАД за период с 1993 г. дает следующие ожидаемые показатели номинального душевого ВВП в 2030 г. (в ценах 2005 г.): Чехия – 21 тыс. долл.; Венгрия и Польша – примерно по 17 тыс. долл., Румыния и Болгария – около 7 тыс. долл. Логарифмическая линия тренда душевого дохода в четырех крупнейших странах ЕС выводит нас в 2030 г. на отметку в 37 тыс. долл., а линейная – на 44 тыс. долл. Следовательно, относительный душевой ВВП в Чехии может повыситься с нынешних 40,5 % до 48–57 %. Венгрия и Польша с нынешних 33 и 31 % могут подняться до 38–46 %. При линейной динамике роста номинального душевого ВВП в четверке сильнейших стран (Германии, Франции, Великобритании и Италии) Болгария и Румыния останутся на нынешних отметках в 14 и 16 % соответственно, а при замедленной динамике четырех ведущих экономик ЕС они поднимутся примерно до 19 %. Другими словами, страны ЦВЕ в лучшем случае будут в два раза отставать от ЕС-4, а в худшем – в три раза. Для беднейших Болгарии и Румынии высока вероятность того, что нынешний шести-семикратный разрыв сократится до пятикратного и законсервируется на этом уровне.

Факторы роста в различных группах стран

Все теории роста магистрального направления экономической науки отводят значимую роль человеческому капиталу и технологиям. На этом основании в данной работе будет прослежена связь между качеством рабочей силы и инвестициями в НИОКР в различных группах стран современного Евросоюза.

Анализу подверглись все страны ЕС, кроме Люксембурга, Мальты и Кипра, показатели которых ввиду малочисленного населения (до 1 млн человек) по своей структуре могут заметно отличаться от показателей других стран. Уравнения парной регрессии составлялись с использованием данных Евростата о душевом ВВП в текущих ценах по итогам 2014 г. При этом страны делились на четыре условные группы: «запад», «восток», «богатые» и «бедные». К условному «западу» отнесено 14 государств, уже находившихся в ЕС во время его расширения на восток, а именно: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция и Швеция. Группу под названием «восток» составили 11 государств, которые вошли в ЕС в 2004 г. и позже, а именно: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Румыния, Чехия, Хорватия и Эстония.

²⁷ Применение логарифмической линии тренда обосновывается тем, что показатель рассчитан от среднего по ЕС-28, следовательно, по мере приближения к этой отметке темп сближения будет замедляться.

Группа с условным названием «богатые» охватила государства с душевым доходом более 20 тыс. евро. Сюда попали все страны «запада», кроме Греции и Португалии. Соответственно, группа с условным названием «бедные» состоит из всех стран «востока» и названных Греции и Португалии. С методологической точки зрения деление на «богатые» и «бедные» представляется обоснованным уже потому, что пролегающая между ними граница довольно широка. В группе обеспеченных стран наименьший душевой ВВП имеет Испания – 22,4 тыс. евро; в группе наименее обеспеченных стран самый высокий душевой ВВП отмечается у Словении – 18,1 тыс. евро. Разница между ними составляет более 4 тыс. евро. Хотя такой же и даже несколько больший промежуток отделяет душевой показатель Италии от Франции, а Испании – от Италии, нам представляется более правомерным отнести Испанию и Италию к группе «богатых» стран ЕС, нежели к группе «бедных».

Уровень образования. Для выявления связи между уровнем образования и душевым доходом мы воспользовались данными Евростата о доле лиц с законченным средним образованием в возрастной группе от 25 до 64 лет. Самые высокие показатели (свыше 90 %) имеют: Чехия, Эстония, Литва, Польша и Словакия. Следующая группа (с показателем от 80 до 89 %) включает Германию, Болгарию, Хорватию, Латвию, Венгрию, Австрию, Словению, Финляндию, Данию и Швецию. Показатель в диапазоне от 70 до 79 % демонстрируют Великобритания, Ирландия, Бельгия, Франция, Нидерланды и Румыния. В Греции среднее образование имеют 68 % лиц указанных возрастов, в Испании и Италии – около 60 %, а в Португалии – 43 %.

Данные по всем странам Евросоюза не выявили никакой зависимости между двумя показателями, что противоречит ожиданиям и здравому смыслу. Линейная линия тренда оказалась почти горизонтальной с небольшим наклоном вниз при минимальном коэффициенте детерминации (см. табл. 1.4).

Объяснить странный факт удалось после разбивки данных по группам стран. В группе «запад» обнаружилась высокая зависимость между уровнем образования и душевым доходом, что соответствует общепринятому тезису об увеличении доходов по мере роста качества рабочей силы. С повышением в стране на один процентный пункт доли людей с законченным средним образованием ее средний душевой доход увеличивается на 599 евро в год. Достаточно надежная, но несколько менее выраженная зависимость двух показателей проявилась и в группе «богатых» стран. То есть удаление Греции и Португалии не повлияло на исследуемую детерминанту. Зато в группах с условным названием «восток» и «бедные» не удалось установить зависимости между двумя переменными. В первом случае мы имеем дело с низким (менее 50 %) коэффициентом детерминации, а во втором – с отрицательным наклоном линии тренда и ничтожным коэффициентом детерминации (см. рис. 1.1, табл. 1.4).

Полученные результаты следует трактовать с осторожностью. Для их подтверждения или опровержения требуется проведение более широких по охвату данных исследований, в том числе в динамике по годам. Тем не менее уже сейчас можно сделать предварительные оценки и выдвинуть предположения, позволяющие определить направления дальнейших поисков.

Первое такое суждение состоит в том, что довольно высокий уровень образования в странах ЦВЕ, который во многом является наследием плановой экономики, не приводит к адекватному повышению доходов трудящихся. Их заработные платы отстают от западноевропейских. Причина едва ли коренится в разнице между качеством школьного образования на востоке и на западе Европы (что характерно для ряда направлений университетского образования). Значит, дело в низкой конкурентоспособности местных предприятий и, возможно, в сознательной политике западноевропейских ТНК, пользующихся относительно дешевой рабочей силой в новых странах ЕС.

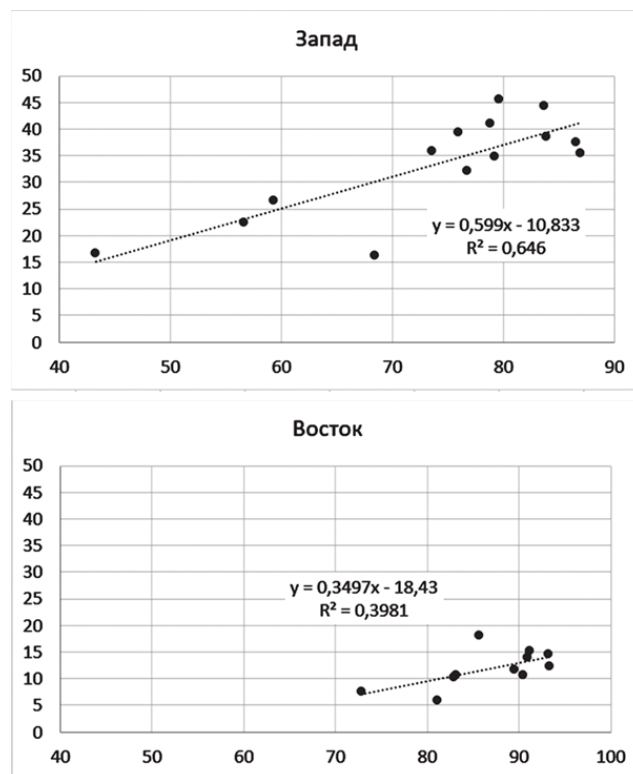

Рисунок 1.1. Зависимость душевого ВВП от доли лиц с законченным средним образованием в возрасте от 25 до 64 лет в странах ЕС в 2014 г.

Источник: подсчитано по данным Евростата. <http://ec.europa.eu/eurostat> (Дата обращения 20.07.2017)

Примечание: по оси ординат отложен душевой доход в тыс. евро, по оси абсцисс – доля лиц с законченным средним образованием в избранной возрастной группе.

Второе наблюдение имеет более общий характер. Установленный факт отсутствия связи между уровнем школьного образования и душевым доходом в восточных странах ЕС при наличии такой связи в Западной Европе указывает на качественную неоднородность социально-экономического пространства Евросоюза. Вероятно, что и в других случаях закономерности, характерные для стран со зрелой рыночной экономикой, не проявляются в странах, недавно перешедших к рынку. То есть, несмотря на соблюдение институциональных условий, страны ЦВЕ имеют иную логику хозяйственного развития, нежели их западные соседи. В таком случае наличие структурных диспропорций может существенно затруднять проведение общей экономической политики ЕС. Если она будет исходить из нужд западноевропейских членов (а это логично и целесообразно, поскольку они являются главной экономической и политической силой объединения), то ее меры могут оказываться бесполезными или даже вредными для государств ЦВЕ.

Таблица 1.4

Зависимость душевого дохода от некоторых факторов роста в странах ЕС в 2014 г., согласно уравнению парной регрессии $y = bx + a$

	b	a	R ²
Доля лиц со законченным средним образованием в возрасте от 25 до 64 лет			
Все страны ЕС	–0,905	31,096	0,007
«Запад»	0,599	–10,833	0,646
«Богатые»	0,5386	–5,1737	0,6013
«Восток»	0,3497	–18,43	0,3981
«Бедные»	–0,0446	16,265	0,0294
Общие расходы на НИОКР, доля в ВВП			
Все страны ЕС	11,152	4,6427	0,6764
«Запад»	9,0828	13,316	0,7585
«Богатые»	7,5805	17,737	0,7601
«Восток»	4,2443	69 896	0,6648
«Бедные»	3,9936	80 274	0,4749
Коммерческие расходы на НИОКР, доля в ВВП			
Все страны ЕС	14,614	8,1009	0,6654
«Запад»	12,148	16,047	0,7457
«Богатые»	9,1867	21,553	0,6261
«Восток»	4,4553	9,1063	0,4841
«Бедные»	3,8963	10,258	0,2997

Источник: подсчитано по данным Евростата. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (Дата обращения 20.07.2017)

Примечание: во всех случаях функцией является душевой доход, аргументом – уровень образования или расходы на НИОКР.

Расходы на технологии. Чтобы охарактеризовать связь между технологическим развитием и уровнем благосостояния, были построены три парные регрессии. Душевой доход сравнивался с долей в ВВП общих, коммерческих и государственных вложений в НИОКР. Во всех случаях использовались последние доступные данные Евростата. Добавим, что Евростат выделяет четыре источника финансирования НИОКР: коммерческий сектор (business enterprise sector), государственный сектор, сектор высшего образования, частный некоммерческий сектор и зарубежные инвестиции. Первые два сектора дают, как правило, до трех четвертей всех вложений.

Самая высокая доля общих расходов на НИОКР в ВВП (свыше 3 %) отмечается в Дании, Швеции и Финляндии. Далее с показателем от 2 до 3 % следуют: Германия, Австрия, Словения, Бельгия и Франция. В Великобритании, Нидерландах, Чехии, Испании, Эстонии, Италии, Венгрии и Португалии показатель находится в пределах от 1 до 2 %. Примерно половина стран ЦВЕ, а также Греция инвестируют в НИОКР менее 1 % ВВП. Данные по Ирландии недоступны.

Уравнения парной регрессии показали высокую зависимость душевого ВВП от доли общих расходов на НИОКР в ВВП как по всему Евросоюзу, так и по трем выделенным группам. Этот результат хорошо согласуется с положениями теорий роста о том, что вложения в технологии напрямую влияют на уровень благосостояния. В странах Западной Европы прирост на 1 процентный пункт доли расходов на НИОКР повышает душевой ВВП на 9,1 тыс. евро; в относительно богатых странах он добавляет 7,5 тыс. евро, а в странах ЦВЕ – 4,2 тыс. евро. В группе с условным названием «бедные» зависимость не проявилась: коэффициент детерминации здесь равен 0,47 (см. табл. 1.4). Обращает на себя внимание тот факт, что одинаковый прирост технологических инвестиций дает разный прирост душевого ВВП: в старых странах ЕС он оказывается вдвое выше, чем в новых. Данный результат можно трактовать как тревожный и даже негативный сигнал для стран ЦВЕ и их экономической политики.

Сравнение доли коммерческих затрат на НИОКР с душевым ВВП выявило достаточно высокое влияние первой переменной на вторую. По всему ЕС коэффициент детерминации составляет почти 0,67, а по странам условного «запада» его величина еще больше – 0,75. Надежная связь обнаружилась и в группе относительно богатых стран: 63 % прироста душевого дохода объясняется приростом значимости коммерческих НИОКР в национальной экономике (см. табл. 1.4).

Однако в остальной части ЕС такой зависимости не проявилось: в группе «восток» коэффициент детерминации составляет 0,48, а в группе «бедные» он равен 0,3. Таким образом, если в группе западноевропейских стран существует явно выраженная зависимость между долей коммерческих НИОКР в ВВП и душевым доходом, то в группе восточноевропейских стран она отсутствует. Эти результаты аналогичны тем, которые получены при исследовании воздействия уровня образования на душевой ВВП, что является новым аргументом, подтверждающим качественную неоднородность экономического пространства современного Евросоюза.

При попытке установить связь между долей государственных расходов на НИОКР и душевым доходом во всех пяти случаях (весь ЕС и четыре названные группы) был получен отрицательный результат. Коэффициенты детерминации всюду составили менее 0,25. То есть переменные данной пары не влияют друг на друга. По этой причине полученные данные не были занесены в табл. 1.4.

Рассматривая коэффициенты детерминации по трем исследованным парам показателей, нельзя не обратить внимание на следующую характеристику. В каждом из трех случаев коэффициенты детерминации в группе «запад» оказались выше, чем в целом по Евросоюзу и даже в группе относительно богатых стран. Аналогичным образом коэффициенты детерминации в группе относительно бедных стран получились ниже, чем в группе стран ЦВЕ. Сделанная выборка слишком мала для того, чтобы делать далеко идущие выводы. Тем не менее полученные результаты наводят на мысль, что группа западных стран в ЕС более органична по своему составу, чем группа «богатых» стран, тогда как группа «бедных» стран (куда вошли государства со зрелыми и с нарождающимися рынками) представляет собой разрозненный, лишенный внутренней логики конгломерат.

* * *

Современная теория выделяет пять главных факторов долгосрочного экономического роста. Однако она не учитывает такого важного фактора, как организация производственного процесса. Организационное построение компаний, методы управления хозяйственной деятельностью на микроуровне оказывают существенное влияние на показатели той или иной отрасли, а также всей национальной экономики. Когда страны ЦВЕ готовились к вступлению в ЕС, предполагалось, что на их рынки придут западные транснациональные компании и принесут свои лучшие управленческие практики. Механизмы распространения таких практик на остальные сегменты экономики не обсуждались, как не ставилась и проблема их адаптации к национальной культуре и деловой среде.

Из рассматриваемых унифицированной моделью роста пяти главных факторов хозяйственного развития при вступлении стран ЦВЕ в ЕС упор был сделан только на один фактор, а именно – на институты рынка, к которым добавлялись приватизация и либерализация. Другие четыре фактора, включая технологии и человеческий капитал, практически не учитывались органами Евросоюза. О качестве человеческого капитала в странах-кандидатах делались оптимистичные оценки, выводимые из высокого уровня образованности рабочей силы.

Проведенное исследование показало, что итоги конвергенции душевого дохода новых членов с основным составом Евросоюза не дают оснований для однозначных положительных выводов. Темп сближения западной и восточной частей ЕС невелик. Создавая возможность для относительной конвергенции, выраженной в процентах, он не обеспечивает сокращения абсолютного разрыва, выраженного в денежных единицах.

Исследование воздействия некоторых факторов роста на душевой доход в странах ЦВЕ при помощи уравнений парной регрессии выявило значимую детерминанту – долю расходов на НИОКР в ВВП. Однако ее воздействие на уровень благосостояния в странах ЦВЕ вдвое меньше, чем в западноевропейских государствах ЕС. В отличие от них, бывшие страны с пла-

новой экономикой не демонстрируют надежной связи между уровнем образования и долей коммерческих НИОКР в ВВП, с одной стороны, и душевыми доходами – с другой.

Данный факт свидетельствует не только о качественной разнородности социально-экономического пространства ЕС, но и о том, что методы стимулирования экономического роста в промышленно развитых странах не работают или работают с гораздо меньшей отдачей в странах догоняющего развития. Вместе с тем предметом магистрального направления экономической мысли является некая абстрактная экономика, не находящаяся в зависимости от более сильного партнера. То есть экономическая наука решает проблемы развитых экономик и игнорирует вызовы догоняющих хозяйств. Как следствие, оздоровление последних оказывается в полной зависимости от мастерства и гражданской ответственности их национальных правительств. В случае с государствами ЦВЕ вырабатываемая органами Евросоюза общая экономическая политика базируется на унифицированном (хотя и адаптированном в некоторых случаях к национальным реальностям) подходе, что не позволяет ставить и успешно решать проблему сближения уровней душевого дохода. Таким образом, влияние региональной интеграции на конвергенцию на практике оказывается более слабым, чем предполагалось при расширении ЕС на восток.

Глава 2. Социальное развитие Европы: проблемы и поиски

Этапы политического, экономического и социального развития современного общества настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Каждая ступень открывает новые возможности и перспективы. Одновременно проявляются новые проблемы, трудности и риски. Европейские цивилизационные ценности всегда считались образцом внимания и уважения к человеку, верности гуманистическим идеалам и традициям, накопленным веками. Именно они служили основой для сплочения народов Европы в трудные периоды истории и для обеспечения поступательного социально-экономического развития.

Опираясь на эти ценности, европейцы не раз демонстрировали способность к восприятию нового, к трансформации общества в соответствии с вызовами времени. Это позволило им обеспечить более чем полувековое успешное и безопасное развитие, создать качественно новую форму объединения государств – Европейский союз. С самого начала процесса европейской интеграции (50-е гг. прошлого века) ее «отцы-основатели» стремились к воплощению в жизнь социально-ориентированной модели развития общества, способной гарантировать его устойчивое экономическое и политическое развитие. Несмотря на определенные различия между странами, все они декларировали приверженность европейским гуманистическим ценностям, интересам и правам человека.

Форма организации Западной Европы, предложенная Ж. Монне и Р. Шуманом – в виде Сообщества на основе интеграции, вполне себя оправдала. Три «славных десятилетия» – 1950–1980 гг. – привели к весомым экономическим успехам и серьезным социальным достижениям. Под давлением выступившего в послевоенные годы единым фронтом международного рабочего движения правящие круги пошли на определенные уступки, однако постарались представить достаточно высокий уровень жизни как неотъемлемую характеристику «цивилизованного капитализма». Немаловажную роль сыграла международная обстановка, когда каждая из сложившихся на континенте политических систем стремилась доказать свою жизнеспособность и привлекательность. Модель развития, предложенная Западом, должна была еще раз продемонстрировать преимущества капитализма над социализмом.

Это был продуманный стратегический выбор. Последовательность проведения такого курса привела к несомненному положительному результату. Хотя экономические и особенно социальные достижения были в значительной степени плодом борьбы массовых организаций трудящихся, фактом стало то, что большинство населения воспользовалось этими достижениями. Когда речь шла об уровне жизни населения, к среднему классу причисляли себя две трети европейцев. И неудивительно, ведь в среднем 30 % ВВП Сообщества тратилось на социальные нужды.

Таким образом, развитие европейской интеграции во второй половине XX в. шло динамично. Однако новый век кардинально изменил картину.

Глобальное мировое пространство и региональное (европейское), как его неотъемлемую часть, потрясла серия кризисов: институциональный (2005–2009 гг.), финансово-экономический (2008–2010 гг.), текущие кризисы государственных долгов, дестабилизация еврозоны, экономическая стагнация (с 2012 г.). Все эти кризисы являются многоплановыми и затрагивают различные сферы жизни общества. Решать порожденные ими проблемы предстоит комплексно. Преодоление их последствий и обеспечение дальнейшего развития интеграции стали первоочередной задачей Европейского союза во втором десятилетии XXI в.

Особенность текущего периода состоит в том, что все явственнее просматриваются социальная и политическая составляющие каждого из направлений развития общества, и именно в эту сторону сдвигаются акценты деятельности движущих сил интеграции. Взрывоопасная

международная обстановка и межгосударственные конфликты влекут за собой обострение вопросов безопасности населения, в том числе и социальной. Миграционный коллапс и крах мультикультурализма также вносят свою лепту в осложнение экономической и политической обстановки.

Социальное измерение формируется с помощью социальной политики, реализуемой каждым государством в зависимости от уровня его социально-экономического развития, национальных интересов и положения на международной арене. При этом нельзя не учитывать тенденций развития глобальных процессов, по которым объективно вынужден жить современный мир. Еще 24-я специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН по социальным вопросам (Женева, 2000 г.) поставила целью дать импульс новым инициативам, которые позволили бы встроить вопросы социальной справедливости в глобальную финансовую систему²⁸. От процесса глобализации невозможно изолироваться, как невозможно противостоять ему. Перестройка системы международных отношений вследствие окончания холодной войны и блоковой конфронтации привела к феномену распространения «глобализации» на политические процессы и социальные взаимосвязи. Так, например, Дж. Сорос отмечает, что сейчас правомерно говорить о глобализации информации, «возрастающей мобильности и коммерциализации идей»²⁹.

Текущий этап насыщен сложными моментами, связанными с необходимостью выхода из системных кризисов, с преодолением социальной нестабильности и межгосударственных разногласий, усугубляемых противоречиями политическими. Общество, переживающее многоаспектный кризис, неизбежно сталкивается с сопутствующими ему негативными социальными последствиями. Проблемы экономического порядка порождают социальную дестабилизацию, обостряют отношения между основными социальными партнерами: государством, бизнесом и гражданским обществом. Между тем для выведения стран из кризиса и преодоления его последствий необходимо работать сообща. Ведь ущерб был нанесен практически всем слоям общества, различным социальным и профессиональным группам. Неудивительно, что социальная политика становится предметом всеобщего интереса, в том числе и политических сил. Стоит сравнить предвыборные программы политических партий. Их социальная составляющая фактически идентична для правых, левых, центристов. Это и понятно: ведь социальные проблемы в той или иной степени затрагивают каждого. Другое дело, что они по-разному относятся к социальной политике, ставят перед собой разные цели и обладают разными возможностями для их достижения. Приходится констатировать, что поведение политических партий вместо того, чтобы выступать объединительным фактором, привело к развалу партийно-политических систем Европы. Крайне правые и националисты потеснили классические партии. И не случайно фактом стал кризис политического доверия.

Предвыборная борьба наполнена протестными выступлениями и популизмом. Как образно заметил французский философ А. Глюксман в интервью журналу «Шпигель»: «Сегодняшние европейские лидеры думают и действуют в ритме графиков выборов и опросов общественного мнения»³⁰.

Любые преобразования и реформы реализуются через политическую волю руководителей. Именно от них зависит плодотворное управление, координация действий, баланс взаимоотношений всех акторов социально-экономического развития. Не потеряли актуальности сформулированные Ж. Монне идеи, которые в свое время проложили европейской интеграции путь к успеху. На первое место он ставил наличие стратегической политической воли как

²⁸ United Nations General Assembly Special Session on the Implementation of the Outcome of the World Summit for Social Development and Further Initiatives. Geneva, Switzerland, 2000.

²⁹ Soros G. George Soros on Globalization. Oxford: Public Affairs Ltd, 2002.

³⁰ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalchange.com/futureurope.html> (Дата обращения: 12.08.2017).

инструмента сохранения мира и социальной стабильности. Опорой должны оставаться эффективные экономические средства. При этом само собой подразумевались равноправие государств-членов и возможность для них строить социальную политику в рамках модели, наиболее отвечающей интересам населения страны.

Социальное измерение европейской интеграции

На фоне сложной политической конъюнктуры и переключения внимания ряда стран на свои краткосрочные национальные интересы негативные последствия системных кризисов привели к нарастанию недовольства и увеличению числа открытых социальных конфликтов практически во всех регионах ЕС. Дуга нестабильности, опоясавшая юг Европы, распространяется и на другие регионы. Арабские события и миграционный коллапс мощно вмешались в ход европейской интеграции. Констатируя, что внешнеполитические приоритеты стран ЕС неодинаковы в своем подходе к конкретным событиям на мировой политической арене, ученые ИМЭМО РАН подчеркивают: «...подчас они расходятся и даже занимают полярные позиции»³¹. И, судя по всему, социальная дестабилизация в ближайшие годы будет нарастать. Так, прилив неконтролируемой рабочей силы на рынок труда, приносимый волнами мигрантов, не только предоставляет европейским предприятиям возможность заполнить рабочие места, но и служит причиной разбалансированности рынка труда, порождает глубокие социально-этнические разломы, питает безработицу, угрожает через несколько лет привести к банкротству пенсионных систем. Вырисовывается противостояние трех потоков мигрантов: беженцы, трудовые мигранты (внутренние и внешние) и титульное население. Столкновение их интересов приводит к нарушению социального баланса, ведет к обострению отношений между разными уровнями европейской власти. Под вопросом оказываются основные принципы взаимоотношений: субсидиарность и социальное сплочение.

Стремление руководства ЕС к увеличению своих полномочий, в частности через переход к стратегическому планированию, его требования подчинения государств-членов общеевропейскому праву и выполнения обязательств перед Сообществом нередко приводят к росту протестных настроений и потере доверия. Конфликт интересов ЕС и отдельных государств-членов объясняется и тем, что, с одной стороны, ситуация требует единого руководства и компромиссов, а с другой – социальная политика остается в национальной компетенции. Усугубляет ситуацию и ряд внешнеполитических демаршей ЕС. Государства-члены нередко оценивают их неоднозначно и строят свою национальную политику, не принимая во внимание общеевропейские интересы.

Под угрозой оказывается фундаментальная цель ЕС – формирование социально стабильного общества, гарантирующего достойный уровень и качество жизни населения, а также создание конкурентоспособной экономики, опирающейся на новейшие достижения науки и техники и способной обеспечить себя квалифицированной рабочей силой.

XXI в. высветил целый комплекс проблем, которые требуют общих незамедлительных решений. К ним относятся выработка стратегии в области миграционной политики, выравнивание ситуации в еврозоне, рациональное использование энергоресурсов, защита окружающей среды, регулирование рынка труда и многое другое. Но нельзя не признать, что, осознавая важность этих проблем и необходимость их решения, Европа оказалась еще и перед неотвратимостью борьбы против международного терроризма и его проявлений на своей территории. Визит германского канцлера А. Меркель весной 2017 г. в Россию и переговоры с президентом В. В. Путиным обозначили стремление к объединению сил против общего врага, несмотря на несовпадение позиций по ряду других внешнеполитических вопросов.

³¹ Европейский союз в поисках глобальной политики. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 584.

Серия терактов, прокатившихся по Европе, показала уязвимость прежнего порядка вещей. Европейская демократия вынуждена отказываться от своих постулатов о свободе, толерантности и пр., признать, что демократия предполагает ограничения в четких правовых рамках. Использование военных сил и полиции, устройство лагерей, возведение стен и другие меры по изоляции прибывающих мигрантов вызваны стремлением обеспечить безопасность своих граждан, сохранить социальную стабильность в обществе. Европейцы оказались перед лицом цивилизационного выбора. К ним пришла агрессивная цивилизация, навязывающая свой образ жизни. Неудивительно, что выработка механизма ограничения миграции стала одной из приоритетных задач для ЕС. Этому был посвящен саммит, состоявшийся на Мальте (март 2015 г.)³². Участники отметили продолжающийся прилив иммигрантов на территорию Евросоюза и отсутствие стратегии для решения их проблем. Было принято постановление о создании специального фонда (1800 млн евро), предназначенного для того, чтобы совместно с африканскими странами решать проблемы мигрантов, вернувшихся на родину (профессиональное обучение, создание возможностей для получения доходов и пр.). Но первые же попытки организовать и координировать действия стран-партнеров натолкнулись на коррупцию при использовании ресурсов фонда и нецелевую их растрату.

Правомерно утверждать, что такая ситуация предполагает не просто корректировку прежней политики, но кардинальную смену вектора социально-экономического развития и политического курса Европейского союза. Другими словами, налицо потребность в разработке или конструировании моделей развития, которые предоставляли бы человеку больше возможностей для достойной жизни, обеспечивая его безопасность.

В этой ситуации государства, как и надгосударственные объединения, для стабилизации положения и движения вперед разрабатывают схемы развития или модели в соответствии со своими запросами и возможностями, традициями и нормами. Уже отмечалось усиление внимания к социальному измерению и социальной политике как инструменту его совершенствования и обустройства. Не следует забывать, что термин «социальный» означает еще и «общественный», то есть несет более широкое содержание. Это не только социальная защита и социальное обеспечение населения, поддержка обездоленных, пенсионеров и прочие вопросы жизнеобеспечения людей. Данное понятие означает, что речь идет о проблемах, без решения которых невозможно развитие общества, совершенствование его социальной структуры, функционирование институтов власти, включая государство и политические партии.

Социальная политика сегодня призвана активно проявлять себя в самых разных сферах жизни общества, налаживать взаимоотношения различных его групп и слоев, поддерживать социальный баланс, заниматься проблемами социального партнерства, образования и качества жизни, вносить вклад в совершенствование социальной структуры общества, а также, что приобрело особое значение в последнее время, в обеспечение безопасности.

Нынешний этап развития Европы диктует не только новую модель взаимодействия экономической и социальной политики, но и выводит на передний план факторы экономического развития, связанные с человеческим потенциалом. Любое решение должно рассматриваться с точки зрения его цены для человека и общества в целом.

Возрастание роли человеческого фактора стало особенностью инновационной модели развития. И это неудивительно: 2/3 общественного богатства развитых стран – это человеческий капитал. Именно поэтому инвестиции в человеческий капитал должны рассматриваться как ключевой фактор экономической динамики и повышения конкурентоспособности национальных экономик. Это означает, что политическая и социальная сферы перестают быть просто бюджетным бременем, а призваны играть активную роль и обеспечивать дополнительный

³² См.: [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com/2015/11/1511115_floor_Malta_eu_migrants_summit (Дата обращения: 20.11.2015).

потенциал экономического роста и политического участия. Однако параллельно с осознанием своей значимости человеческий потенциал и выразитель его интересов – гражданское общество – претендуют на соответствующее место в обществе, на новое качество жизни. И если ранее для характеристики общества решающим индикатором был ВВП, то есть экономический показатель, то теперь пришло понимание необходимости более объемных параметров оценки качества жизни. Наблюдается смещение акцентов с индивидуального на общественное потребление (безопасность жизни, качественные социальные услуги, окружающая среда и т. д.). Появление в научной литературе терминов, отражающих вызовы времени: социальные инновации, социальная интеграция, социальная экология, социальное качество жизни – свидетельство тому.

С помощью новой социальной политики Евросоюзу предстоит справиться с непростой задачей – способствовать развитию социальной интеграции и довести ее уровень до уровня интеграции экономической. Социальное измерение европейской интеграции всегда отставало от других ее направлений, хотя важность этого аспекта интеграции и тесная связь с экономикой и политикой подчеркивается по всех официальных документах.

Последние два десятилетия были трудными для современного мира. Вокруг внутренней и внешней политики отдельных государств-членов и ЕС в целом не стихают дискуссии и ожесточенные споры. Оценки их стратегий и текущих действий зачастую бывают диаметрально противоположными как со стороны внешних партнеров, так и внутренней оппозиции.

Это вполне объяснимо при наличии разных национальных интересов, различных позиций правящей элиты, неодинакового уровня социально-экономического развития. Сохранить в сегодняшнем нестабильном мире образ Европы как региона, наиболее благоприятного для проживания, обладающего прочной экономической базой и обеспечивающего надежную социальную защиту населения, – жизненно важно для Евросоюза.

Однако последствия кризисов прошлого десятилетия стали путями для социального развития Евросоюза. Результаты политики «жесткой экономии», решение о которой в свое время было принято единогласно, для населения оказались катастрофическими. Социальные права и завоевания, которыми так гордился Запад, были заметно урезаны. Причем было сделано все, чтобы они «не сильно обременяли ни бизнес, ни государственную власть»³³.

В сложной сегодняшней ситуации руководство ЕС вынуждено искать пути, которые позволят не только сохранить свои достижения и плодотворно использовать «*aquis communautaires*», но и активно внедрять инновации, способствующие поступательному развитию европейской интеграции.

Однако столкновение центробежных и центростремительных интересов внутри ЕС, а также половинчатые, а порой и ошибочные меры, предпринимаемые институтами Евросоюза, привели к появлению социальных дисбалансов на многих направлениях и показали неспособность существующих механизмов управления эффективно работать в новых условиях. Различие интересов государств-членов заставляет искать возможности их удовлетворения помимо рамок общеевропейских институтов, например путем двусторонних контактов. По мнению российского политолога Ф. Лукьянова: «Трезво взглянуть в будущее не позволяет погруженность в прошлое. В случае Евросоюза – это упоение прежними успехами, своего рода самогипноз, имеющий целью внушить самим себе убежденность в том, что если европейская интеграция преодолевала периоды застоя в прошлом, то сможет делать это и в будущем. Иными словами, ЕС исходит из ощущения феноменальной успешности интеграционного процесса во второй половине XX столетия, экстраполируя этот успех и на новый век»³⁴.

³³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/o/ad145c96-c10c11-e5-9fdb> (Дата обращения: 12.08.2017).

³⁴ Лукьянов Ф. А. Идеология: базовые ценности, общие цели, консолидация, продвижение демократии // Евроатлантическое пространство безопасности / ИМЭМО РАН. М.: Ленанд, 2011. С. 100.

Тем не менее попытки корректировать свою политику и совершенствовать механизм управления налицо. Признавая цементирующим фактором европейские цивилизационные ценности и соблюдение сформулированных при создании Сообщества правил (обеспечение мира и социальной стабильности, опора на эффективную экономику, равноправие государств-членов, стратегическая политическая воля), институты Европейского союза работают над исправлением собственных ошибок и внедрением новых форм и моделей развития. Вызовы времени настойчиво проникают в их тактические действия и разработку стратегических направлений.

Поиски путей к социальной интеграции

Европейский союз делает шаги к переходу на стратегическое планирование как в экономической, так и в социальной сфере.

Проблема занятости, не теряющая своей актуальности, привела к появлению в 1990-х гг. Люксембургской стратегии занятости, в рамках которой действуют государства-члены, представляя ежегодные национальные планы и отчеты в руководящие структуры ЕС. Регулярно проводимые социальные форумы подводят итоги и координируют работу национальных структур. Введено управление по сетевому принципу, позволяющему на разных уровнях – от локального до регионального и международного – регулировать рынок труда. Следует, однако, признать, что пока универсального решения проблемы занятости еще не найдено. Более того, появляются всё новые факторы, влияющие на ее обострение. В частности, иммиграционный коллапс с участием миллионов прибывших вряд ли позволит в ближайшие годы исправить положение.

В процессе передачи на наднациональный уровень решения многих проблем проявилась еще одна тенденция, набирающая силу и размах: формирование единых пространств, которые позволяют на обширных территориях создавать общие системы управления, включая в орбиту своей деятельности новых игроков. Существуют ЭВС, «еврозона», институт европейского гражданства, образовательное, информационное, инновационное пространства, пространство свободы, безопасности и правосудия. Более того, по мнению специалистов: «Развитие пространств стало одним из ключевых направлений деятельности ЕС»³⁵.

Так, компьютеризация экономики, появление новых форм труда заставляет задуматься над проблемами уровня занятости, условиях и качестве труда, построения новой системы социальных отношений в обществе, необходимости глубоких реформ в сфере образования, здравоохранения, пересмотра роли НПО на формирующемся пространстве. Особую озабоченность о цене этого процесса для человека и его отношениях с техникой проявляют профсоюзы и другие организации гражданского общества. Европейская конфедерация профсоюзов (ЕКП) опубликовала специальное исследование «Труд в компьютеризированной экономике: преемственность и ломка»³⁶.

При поддержке Брюсселя в августе 2016 г. Европейская сеть Мониторинга региональных рынков труда (EN RLMM) в рамках исследовательского проекта провела конференцию, которая рассмотрела возможные последствия компьютеризации экономики для рабочей силы и социальной структуры общества.

Одновременно институты ЕС не отказываются и от прежних, не раз апробированных приемов и способов решения социальных проблем, внося в них необходимые коррективы.

³⁵ Потёмкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза // Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ. М.: Гриф и К, 2011. С. 352.

³⁶ Valenduc G., Vendramin P. Le travail dans l'économie digitale: continuités et ruptures. Bruxelles: Institut syndical européen, 2016.

Оцифрованный труд и политика социального партнерства

Опасность для поступательного социального развития проявилась с неожиданной стороны. Помимо сокращения занятой рабочей силы в связи с введением новых компьютерных технологий, под ударом оказались социальные связи, на которые опирались коллективы предприятий и созданные ими НПО, в первую очередь профсоюзы. Раскололась социальная база, питающая социальную и политическую активность трудящихся. Само содержание понятия «труд», его цель и способность воспитывать чувство солидарности и необходимости совместных действий размывается. Индивидуализация труда, даже разобщенность по месту работы, безусловно, требуют выработки новых форм взаимодействия профессиональных и социальных групп. Пока можно наблюдать лишь слабые попытки действий в этом направлении. Они принимаются такими организациями, как Европейские советы по труду (ЕСТ), создаваемые в ТНК, Международная ассоциация социального качества (IASQ), Самоорганизующаяся инициатива граждан Европы. Примером могут служить предложения при оценке труда, наряду с продуктивностью, руководствоваться такими критериями, как его качество, мотивированность, комфортность условий³⁷.

Социальный диалог на всех уровнях, согласно заявлению Европейской комиссии, «является предпосылкой для функционирования европейской социальной рыночной экономики и решающим для поступательного развития конкурентоспособности и ее продуктивности»³⁸.

Институт социального партнерства складывался десятилетиями. Начинался он с нижнего уровня – предприятий. Затем, пройдя через отраслевой, национальный уровень, начал проявлять активность на международном. Государство, бизнес-сообщество и организации гражданского общества формально выступают в его рамках как равноправные партнеры и заявляют о намерении эффективно участвовать в социально-экономическом развитии.

Социальное партнерство, являясь важным инструментом не только регулирования трудовых отношений, но и реализации социальной политики в целом, применяется при решении острых социальных проблем, для рационального использования потенциала активных сил общества и изначально строилось на взаимном противостоянии партнеров. В наше время изменились масштаб и содержание его деятельности.

Социальное партнерство можно определить как форму общественного компромисса для решения общенациональных проблем, все чаще демонстрирующих тенденцию перехода на наднациональный уровень.

Однако процесс такого перехода наталкивается на трудности, связанные с различиями национальных социальных законодательств, стремлением к изоляционизму в наиболее благополучных регионах, амбициозной и порой агрессивной политикой бизнеса. Социальные партнеры, обладая разными политическими и финансовыми возможностями, стараются отстаивать свои интересы или закрепить свое положение. Для достижения такой цели нужен доступ к политической власти. Именно поэтому активные силы стремятся к завоеванию политической власти и к участию во властных структурах, обеспечивая себе поддержку общественного мнения, государственных институтов, распространяя влияние на органы исполнительной власти.

Практика социального партнерства, сложившаяся в ЕС, пользуется поддержкой со стороны его руководящих органов. Соглашения, заключенные на коммунитарном уровне, реализуются по предложению Европейской комиссии и по решению Совета ЕС в соответствии с существующими процедурами и практикой.

³⁷ Social policy in the European Union: state of play 2015. Brussels, 2015. P. 285.

³⁸ [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_Statement-14-1884_fr.htm (Дата обращения: 12.08.2017).

К социальному партнерству следует подходить не только как к способу партнеров защищать свои интересы, но и как к возможности консолидировать усилия, направить их на решение задач, жизненно необходимых обществу для его устойчивого развития. Это направление остается одним из самых перспективных в жизни Евросоюза.

Социальными партнерами, определяющими сегодня эффективность этой политики, являются государство, бизнес-сообщество и гражданское общество. Если первое имеет в своем распоряжении административный ресурс, выполняет функции управления и координации, обеспечивает свою деятельность законодательно, то бизнес и финансовые круги (в первую очередь ТНК) обладают материальными и управленческими возможностями для отстаивания собственных интересов и внедрения инноваций. Их вполне справедливо называют «мотором глобализации». Что касается гражданского общества и его организаций, они выполняют задачу популяризации инновационных идей и максимального использования их в своих интересах. Кроме того, гражданское общество все чаще демонстрирует поддержку тех или иных политических сил на разных этапах их деятельности в зависимости от популярности и убедительности их предвыборных лозунгов.

Социальное партнерство и социальный диалог с участием представителей основных социальных и профессиональных групп общества – важные инструменты разработки и претворения в жизнь общеевропейской социальной политики. Начавшийся процесс соединения социального диалога с политическим открывает новые перспективы.

В XXI в., когда речь идет о социальном партнерстве нового уровня, подразумевается использование новых форм сотрудничества представителей бизнеса и наемных работников, осуществляемое при поддержке государства. Перспектива развития социального партнерства связана со строительством гражданского общества, которое способно влиять на государственную политику.

Деятельность государства имеет стратегическую направленность и рассчитана на обеспечение долгосрочного функционирования при решении проблем как экономического, социального, так и политического порядка. Выступая в качестве одного из социальных партнеров, государство выполняет при этом координирующие и контролирующие функции. Поскольку в его распоряжении находится административный ресурс в виде структур исполнительной власти и соответствующее социальное законодательство, уже оформившееся как самостоятельная часть европейского права, становится понятно, почему роль государства возрастает вопреки стремлениям либералов, а государственное планирование, в том числе и в экономике, становится обычной практикой в ЕС. Борьба между неолиберализмом и неоконсерватизмом, имеющими диаметрально противоположные точки зрения на эту проблему, проявляется наглядно во время предвыборных кампаний на всех уровнях.

Понимая это, Европейский союз создал разветвленный механизм, обладающий полномочиями в социальной сфере³⁹.

Механизм социальной структуры Евросоюза

Важнейшими органами и институтами являются Европейский совет, Совет министров ЕС, Европарламент, Европейская комиссия, Суд ЕС.

Европейский совет – орган высшего политического руководства, который вырабатывает, среди прочего, общие направления и ориентиры развития социальной политики. Совет министров обладает законодательными правами и полномочиями принимать решения. Европейская комиссия наделена правом выступать с законодательными инициативами и осуществлять

³⁹ См. подробнее: *Каргалова М. В., Егорова Е. Н.* Социальное измерение европейской интеграции // МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аксиома, 2010. С. 106–138.

контрольные функции, как бы концентрируя в себе исполнительную власть. Не случайно ее называют «эмбрионом правительства» ЕС. Европарламент участвует в выработке европейских законов посредством процедур сотрудничества и совместного решения проблем. Суду ЕС принадлежит право толкования и контроля над применением норм коммунитарного права.

Самым крупным и влиятельным наднациональным институтом в социальной сфере является Экономический и социальный комитет (ЭСК), в состав которого входят представители различных социальных и профессиональных групп. Этот консультативный орган участвует в подготовке всех документов социальной значимости, представляемых в Европейскую комиссию, Европарламент и Европейский совет.

ЭСК был сформирован на основе Римского договора о ЕЭС 1957 г. Его сегодняшний статус определен ст. 257–262 Договора о ЕС. Он призван в своих рамках обеспечивать представительство различных категорий и групп общества, адекватное их месту в экономической и социальной жизни. Пользуясь своими полномочиями давать рекомендации и заключения, ЭСК ежегодно в среднем представляет по 120 документов. Он информирует другие структуры ЕС (до принятия ими решений) о позициях и точках зрения разных экономических и социальных категорий общества, имеющих представителей в его рамках. Именно поэтому он, несмотря на свой консультативный статус, имеет возможность оказывать воздействие на европейское законодательство и деятельность институтов исполнительной власти и выступать со своими собственными инициативами. Так, инициативное мнение ЭСК послужило основой для подготовки Хартии основных социальных прав трудящихся Сообщества 1989 г. и Хартии основных прав ЕС 2000 г., стратегии «Европа 2020».

Без согласования с Экономическим и социальным комитетом ни Совет, ни Еврокомиссия не принимают соответствующие решения.

Для практического решения задач в социальной области и реализации социальной политики Европейский союз пользуется такими мощными инструментами, как Структурные фонды и Инициативные программы. Они имеют четко проработанную структуру и располагают солидными финансовыми возможностями.

Структурные фонды претерпели целый ряд реформ в связи с развитием интеграционного процесса в Европе и расширением Сообщества. Важнейшая часть реформ складывалась из мер по упорядочению финансовых вопросов и увеличению объема финансирования фондов из бюджета ЕС. Если в 1958–1988 гг. финансовые ресурсы Структурных фондов составили 58,4 млрд экю, то на 2006–2012 гг. было выделено уже более 200 млрд евро. Бюджет Европейского социального фонда (ЕСФ) в 2014–2020 гг. составит 84 млрд евро, на 10 млрд больше, чем в предыдущий семилетний период. В настоящее время расходы на Структурные фонды достигают почти 37 % всех бюджетных расходов ЕС⁴⁰. Структурные фонды создавались в рамках Сообщества в разные периоды, и перед каждым из них ставились специфические задачи. Так потрясшие ЕС кризисы сделали необходимым учреждение Фонда восстановления (Recovery Fond). Одним из первых шагов работы председателя КЕС Ж.-К. Юнкера стало создание в 2014 г. Европейского фонда стратегических инвестиций (Fond europeen pour les investissements strategiques – EFSI). Его финансовый ресурс составил 315 млрд евро. 21 млрд был предназначен для подъема экономики в 2015–2017 гг., 240 млрд – для долгосрочных инвестиций и 75 млрд – для помощи мелким и средним предприятиям⁴¹.

На Инициативные программы выделяется 9 % финансовых ресурсов Европейского союза. Они разрабатываются Комиссией в партнерстве с государствами-членами или профессиональными и общественными объединениями. Акцент при этом делается на решение кон-

⁴⁰ Глобальное управление: возможности и риски // Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 190.

⁴¹ Bilan social de l'Union Europeenne 2015. Bruxelles: ETUI, 2015. P. 19–20.

кретных задач в той или иной сфере деятельности ЕС и на возможность внесения инноваций в избранную область. Хотя реализация Инициативных программ осуществляется под непосредственным руководством Комиссии, они не всегда носят общезначимый характер и нередко отражают индивидуальные интересы отдельных государств-членов. Особенно если у их представителей есть возможность лоббировать свои интересы в руководящих органах Евросоюза. При использовании Структурных фондов и Инициативных программ институты Сообщества сталкиваются с трудностями, обусловленными несовершенством рабочего механизма. Практическое выделение средств из-за бюрократических процедур регулярно отстает от плана ассигнований. Нецелевые затраты и нарушения стали, по заключению контрольных органов, хроническими. Иногда очевидным становится вмешательство политических интересов и предвзятое отношение к подателям предложений. Особенно это заметно, когда речь идет о представителях гражданского общества, в частности профсоюзах. Инициативная программа Европейской конфедерации профсоюзов (ЕКП), содержащая предложения относительно права пользования питьевой водой населения, открытого доступа к водным ресурсам и службам здравоохранения, работающим в этой сфере, была одобрена КЕС в марте 2015 г.⁴² Затем профсоюзы представили в Комиссию Европейскую гражданскую инициативу, которая затрагивала внешнюю политику Евросоюза⁴³. Речь шла о намерении ЕС заключить Трансатлантическое соглашение о торговле и партнерстве с США (ТТП), переговоры о котором шли с 2013 г. Бизнес-сообщество и руководство Евросоюза поддержали этот план и заявили о намерении подписать его к концу 2015 г. Однако гражданское общество выступило против, полагая, что США пытаются реализовать свой проект трансатлантического рынка, вынуждая ЕС играть по своим правилам, а европейская политика, как и указанный проект, представляет реальную угрозу будущему ЕС, поскольку направлены на то, чтобы «не просто контролировать ЕС, но полностью привязать его к своим торгово-экономическим интересам»⁴⁴. Несмотря на массовые негативные настроения, Еврокомиссия отказалась даже регистрировать представленный документ, что вызвало широкую волну протестов. Более миллиона подписей в поддержку требований ЕКП отозвать мандаты переговорщиков было собрано по всей стране. По призыву исполкома ЕКП в Брюсселе 19 декабря 2015 г. состоялась сорокатысячная демонстрация протеста под лозунгом «STOP ТТП». В результате вышеупомянутое соглашение до сих пор не подписано. Этот факт доказывает намерение гражданского общества активно участвовать в жизни ЕС и влиять на его политику. Однако одновременно это свидетельствует о нежелании официального Брюсселя и европейского бизнеса делиться властью и административными возможностями с широкими слоями населения. Неудивительно, что взаимное недоверие увеличивается, перерастая в кризис.

Каждый из институтов и структур, имеющих отношение к социальному измерению, независим от остальных и обладает особыми компетенциями. Таким образом, социальная политика не сконцентрирована в одном институте и даже не координируется никем единолично, несмотря на наличие в КЕС комиссара по занятости, социальным вопросам и равным возможностям. С одной стороны, это позволяет учитывать различные аспекты и последствия социальных проблем, а с другой – ведет к распылению усилий по их решению.

Сообщество располагает и вспомогательными институтами в области социальной политики. Они заняты узкоспециальными ее аспектами и созданы, в отличие от вышеупомянутых, на основе производного, а не первичного права. Это многочисленные агентства, комитеты, центры, комиссии, имеющие узкоспециализированную направленность.

⁴² См.: [Электронный ресурс]. URL: https://www.co.nsilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/141749 (Дата обращения: 11.03.2016).

⁴³ Social policy in the European Union: state of play. Brussels: ETUC, 2015. P. 287.

⁴⁴ *Запесоцкий А. С.* Роль ЕС в XXI в. – ловушка геополитики // Современная Европа. 2016. № 2. С. 137.

Новые подходы в реализации общеевропейской социальной политики

Сегодня усилия всех структур Евросоюза нацелены на решение общезначимых социальных проблем. Совместная работа партнеров возможна на основании социального контракта, и на каждого ложится доля ответственности за будущее. Пример корпоративной социальной политики, поставившей вопрос о взаимной социальной ответственности, показывает, что интересы оппонентов: труда и капитала – могут совпадать. Положительным моментом стало усиление внимания к проблеме социальной ответственности бизнес-сообщества. Многие предприниматели начали рассматривать ее не только как возможность регулирования отношений с социальными оппонентами, но и как способ повышения своей деловой репутации. Не случайно в текст заключаемых контрактов все чаще вносится специальная статья, определяющая степень социальной ответственности партнеров. Это касается мелкого и среднего бизнеса и компаний, имеющих статус «европейских».

Некоторые положительные результаты принесла реализация проекта Еврокомиссии от 2006 г. «Европейский альянс в области социальной ответственности бизнеса»⁴⁵. Проект меры, направленные на производственную и коммерческую деятельность, дополнил мерами в сфере экологии и социальной политики, выработанными совместно с организациями гражданского общества. К работе были привлечены предприниматели, неправительственные организации (НПО), профсоюзы, потребители, инвесторы, представители научного сообщества, властей разного уровня.

Позиционируя себя как сетевое объединение, Европейский союз по этому принципу стремится строить систему управления, вплоть до международного уровня, как в случае в «Альянсом». Но для этого нужны взаимосвязь между производственной деятельностью, вопросами морально-психологической и экономической мотивации персонала, достижение взаимного доверия и четко организованный социальный диалог. Каждый из партнеров, приняв на себя новые социальные обязательства, должен осознавать лежащую на него социальную ответственность, проявить готовность к разумным компромиссам. Задача это сложная и вряд ли выполняемая при нынешней ситуации в ЕС.

Попытки руководящих институтов Евросоюза максимально использовать потенциал социальных партнеров для решения стратегических задач в русле новых тенденций развития далеко не всегда оказывались успешными. Так, с помощью научного сообщества попытались разработать и внедрить так называемый Метод открытой координации (МОК). Оформленный в первое десятилетие XXI в., он позиционировался разработчиками как «самый важный из новых механизмов, способных объединить усилия социальных партнеров, представителей органов власти Евросоюза и национальных государств-членов»⁴⁶.

Создатели МОК заявили, что его целью является постановка стратегических задач на политическом, экономическом и социальном полях, определение роли и доли ответственности всех активных сил общества при выполнении этих задач. Однако расплывчатость форм и отсутствие официальных полномочий нового образования не позволили ему соответствовать замыслам создателей. Следует учесть, что попытки внедрения Метода открытой координации происходили на фоне сложной социально-политической ситуации в Евросоюзе. Отчетливо проявились всплески протестных выступлений в разных его частях, неустойчивость межгосударственных отношений и другие дестабилизирующие факторы. Оказалось, что предлагаемое

⁴⁵ Каргалова М. В. Путь Европы к социальной интеграции и новации в социальной сфере ЕС // Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / Под ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2014. С. 340–341.

⁴⁶ Herrmann P. Social policy in context. Amsterdam: Rosenberg Publisher, 2009. P. 37.

новшество может нанести реальный ущерб сложившейся социальной структуре. Более того, выяснилось, что МОК может привести к возрастанию роли определенных социальных групп, которые способны присвоить себе излишние компетенции. В частности, речь шла о формировании «нового класса» высших чиновников и функционеров ЕС. Их претензии на передел сфер влияния опираются на близость к законотворческой кухне и возможность иметь «особые» отношения с бизнесом. Бюрократия, процветающая в управленческом аппарате ЕС, и коррупция создали предпосылки для этого. В результате даже инициаторам МОК пришлось признать неудачной попытку использования этой инновации.

Интересной новеллой в области исследований процессов социально-экономического развития и выработки рекомендаций для всех заинтересованных структур является создание Международной ассоциации социального качества (МАСК)⁴⁷.

Международная экспертная группа МАСК начала работу на базе Международного института социальных исследований (резиденция в Гааге). Опираясь на широкое значение термина «социальный», она предложила новый подход к исследованиям и оценке происходящих в мире изменений социального качества жизни. В 2013 г. имело место официальное оформление новой структуры, была принята Декларация социального качества. В октябре 2014 г. в здании парламента в Риме состоялась конференция с участием политиков, парламентариев, ученых, представителей СМИ и организаций гражданского общества. Название ее было весьма затейливо: «Укрепление Европейской социальной модели. Вклад Метода социального качества в обеспечение социальной справедливости, человеческого достоинства и солидарности Европейского союза в меняющемся мире»⁴⁸. На конференции было объявлено об учреждении Европейской обсерватории (Отделения Международной ассоциации социального качества) с резиденцией в Риме. Новая Декларация, обнародованная в 2017 г., выдвинула тезис: «Социальное качество – основополагающий фактор для построения Европы всех граждан» и выступила с призывом не рассматривать людей с политической точки зрения или как «homo economicus», с точки зрения материальных интересов⁴⁹.

Представители Европарламента и КЕС одобрили создание Европейской обсерватории и призвали в сотрудничестве с ведущими университетами Европы «модернизировать оригинальную идею Европейской социальной модели, используя для этого новые подходы и стратегии, научные разработки всех государств-членов». Новое объединение активно взялось за организацию научных исследований, приступило к созданию специализированного журнала.

Перспективы Европейской социальной модели

Пока Европейская социальная модель (ЕСМ), которую называют «социальным стержнем» Европы и образцом для остального мира, сохраняет свою значимость. Принципы, на которых она построена, и цели, которые поставила перед собой, оказались способны послужить отправными точками для инноваций, которых требует XXI в. Окажется ли она достаточно жизнеспособной и деятельной в новых условиях?

На сегодняшний день у государств сузились возможности для проведения по своим схемам социальной политики, а следовательно, сохранения социальной стабильности в обществе. Сказываются и последствия системных кризисов, охвативших Европу в конце первого десятилетия. Груз социальных расходов становится непосильным. Все труднее удержать на прежнем уровне качество жизни широких слоев населения. Теперь без помощи бизнеса социальная

⁴⁷ В настоящее время МАСК объединяет 43 страны, в том числе КНР и Австралию.

⁴⁸ Strengthening the European Social Model. The contribution on the Social Quality Approach to strengthen social justice, human dignity and solidarity of the EU in changing World. Raffare il Modello Sociale Europeo. Il contributo della Qualita Sociale alla coesione du Sistema comunitario Documentazione. Roma, 2014. P. 20–21.

⁴⁹ Post Brexit Declaration on Social Quality. IASQ. 08.03.2017.

сфера, не говоря уже об экономической, не может функционировать. Обладающее властными и законодательными полномочиями государство в определенной степени регулирует деятельность бизнеса, обеспечивая его права и интересы общества в целом. Однако и это является новацией: гражданское общество, участвуя в социально-экономическом развитии, через свои организации претендует на право осуществлять контроль над деятельностью как бизнеса, так и государства.

В настоящее время ЕС еще не может похвастаться отлаженной системой отношений гражданского общества с государством и бизнесом. Не случайно над этой проблемой не первое десятилетие работают руководящие институты Сообщества, создаются блоки политических партий, солидаризируются неправительственные организации, прокладывая путь к новым формам партнерства. Дискуссии по поводу будущего ЕС ведутся в разных странах и на международном уровне. Появляются многочисленные публикации, отражая интерес и разницу подходов к теме.

Совершенствование структуры общества предполагает появление нового типа управления им, которое базируется не на диктате и давлении, а на диалоге и взаимодействии. Необходимым условием является наличие толерантности и готовности к разумным компромиссам у всех участников. Сумеет ли ЕСМ дать ответ на возникающие проблемы? Приходится признать, что до сих пор как в научных, так и в политических кругах разброс мнений относительно ценности Европейской социальной модели и ее перспективности довольно широк. В официальных документах ЕС и в правительственных актах государств-членов зафиксировано признание за ЕСМ решающего стратегического значения для будущего интеграционного процесса. Но все также понимают неизбежность ее реформирования с учетом новых факторов влияния на ситуацию в Евросоюзе и мире. Наличие «евроскептицизма» и национального изоляционизма даже среди экспертов также является фактом.

Для определения «ценности» ЕСМ и ее перспектив на будущее в 2005 г. была создана и активно работает международная экспертная группа (ESM-Project). Плодом ее работы стал развернутый документ, получивший название «Платформа предложений по реформированию Европейской социальной модели»⁵⁰.

Платформа предлагает определение ЕСМ как «комплексной системы ценностей, опыта, проектов, политики, институтов, которые сложились в прошлом и дополняются сегодня».

Действительно, ЕСМ никогда не рассматривалась как застывшая схема. Она постоянно совершенствуется и дополняется, отражая изменения, происходящие в обществе⁵¹. Речь в ней идет не только о комплексе прав, социальной защите и обеспечении трудящихся, но и о положении всех граждан Европы и их семей. Она нацелена на то, чтобы оказывать реальное влияние на социально-экономическое развитие. Более того, последнее десятилетие показало, что ЕСМ таит в себе возможности оказывать влияние на политический сектор: отношение к программам политических партий, к деятельности исполнительной власти, сохранение стабильности в обществе, развитие демократии. Она как бы корректирует дальнейшее течение интеграционного процесса.

В то же время очевидно, что предстоит еще очень серьезная работа по уточнению, дополнению, а также конкретизации путей реформирования Европейской социальной модели и ее претворения в жизнь. Это требует совместных усилий политических, экономических и социальных сил общества. Представляется, что усовершенствованная и получившая поддержку граждан Европы Европейская социальная модель сможет оправдать возлагаемые на нее надежды. Нельзя не согласиться с мнением «The Economist», который, отмечая, что евро-

⁵⁰ European group of research. European Social Model ESM-Project for areform of the ESM. Proposals Platform. Rome, 2007.

⁵¹ См. подробнее: Социальная Европа в XX веке. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2011. С. 173–238.

пейская интеграция проходит серьезные испытания, считает: «Только если европейцы будут разделять чувство общей цели, то интеграция имеет шансы на будущее»⁵².

Выступая на очередном заседании Комиссии 19.07.2016 Ж.-К. Юнкер назвал европейскую социальную систему «возможно, самым важным признаком особого качества европейских сообществ» и отметил, что ЕСМ «стала фундаментальной составной частью того, что сегодня отстаивает Европа»⁵³.

Наиболее вероятным сценарием будущего ЕС на ближайшие 10–15 лет станет медленный прогресс по пути интеграции. Поступательное движение сдерживается конфликтными отношениями между разнообразными культурами, неоднозначными характеристиками уровня экономического развития регионов, отсутствием сильной системы управления и дальновидных лидеров. Тем не менее интеграционный процесс продолжается, и нет оснований говорить о кризисе европейской идеи. Однако не менее очевидно и то, что для успешного социального развития ЕС необходимо изменить его курс, выработать новый способ взаимодействия внутри европейского сообщества.

⁵² The Economist. 12.06.2015.

⁵³ [Электронный ресурс]. URL: www.freepayinfo.ru/socium/budushee-evropejskoy-socialnoy-modeli.html (Дата обращения 12.08.2017).

Глава 3. Общественное сознание и идеологические сдвиги

Немного теории

Под массовым общественным сознанием обычно понимают совокупность ценностных реакций и подходов, сложившуюся под воздействием исторического опыта и определяющую бытовое и общественное поведение людей.

Особенностью массового общественного сознания является его глубокая структурированность. Составляющие его элементы отличаются друг от друга, в частности, по давности и продолжительности сроков происхождения и утверждения. Самые древние, будучи наиболее устойчивыми, становятся элементами того, что принято определять как национальный характер.

Вместе с тем массовое общественное сознание в полной мере отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена. Однако в конечном итоге эта цельность демонстрирует свой доминирующий характер.

Принято считать, что массовое общественное сознание обладает высоким уровнем инерционности. Для этого есть достаточно оснований. Происходящие в нем сдвиги идут с задержкой во времени. Затем, утвердившись, они обретают, как правило, высокую степень сопротивляемости внешним воздействиям. Это, разумеется, не означает, что общественное сознание является своего рода инвариантом. Как продукт исторического опыта оно, пусть и с замедлением, но впитывает новую информацию, перерабатывая ее в соответствии со сложившимися канонами. При определенных обстоятельствах, прежде всего глубоких общественно-политических потрясениях, оно может подвергнуться существенной трансформации. Вместе с тем в обычных условиях это сознание активно сопротивляется любым попыткам внешнего вмешательства. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее давление, тем мощнее отдача. Игнорировать это – значит обречь на неудачу любые, в том числе разумные планы.

Бытует точка зрения, согласно которой общественное сознание складывается лишь на национальном (страновом) уровне. Однако анализ эмпирического материала побуждает усомниться в абсолютной истинности этого утверждения. При определенных ситуациях, на переломных этапах развития, в отдельных регионах то и дело возникают потрясения, вносящие существенные коррективы в структуры этого сознания, в результате чего у населения обширных территорий, нередко целых континентов, возникают его специфические варианты.

Наш мир со всей очевидностью вступил в новую эпоху потрясений. Отсюда современная динамика общественного сознания.

Осмысливая роль общественного сознания как предпосылки идеологического и политического развития конкретной совокупности граждан, следует иметь в виду и еще одно немаловажное обстоятельство. Будучи структурно крайне сложным феноменом, оно воздействует на совокупность отдельных индивидов и групп опосредованно, своей тончайшей внешней оболочкой, которую обычно именуют общественными настроениями.

Настроения отражают структуру общественного сознания, но не абсолютно и не полностью, поскольку в высшей степени подвержены конъюнктурным воздействиям и быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Именно они, прежде всего, и определяют идеологические предпочтения, а также массовое политическое поведение – стержень любого политического процесса, предполагающий совокупность всех форм участия или неучастия

граждан либо в осуществлении власти, либо в противодействии ей, предусматривающий в одних случаях включенность в различные структуры политической системы, а в других – осознанную отстраненность от них, в том числе деятельность в неформальных организациях и в массовых движениях – публичную манифестацию своих взглядов и требований с целью воздействия на общественное мнение и позиции руководящих политических сил. Соответственно, одной из доступных и распространенных форм выявления настроений являются опросы общественного мнения – его вербального проявления.

Сказанное дает представление, почему названная сфера исследований не только теоретически значима, но и служит практическим инструментом оценки и прогнозирования политического развития.

Сдвиги в нынешнем общественном сознании: их причины и динамика

В числе причин неполной адекватности общественных настроений структурам общественного сознания, а следовательно, и обусловленной ею дробности подхода граждан к власти, ее институтам и к действующим в них политическим силам, чаще всего называют усложнившийся характер современного общества, несовершенство сложившихся в нем механизмов власти и возрастающий разрыв между более-менее утвердившимися настроениями и быстрыми (а во многом даже бурными) переменами в условиях существования. Все это, действительно, существенно повышает свойственные общественным настроениям уровень многообразия ориентаций, склонность к отторжению новаций, нервозность, идеологическую ностальгию.

Однако неверно сводить фиксируемые сейчас повсеместные ценностные, общественно-политические и поведенческие перемены к названным, хотя и существенным, причинам. Истоки этих перемен лежат гораздо глубже. Их определяют серьезные сдвиги, происходящие в обществе и непосредственно сказывающиеся на несущих структурах самого общественного сознания.

Наиболее заметный из этих сдвигов можно определить как качественно возросшую мобильность массовых категорий населения и обусловленное ею резкое возрастание значимости национальной проблемы.

Первичная роль в резком повышении уровня массовой мобильности населения со всей очевидностью принадлежит уже реализовавшейся (жесткой) форме глобализации. В ходе ее осуществления были безжалостно разрушены традиционные производственные, поведенческие и культурные основы многих государств, именовавшихся в прошлом странами «третьего мира». При этом не были созданы минимально необходимые щадящие экономические и социальные амортизаторы. И более того: во многих случаях оказались подорванными сложившиеся (или складывающиеся) там государственные институты.

В значительной части этого мира в результате инициированного извне распада традиционных структур, вооруженных конфликтов и активности террористических объединений возникло своего рода «броуновское движение», выбросившее за пределы постоянных мест проживания десятки миллионов обнищавших и отчаявшихся людей. Одни из них хлынули в большие города, осев там, как правило, в трущобах, в условиях, мало пригодных для жизни. Другие примкнули к радикальным террористическим бандформированиям, ухитрившимся, не без помощи извне, подчинить себе немалые территории. Третьи направились в огромных количествах в развитые страны, образуя в них многочисленное инородное, плохо ассимилирующееся и порой откровенно дискриминируемое меньшинство.

У всех трех групп неизбежной реакцией на трагические перемены в жизненном укладе стала возросшая ориентация на национальное или квазинациональное (конфессиональное) самосознание.

В свою очередь, чем многочисленнее становились потоки иммигрантов в славившие сравнительно благополучными страны, тем сильнее становилась негативная реакция на них коренного населения. И ее непосредственным следствием выступало обращение к ставке на национальное самосознание.

Усилению значимости растущего национального самосознания существенно способствуют и другие масштабные общественные сдвиги. Глобализация, как известно, не только разрушает, но и создает. Происходивший на протяжении последних десятилетий сброс экологически неблагоприятной тяжелой промышленности и массового конвейерного производства в бывшие страны «третьего мира» косвенно, но вполне эффективно способствовал их экономическому развитию. Некоторые из них стали (разумеется, не только поэтому) крупными промышленными державами. Это существенно повысило уровень национального самосознания их населения. Страны, славившие прежде отстающими, покинув историческое «гетто», претендуют ныне на новый, более солидный политический статус. Игнорирование этих обстоятельств наиболее развитыми державами, посягающими на доминирование в мире, придает происходящим сдвигам все более активные и устойчивые формы.

В этом же направлении действует стимулируемая глобализацией межгосударственная интеграция, естественно, если с ней обращаются недостаточно аккуратно. Поскольку она предполагает передачу на наднациональный уровень значительной части государственных функций, это вступает в противоречие с национально-государственной ориентацией, все еще свойственной большинству граждан. Чтобы снять это противоречие, необходимы убедительные свидетельства того, что такое действие приносит очевидную пользу. Пока речь идет о компетенциях экономического порядка, искомый результат достигается сравнительно быстро. Иное дело компетенции социального и политического свойства. Их передача воспринимается населением болезненней, поскольку выглядит как существенное ущемление национального суверенитета. Причем польза от такой передачи далеко не всегда очевидна. Неспособность учитывать это обстоятельство может спровоцировать (и уже провоцирует) мощный всплеск национального самосознания.

Интеграция может воздействовать на национальное самосознание и в другом плане. Недостаточно взвешенное делегирование социальных и политических функций государства на наднациональный уровень при определенных условиях способно постепенно размывать национальногосударственную ориентацию граждан. В многонациональных государствах при не полностью отрегулированных отношениях между этническими общинами такое размывание нередко стимулирует региональное этнонациональное самосознание и облегчает постановку вопроса о создании собственной государственности, а следовательно, и всплеск этнонационализма.

Исторические корни национального самосознания

Есть все основания утверждать, что в современном общественном сознании в результате структурных сдвигов вновь стала выходить на передний план такая ценность, как национальное самосознание и, соответственно, национальная ориентация.

У этой ценности есть свои исторические корни. Некоторые из них вполне очевидны.

Во-первых, за столетия существования исторически сложившихся наций в процессе их укоренения сформировались национальные экономические пространства, обеспечивавшие условия, необходимые для развития производства и становления приемлемого уровня жизни. Правда сейчас, под влиянием глобализации, герметичность этих пространств начала размываться. Тем не менее их роль все еще значительна – даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объединений.

Во-вторых, в пределах национальных государств исторически сложилось правовое и общественное устройство, значение которого не только сохранилось, но в ряде случаев даже возросло. В качестве примера можно сослаться на роль этого устройства в удовлетворении социальных потребностей граждан. Глобализация торговли, финансов, производства, информатики и т. д., как известно, не сопровождалась глобализацией институтов, способных обеспечить развитие действенных наднациональных социальных инфраструктур и, соответственно, защиту социальных интересов тех, кто в ней нуждается. Эти функции выполняют – и будут выполнять в обозримое время – национально-государственные структуры. Поэтому их сохранение отвечает коренным интересам подавляющего большинства людей.

На базе национальных сообществ возникли и укрепились современные политические режимы. Их основу образуют институты и процедуры. Создание таких институтов и процедур на глобальном уровне даже не просматривается, во всяком случае в обозримое время. Следовательно, заинтересованность в таких институтах и процедурах (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединенным на государственной основе.

В-третьих, существование национально-государственного организма длительное время рассматривалось (и рассматривается) как гарантия безопасности от внешних посягательств. Относительность подобной гарантии очевидна. История возникновения и существования нынешних государств была в то же время историей войн – и за сохранение, и за расширение своих территорий. Но, как известно, все познается в сравнении. Чувство безопасности в рамках сильного национального государства было всегда большим, чем в регионах племенной, феодальной и иной раздробленности. И это обстоятельство прочно зафиксировано в исторической памяти народов.

В-четвертых, за многие десятилетия, а то и столетия существования национальных общностей в каждой из них сложилось устойчивое единство ценностных установок, образа жизни, языка и культуры. Разумеется, такое единство не абсолютно. В отдельных национальных общностях сохранились элементы исходной этнической основы, в том числе отчетливое влияние издавна сложившихся поведенческих традиций. Это же можно сказать и о культуре. В многоэтничных государствах, наряду с общенациональным языком, укоренились региональные языки и диалекты. Образ жизни населения во многих уже сложившихся государствах в значительной мере зависит от особенностей сферы проживания, социального статуса и экономического положения в том или ином регионе. И тем не менее, как правило, общие характеристики доминируют над частными.

В-пятых, особенностью устоявшихся наций, прежде всего европейских (не в территориальном, а в культурно-цивилизационном смысле), можно считать то, что, несмотря на этническую специфику, они уже первоначально обладали определенной степенью сходства: в конечном итоге речь шла о том или ином сочетании романских, германских, кельтских или славянских начал и влияний. Важную роль в становлении современных наций (в первую очередь европейских) сыграли духовно-религиозные установки утвердившихся на континенте христианских конфессий. Их влияние на этот процесс было различно. В целом, однако, принадлежность к одной церкви минимизировала препятствия, стоявшие на пути слияния этнических и племенных единиц. Во многих случаях эта принадлежность служит скрепой национально-государственной идентичности поныне.

Немалую роль в сохранении уже существующих наций играет и то, что противоречивость и болезненность глобализации, характерные для ее нынешнего этапа, способствуют не только размыванию границ, маркирующих сферы функционирования национальных конгломератов, но и косвенное их упрочение.

Возросшая взаимозависимость национальных экономик привела, наряду с очевидными плюсами, к усилению нестабильности финансовых систем и промышленного производства.

Особенно остро это сказалось на странах, отставание которых от наиболее развитых в промышленном отношении государств, несмотря на все усилия, осталось прежним, а в отдельных случаях даже возросло. В большинстве из них эти последствия проявились в примитивной и поэтому особо очевидной форме.

Все это в свою очередь породило глубокое недовольство самой глобализацией. Во многих, особенно в пострадавших, странах она стала не без оснований восприниматься не столько как объективно обусловленный процесс, но и как форма внешнего эгоистического насилия. Одной из ведущих форм проявления такого недовольства стала интенсивная ориентация на сложившуюся или даже мнимую нацию как на оплот сопротивления негативным глобализационным процессам.

Национальное самосознание и национализм

Поскольку длительное существование наций, их роль в историческом процессе, возникновение и утверждение национально-государственной ориентации оказали глубокое влияние на общественное сознание народов, формируя всю его толщу, оно не могло не приобрести и своей идеологической ипостаси. Ее формой стало то, что принято именовать национальным самосознанием.

В различных странах, в зависимости от обстоятельств, роль национального самосознания была и остается различной. Иногда оно доминирует, иногда отходит на второй план. При этом, однако, оно повсеместно сохраняет свое значение осознанной позитивной оценки характерных черт и особенностей общности, воспринимаемой как нация – ее прошлого, настоящего и будущего, ее места в сообществе народов. Отсюда и заметная роль национального самосознания в системе многих более частных ценностей, определяющих предпочтения и поведение граждан.

Известно, что национальным самосознанием нередко злоупотребляют. Его то и дело используют как эффективное средство мобилизации масс на те или иные действия, угодные властным структурам. Для этого его обычно подгоняют под пригодную для этого схему.

Приемы, которые используются в данных целях, не очень сложны. Как свидетельствует опыт истории, любая общественная идея отражает не только реальный опыт и интересы общности, которая ее формулирует и выдвигает, но и иллюзии, свойственные массовому сознанию. Уязвимым местом национального самосознания всегда был изначально заложенный в него соблазн, отстаивая интересы, подчеркивая потенции и заслуги своего народа, абсолютизировать эти качества и, соответственно, приписывать ему особую роль, возвышающую его над другими народами. А это, в свою очередь, создает благоприятную почву для злоупотреблений.

Все это, однако, не дает оснований рассматривать национальное самосознание пристрастно, а тем более негативно. Как и любые другие элементы общественного сознания, оно – объективно обусловленная реальность, которая выполняла и выполняет важные позитивные функции, способствуя экономическому и социально-политическому развитию общественных организмов, их ценностной и культурной сплоченности и в конечном итоге выживанию в сложном и противоречивом окружающем мире. Вместе с тем оно гарантирует сохранение многообразия и разноцветья мира, которым все очевиднее угрожают гипертрофированно унификационные процессы.

Эти объективные функции придают национальному самосознанию дополнительную прочность. На протяжении истекших столетий оно не раз терпело поражения в столкновениях с другими глобальными ценностными установками, владевшими умами миллионов людей. Однако, как свидетельствовал последующий ход событий, во всех этих случаях национальное самосознание проиграло лишь отдельные битвы, но не решающие сражения. Менялись обстоятельства, возникали новые реалии, и оно вновь демонстрировало свою значимость, становясь не менее влиятельным, чем прежде.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

Нередко национальное самосознание отождествляют с национализмом. Такое отождествление представляется неправомерным. Понятие национального самосознания – это, вопреки всем манипуляциям, которые с ним совершают, прежде всего, объективное отражение – на уровне осмысления – существования исторически сложившихся общественных организмов, обладающих устойчивой спецификой и интересами. Национализм же – это паразитирующая на национальном самосознании политическая идеология, отличительной чертой которой является безоговорочная ориентация на заимствованные из прошлого агрессивные формы мышления и поведения.

На политическом уровне национальное самосознание может сочетаться с различными идеологическими системами. При определенных обстоятельствах оно в состоянии адаптировать всю основную совокупность либеральных ценностей. Вполне возможно, вопреки бытующим представлениям, сочетание национального самосознания с системой левых взглядов. Но на практике приходится чаще всего иметь дело со слиянием национальной идеи с крайними формами традиционного правого консерватизма. На этой основе обычно и формируется тот идеологический гибрид, который принято именовать национализмом. Не случайно в политическом лексиконе понятие «национализм» не просто соседствует с понятием «правый радикализм». Чаще всего они вообще воспринимаются как синонимы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно освежить в памяти структурные ценности идеологии правого консерватизма.

Главная из них – ориентация на давнее прошлое как на утерянный «золотой век». К этому непосредственно подверстывается подход к человеческой личности как к несовершенному продукту творения, «сосуду греха», нуждающемуся, во имя собственного блага, в твердой, руководящей руке. На это, как на стержень, нанизываются все остальные установки, свойственные консерватизму. Так, из отношения к человеческой личности вытекает преимущественно негативная оценка разума, неприятие абсолютизации его возможностей, его гордыни, «заводящей в тупик человеческое сообщество».

Идеологии правого консерватизма свойственно также решительное отрицание принципа равенства в любых его формах. Эта позиция обосновывается не только тем, что люди различны по своим биологическим и психологическим характеристикам. Она исходит и из того, что несовершенство и греховность человеческой природы делает необходимым вычленение (или целенаправленное формирование) группы людей, способной подняться над обыденностью, приблизиться если не к совершенству, то к более высокому состоянию, а следовательно, призванной взять на себя бремя руководства обычными людьми.

Несовершенство человеческой природы обуславливает, согласно правоконсервативным взглядам, необходимость строго пирамидального построения общественных структур. Оно, в свою очередь, предполагает потребность в лидерах, наделенных особыми полномочиями (в одних случаях идущими от потусторонней силы, в других – от способности выразить потребности общества), а также в системе управленческих, идеологических, религиозных и иных институтов, жестко контролирующих рядовых граждан. Отсюда и такие производные установки, как ориентация на беспрекословное следование утвердившимся в прошлом нормам, правилам поведения и запретам, особое значение, придаваемое исполнительности, дисциплине, порядку.

С этим связана и своеобразная трактовка правыми консерваторами понятия свободы. В отличие от тех, кто рассматривает ее как естественное право любого индивида, они считают свободу достоянием немногих избранных, «аристократии духа». Иным она не только не нужна, но и попросту вредна. Адаптируя изложенные выше подходы, достаточно адресовать их другим народам, выделив свою нацию как избранную, свободную от всевозможных пороков. И тут же формируются главные основы идеологии национализма.

О близости, если не идентичности идеологий национализма и традиционного правого консерватизма свидетельствует и то, что их сближение издавна во многом двустороннее.

Первоначально консерватизм в его определяющей, европейской ипостаси был враждебен национальной идее. Консерваторам было свойственно негативное отношение к формированию национальных государств. Они ориентировались на сохранение или возрождение наднациональных империй, именуя свою позицию универсализмом. Нации рассматривались ими как детище Просвещения, а следовательно, как смертельный враг консерватизма. В XVIII в. борьба между консерватизмом и либерализмом проходила как раз на площадке универсум – нация.

Однако начиная с XIX в. подход к этой проблеме правых консерваторов, выделившихся в особое направление, стал меняться. Некогда поносимое ими национальное самосознание (тогда оно именовалось «национальной идеей») было спешно инкорпорировано в систему ценностей правого консерватизма. В нее было дополнительно внедрено неумеренное восхваление всемогущего национального государства. Тем самым главное различие между национализмом и традиционным консерватизмом оказалось снятым. XX в. полностью подтвердил прочность их союза. Поэтому в XXI в. национализм вошел как неотъемлемая составная часть идеологии правого консерватизма.

Конечно, логическая связь в том, что выступает в виде цепочки «национальное самосознание – национализм – правый консерватизм», во многом не прочна. Тем не менее она существует. Поэтому возрастание в общественном сознании, рассматриваемом как глобальный феномен, ценностной составляющей, ориентированной на национальный фактор, следует рассматривать как признак пусть еще не наступившего, но, во всяком случае, грядущего всеобщего идеологического и политического поправления.

Современный национализм: содержательная оценка

Чтобы определить, каким может быть это поправление, необходимо в общих чертах представить себе содержательный портрет современного национализма.

Как и любая идеологическая система, национализм гибко приспосабливается к меняющимся обстоятельствам. Это в полной мере относится к обоим главным цивилизационным ареалам национализма, которые можно условно определить как азиатско-исламский и европейский.

На ситуацию в первом решающий отпечаток наложило более позднее формирование современных наций. Поэтому вплоть до последней трети XX в. в национальном самосознании и, соответственно, в национализме, свойственном этой сфере, превалировали черты, сходные с теми, которые доминировали в подобных процессах, протекавших в Европе XVIII–XIX вв.: вторичность радикально-консервативных влияний, относительная светскость, готовность к частичному восприятию либеральных и даже левых взглядов. Сейчас этот подход почти повсеместно оттеснен на периферию. То, что именуется ныне азиатско-исламским национализмом, представляет собой совокупность крайних форм конфессионального консерватизма, пытающегося подменить нечетко обрисовавшееся национальное самосознание искусственным исламским «универсализмом».

Обратившись к европейской цивилизационной сфере, можно обнаружить следующие перемены:

– Зародившийся в ней национализм действовал в прошлом, как правило, в территориально ограниченных, региональных масштабах, хотя время от времени его вспышки накладывали отпечаток и на ход мировых событий. Сегодня национализм этого типа приобрел едва ли не повсеместный характер, хотя проявляется в разных формах, в зависимости от специфики страны или региона.

– Национализм европейского типа в том виде, в каком он сложился раньше, более или менее адекватно отражал потребности общественного, в том числе экономического развития: прежде всего, необходимость консолидации обществ в рамках единого государственного организма, преодоления общинной, клановой и иной раздробленности. Современный национализм этого типа противостоит объективным тенденциям общественного развития: свойственным ему экономическим, политическим и культурным процессам, растущей взаимозависимости человечества.

– Национализм, который можно определить как традиционный, выступал не только как средство вычленения общности, осознающей себя нацией, но и как инструмент ее интеграции – объединения далеко не идентичных этнолингвистических объединений. У современного национализма этого типа интегрирующая функция, за некоторыми исключениями, если не исчезла, то по меньшей мере оттеснена на второй план. Ставка на формирование нации путем интеграции разнородных общностей заменена идеей этнической самодостаточности, вычленения совокупности лиц по признакам генетической, культурной и лингвистической идентичностей.

– Перенесение упора с идеи нации на идею этноса как инварианта внесло существенные коррективы в целевые установки и методы действий националистических движений. Для старого национализма европейского типа в качестве цели выступала прежде всего культурная и лингвистическая интеграция общности, рассматриваемой как нация. Главным способом достижения такой интеграции считалась ассимиляция. Готовность к ней, реальное продвижение в ее направлении чаще всего снимали дискриминационные барьеры на пути экономической, социальной и иной мобильности.

Нынешняя форма национализма со свойственной ей упором на генетически-этнический фактор воспринимает ассимиляцию не как форму национальной интеграции, а как маневр, призванный подорвать ее изнутри. При таком подходе национальная интеграция, по сути, отождествляется с вытеснением «этнически чуждого элемента» путем либо изгнания, либо физического уничтожения. В этом смысле непосредственным предтечей современного национализма можно с полным основанием считать германских национал-социалистов с их ориентацией на «расовую чистоту крови».

Объединяет обе модели этого идейно-политического феномена органическая склонность к крайне экстремистским формам реализации своих ценностных установок, включая попрание элементарных норм человеческого существования.

Наиболее вероятный сценарий межнациональных (межэтнических) отношений в любом государстве в случае утверждения в нем националистически ориентированного руководства, как свидетельствует опыт, складывается обычно следующим образом.

Неспособность установить нормальные отношения с национальным меньшинством неизбежно создает напряженную внутривнутриполитическую атмосферу. Дискриминация части населения, осуществляемая в различных формах, порождает у нее чувство отчужденности от политической системы и государственности в целом, постоянно провоцируя сопротивление и создавая тем самым массовую базу для крайних проявлений протеста. При этом особо высокая степень напряженности наступает тогда, когда жертвой ксенофобии становятся компактные группы выходцев из других стран, считающих данную территорию своей родиной. Обычной реакцией на это становится нарастающая враждебность этнического большинства, его укрепление на шовинистических позициях и, соответственно, ослабление политических движений, традиционно противостоящих национализму.

Политическое эхо

Указанные процессы уже заметно сказались на идеологической ситуации и расстановке политических сил в различных регионах и странах. На общественной арене уже зафиксировано политическое эхо национализма.

В странах бывшего «третьего мира», наиболее пострадавших от экономических и социальных потрясений, режимы, возглавляемые умеренно националистическими силами, стали уступать место системам управления, решающая роль в которых принадлежит националистам-радикалам. Происходит это, как правило, в результате насильственных действий, перерастающих в ряде случаев в военные столкновения различной остроты и продолжительности.

В экономически развитых странах наметилось явное оживление крайне правых политических партий. В одних случаях они начали выходить из маргинального состояния, в котором пребывали на протяжении истекших десятилетий. В других – смогли проложить себе дорогу в парламентские институты. В третьих – превратили свои фракции в законодательных органах в заметный политический фактор. В четвертых – стали силой, претендующей на заметное участие в осуществлении государственной власти.

Констатируя это, следует вместе с тем избегать неоправданных преувеличений. Усиление в общественном сознании одной из ценностных установок при всей интенсивности этого процесса вовсе не равнозначно кардинальному преобразованию всей его структуры. Значимость других ценностных установок может на время стать слабее. Но полностью вытеснить их из общественного сознания они не в состоянии. Тем более что в большинстве развитых стран происходят ныне и иные сдвиги, оказывающие специфическое воздействие на общественное сознание и, следовательно, на настроения и политическое поведение значительных групп населения.

Структура общественного сознания и иные противоречия

Одним из дополнительных противоречий стала возросшая неустойчивость мировой системы, вызванная изменившейся расстановкой сил, а следовательно, и геополитической структурой мира, на которой четко обозначились новые влиятельные силы. Наиболее очевидной формой проявления названной неустойчивости стали ожесточенные усилия Соединенных Штатов, стремящихся сохранить свои позиции единственного глобального гегемона, которыми они овладели в конце XX в.

Основную направленность их намерений составили попытки, во-первых, помешать утверждению на мировой арене влияния других крупных держав (прежде всего России и Китая), во-вторых, сохранить подчинение своим интересам государств Евросоюза и, в-третьих, утвердить свое господство в тех странах, которые до последнего времени позволяли себе претендовать на независимость в вопросах внешней и внутренней политики. Способами достижения этих целей были избраны: в одних случаях – экономическое и политическое давление, сопровождаемое широкомасштабными информационными атаками, в других – дипломатические операции, подкрепляемые различными материальными посулами, и в третьих – инициирование государственных переворотов, а в случае их неудачи – и прямое военное вмешательство. Смена руководства Соединенных Штатов в результате президентских выборов, состоявшихся в конце 2016 г., внесла в эту устойчивую стратегию лишь второстепенные коррективы.

Естественным следствием подобной стратегии стал высокий уровень напряженности, незамедлительно сказавшийся на общественном сознании, повсеместно усилив чувства неуверенности и беспокойства. Архитекторы этой стратегии исходили из предположения, что такие

настроения пойдут на пользу структурам власти в сфере их господства, усилив политическую стабильность. В действительности это усиление оказалось мимолетным. Наиболее доминирующим и устойчивым оказалось повсеместное недовольство теми властными структурами, которые поддерживали эту стратегию и в той или иной степени способствовали очевидному возрастанию военной угрозы в региональных, а то и более широких масштабах. На политической стабильности в соответствующих странах это недовольство стало сказываться крайне негативно. И чем дальше, тем больше.

Другой сгусток новых противоречий образовался в экономической сфере. Одним из последствий глобализационной модели, реализуемой на протяжении последних десятилетий, стала небывалая бесконтрольность финансовой системы, получившей своеобразную «вольную», оторвавшись от материального производства и обращения, непосредственным отражением которых исходно являлась.

Одним из проявлений этой «вольной» было решение предоставить доллару – национальной валюте Соединенных Штатов – выполнение функций международного платежного средства. Это открыло для США возможность бесконтрольной эмиссии своей валюты как для внутренних, так и для внешних целей, вне зависимости от степени соответствия денежной массы реально произведенному продукту. К этому добавился выпуск в обращение огромной массы своеобразных квазиденег – первичных и вторичных ценных бумаг, имеющих хождение наряду с нормальными деньгами. О размерах их массы свидетельствуют экспертные оценки, согласно которым суммарная стоимость этих бумаг может быть оценена в более чем 700 трлн долл., что соответствует стоимости экономики всего мира.

В результате возникла ситуация, способствующая возникновению мощных «денежных пузырей», создающих иллюзию финансовой стабильности, но обладающих способностью лопаться по внешне малозначительным причинам, вызывая, в зависимости от своих масштабов, большие или меньшие глобальные беды. В первом десятилетии нашего века, лопнув, они стали запалом мирового кризиса 2008–2009 гг., во втором – все очевиднее служат вестником новых недалеких потрясений.

Но дело не только в опасной перспективе. Избыток денежной и квазиденежной массы имеет одним из непосредственных следствий безграничный рост задолженности как государственной, так корпоративной и личной. Некоторое время она позволяла жить, не считаясь с пределом возможностей. Однако сейчас этот предел заявил о себе в полную силу. Государственный долг Соединенных Штатов приблизился к астрономической сумме в 20 трлн долл., сравнившись по размерам с годовым ВВП страны. Превышает годовые ВВП задолженность и ряда других слывущих развитыми стран.

Давящая государственная задолженность породила намерение ослабить ее натиск путем широкомасштабной экономии – прежде всего за счет основной массы населения, и так страдающего от личной задолженности. Тем самым нанесен очередной удар по политической стабильности.

Заметные последствия имели сдвиги, произошедшие в социальной структуре развитых стран. Новый этап научно-технического обновления в очередной раз внес серьезные коррективы в их социальную структуру, а вместе с ней в обстоятельства, формирующие политическую стабильность. Прежде всего, начал рассыпаться и без того разноликий «новый средний класс», на который возлагали такие надежды. Апологеты рассматривали его «класс» как определяющий фактор устойчивости политической системы. Процесс распада на автономные группы с их специфическими интересами распространился и на другие крупные социальные общности. Все это породило новые противоречия и потребности, что, естественно, отразилось на динамике общественных настроений. Прежние партийно-политические структуры перестали в полной мере отвечать изменившимся запросам основной массы населения развитых обществ.

Все это дает основания считать, что дальнейшая идеологическая и политическая динамика в различных регионах мира будет определяться не только сдвигом вправо, инициированным упрочением позиций правого радикализма (национализма), но и сохранением и даже нарастанием влияния иных идеологических и политических течений. Исход их соперничества будет различным в разных регионах.

Евросоюз в вихре мировых противоречий

Каковы же в этой обстановке судьбы стран Европейского союза?

Объективный подход авторского коллектива к оценке промежуточных итогов становления ЕС и развития, зафиксированный в предыдущих работах⁵⁴, с самого начала не исключал критического осмысления тех серьезных препятствий и сложностей, которые ему предстояло преодолеть на пути к поставленной цели. Вместе с тем на протяжении ряда лет этот подход не давал оснований и для негативных прогнозов. Однако «крот истории» продолжал «старательно рыть почву». Пришло новое время, и во втором десятилетии XXI в. наметились дополнительные обстоятельства, потребовавшие корректировки ряда выводов, сделанных на основе прежних данных.

Может показаться, что далеко не благоприятные изменения, произошедшие в ЕС в последние годы, представляют собой лишь более рельефное продолжение прошлых кризисных процессов, затруднявших успешное развитие Евросоюза, но не ставящих под сомнение его перспективы. В действительности же появились основания считать, что в обстановке возросших глобальных противоречий проблемы, накопившиеся в Евросоюзе, стали приобретать качественный характер, что сделало необходимым ряд новых подходов и оценок.

Некоторые важные кризисные явления, вызвавшие серьезные потрясения в странах Евросоюза, были следствием событий глобального порядка и лишь усугублены неадекватной реакцией руководящих структур Евросоюза. Поэтому объективная оценка нынешнего состояния и перспектив ЕС делает необходимым должный учет всей совокупности последствий динамики общемировой системы.

Нестабильность мировой экономики, о которой уже шла речь выше, привела к серьезному преобразованию всей структуры мирохозяйственных отношений. В ходе непростых, нередко болезненных сдвигов, наряду с доминировавшими прежде глобальными центрами индустриального и интеллектуального производства, появилось немало новых претендентов на аналогичные роли. Соответственно, стали расти уровень и острота конкуренции на мировых рынках. Пока они не стали запредельно высокими. Однако не считаться с ними было бы неверным.

Выводы, сделанные в этой связи Евросоюзом, не соответствовали степени потенциальной угрозы. Предпринимавшиеся меры явно запаздывали. Не было, в частности, учтено, что в меняющейся ситуации Соединенные Штаты неизбежно превратятся для ЕС из покровителя в торгового конкурента и что их утвердившееся ранее экономическое доминирование может, вопреки иллюзиям, обернуться для стран Евросоюза невосполнимыми потерями. Отсюда их иррациональная готовность по-прежнему пребывать в роли младшего партнера США, в том числе в ущерб своим насущным интересам.

В этой связи достаточно сослаться на противоречащее интересам стран Евросоюза их активное участие в идеологической и экономической войне против России, начатой Соединенными Штатами. Между тем даже дилетантам очевидно, что такое участие не только обернулось миллиардными конъюнктурными потерями, но и свело к минимуму тот позитивный баланс

⁵⁴ Большая Европа / Под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова, А. А. Галкина. М.: Весь Мир, ИЕ РАН, 2014. 704 с.; Европейский Союз в поиске глобальной роли / Под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. М.: Весь Мир, ИЕ РАН, 2015. 592 с.

взаимопонимания между ЕС и Россией, который был с таким трудом создан на протяжении предыдущих десятилетий, и что это участие во многом закрыло для стран Евросоюза один из самых емких и перспективных рынков сбыта, столь необходимых в условиях обостряющихся торговых схваток.

Неустойчивость мирового хозяйства существенно стимулируется и нынешним состоянием финансовой системы ЕС. Происходящее в этих условиях ослабление мировых валют существенно повысило их волатильность – неустойчивость и подвижность. Тем самым открылся еще один удобный плацдарм для финансовых спекуляций. Возросшая анонимность финансовых отношений, широкое использование для их реализации международной системы связи открыли перед банковскими клерками, имеющими доступ к деньгам и к соответствующей информационной системе, неограниченную возможность по собственному усмотрению включаться в международные спекуляции, оперируя и рискуя не принадлежащими им миллионами (а то и миллиардами) долларов (евро). Случаи такого рода получили широкую огласку. Важны, однако, не столько эти побочные (криминальные) издержки, сколько общий фон того, что происходило и происходит на главной финансовой арене.

Выдержит ли Евросоюз новую серию ударов, нанесенных качественно возросшей финансовой нестабильностью, скажется ли на его судьбе выход из состава ЕС Великобритании и что за этим последует? Для позитивного ответа на поставленные вопросы остается все меньше оснований.

Первоначально массовое общественное сознание в странах Евросоюза реагировало на все это сравнительно вяло. Наметившиеся в нем сдвиги и их политическое эхо сравнительно четко проявились лишь в нескольких экономически менее развитых странах. Главная из причин этого состояла в том, что на первых порах глубинные потрясения, таящиеся в недрах Евросоюза, сперва не полностью опрокинулись всей своей тяжестью на основную массу его населения. Теперь ситуация заметно меняется.

Особо болезненно воспринимается то, что сейчас нередко именуют новым «великим переселением народов», вызванным описанными выше событиями. Беспрецедентный рост мобильности миллионов людей, сорванных с прежних мест постоянного жительства и мечущихся в поисках убежища и лучших условий жизни, обернулся тяжелым ударом прежде всего по Евросоюзу. Естественно, что потоки иммигрантов ориентированы в первую очередь на те страны, которые более или менее обоснованно воспринимаются как наиболее процветающие и открытые. Отсюда основная направленность иммигрантских потоков в Германию, Австрию, Бельгию, Норвегию и некоторые другие страны ЕС. Первоначально этот процесс воспринимался как терпимый. Однако с 2015 г. он стал приобретать черты наступающей катастрофы.

Во многом направления иммиграционных потоков были стимулированы политикой самого Европейского союза. Принятые его членами правовые нормы первоначально благоприятствовали притоку иностранной рабочей силы. Была повышена прозрачность внешних границ Евросоюза, полностью снят контроль над передвижением людей между большинством стран – членов ЕС (Шенгенские соглашения), облегчен процесс оформления вновь прибывших иммигрантов. Публично это оправдывалось соображениями гуманности и уважения к правам человека. В действительности главную роль при этом сыграл возникший в ЕС по ряду причин, в том числе демографических, дефицит неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы.

Вскоре, однако, стало очевидным, что рынок рабочей силы имеет свои пределы, что система социальной поддержки попросту не справляется с дополнительной нагрузкой, которую создают многочисленные иммигранты, что их адаптация к странам нового пребывания остается минимальной.

Возросшее национальное самосознание иммигрантов трактовалось главным образом как проявление неприятия чужого и непривычного, будь то взгляды, образ жизни, бытовое пове-

дение, тип одежды и т. д. Предполагалось, что со временем, в результате ассимиляции или привыкания, это неприятие будет отодвинуто на задний план или исчезнет вовсе. Однако по мере безудержного роста численности иммигрантов и возрастания в их рядах доли представителей иных культур и конфессий стало ясно, что проблема налаживания мирного сосуществования коренного населения и вновь прибывших гораздо сложнее, чем это представлялось первоначально.

Принятые меры, рассчитанные на ограничение иммигрантских потоков и их более-менее справедливое распределение между странами Евросоюза, не дали ожидаемых результатов. Более того, неоправданное и непродуманное вмешательство в процессы, происходившие в зоне Северной Африки и на Ближнем Востоке, разрушило сложившиеся там государственные структуры и породило хаос, который значительно увеличил масштабы бегства в ЕС.

Следствием чрезмерного роста притока иммигрантов стало заметное нарастание местного национализма, укрепившего позиции праворадикальных партий, сделавших эту проблему важным козырем в борьбе за упрочение своих политических позиций. Одним из следствий такого нарастания стало ослабление поддержки заметной частью автохтонного населения самих принципов интеграции как несовместимых с национальными интересами. Настроения такого рода получили наименование евроскептицизма. Длительное время он был свойствен очевиденному меньшинству граждан стран – членов ЕС. Затем в некоторых из этих стран близкие евроскептицизму взгляды стали разделять вплоть до половины жителей. Очевидно, что дальнейшие сдвиги в этом направлении могут принципиально изменить расстановку политических сил в Евросоюзе, тем более что этому все больше способствует недостаточно взвешенное поведение расположившихся в Брюсселе бюрократических структур.

Станет ли Евросоюз объектом силового давления и атак изнутри? Еще несколько лет назад утвердительный ответ на этот вопрос выглядел маловероятным. Однако после беспрецедентных террористических атак в Париже в ноябре 2015 г. и в Берлине в 2016 г. трагическая реальность развеяла остатки сомнений.

Глава 4. Судьбы гуманитарного прогресса

Понятие «прогресс», то есть движение вперед, выход на новые рубежи в открытии законов природы и использовании ее ресурсов, имеет, безусловно, позитивные коннотации. Иммануил Кант вообще видел в нем первоначальное призвание и категорический императив человеческого общества. Это тем более справедливо для понятия «гуманитарный прогресс»: по определению российского философа В. И. Корниенко, под ним подразумевается «познание человеком собственной сущности, опыт его самореализации и самоограничения, который проявляется в самых разных сторонах его жизнедеятельности»⁵⁵. Речь идет, таким образом, о человеческом измерении любого прогресса – в науке и технике, экономике, политике, культуре, где его цена и результаты оцениваются последствиями для жизни людей.

Важную роль в судьбе гуманитарного прогресса играет его цивилизационное измерение. «Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую», – отмечал французский философ XVII в. Блез Паскаль. В наши дни это ироническое замечание звучит еще более справедливо. Унификация производства, потребления, массовой культуры, стимулируемая гигантскими потоками товаров, капиталов, людей через границы суверенных государств, не отменяет, а, напротив, усиливает стремление народов спасти и утвердить свою национальную идентичность.

Между тем в разных регионах многополярного мира XXI в. люди живут не только на различных уровнях экономического развития, но и как бы в разных исторических эпохах. Каждой из них присуще свое понимание гуманитарного прогресса, определяемое собственной системой этических и культурных ценностей. Речь идет о таких его фундаментальных параметрах, как равноправие женщин, устои семьи (моногамия, полигамия, «брак для всех»), терпимость к этническим, конфессиональным, сексуальным меньшинствам, отношения между религией и правом, экономической эффективностью и социальной солидарностью, государством и гражданским обществом, человеком и природой.

Неудивительно, что гуманитарный прогресс протекает неравномерно, асимметрично как в пространстве, так и во времени. Контрасты в оценке отдельных его граней принимают порой драматический характер, выливаясь в кровопролитные войны, международный терроризм, приводя к гуманитарным катастрофам. Поэтому сравнительный анализ уровней, достигнутых гуманитарным прогрессом в разных странах, требует дифференцированного подхода, учитывающего их культурно-ценностную специфику.

Экономическая основа

Потенциальные возможности гуманитарного прогресса отчасти зависят от объективных физико-географических параметров страны – ее территории, населения, климата, ресурсов, объема ВВП. Однако эти показатели, характеризующие вес государства в мировом или региональном балансе сил, лишь отдаленно, а порой и неадекватно отражают уровень и качество жизни его граждан: у ряда малых и средних государств они иногда заметно выше, чем у иных великих держав.

Поэтому инструментом для сравнения материальной основы гуманитарного прогресса, достигнутого в разных странах, служит прежде всего объем ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС). Всемирный банк делит по этому признаку 193 государства – члена ООН на три категории – страны с высоким (от 12 616 долл. США и выше), средним (от 1036 до 12 615 долл.) и низким ВВП (1035 долл. и ниже). К первой

⁵⁵ Корниенко В. И. Гуманитарный прогресс человеческого общества // Вестник ЧГУ. 2007. № 17. С. 49.

относятся 82 страны, ко второй – 98, остальные – к третьей категории, причем внутри каждой из них существует множество градаций⁵⁶.

Первая десятка самых богатых, где подушевой ВВП колеблется (по убывающей) от 128 530 до 54 270 долл., включает небольшие государства с населением максимум 5–6 млн человек, которые либо располагают значительными запасами экспортного сырья, прежде всего энергоносителей – нефти и газа (Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Оман, Норвегия), либо служат центрами кредитно-банковских структур, управляющих глобальными потоками капиталов, офшорными зонами ухода от налогов, хабами – перевалочными пунктами на мировых торговых путях (Швейцария, Люксембург, Гонконг, Сингапур).

Следующая двадцатка – от 53 760 до 33 440 долл., которая открывается США и замыкается Южной Кореей, включает промышленно развитые страны, вступившие в постиндустриальную стадию, где сфера услуг и потребление домохозяйств составляют две трети общего объема ВВП. Характерно, что в этой категории большинство составляют малые и средние страны – Швеция, Дания, Нидерланды, Австрия и т. д., как правило, опережающие по многим критериям жизненного уровня державы «семерки» – Германию, Японию, Великобританию, Францию, Италию, Канаду, Австралию.

Более многочисленная и разноплановая категория включает 55 государств со средним подушевым доходом от 32 700 до 13 070 долл. Среди них фигурируют большинство стран Европы – Центральной (Чехия, Словакия, Польша), Южной (Испания, Португалия, Греция), Юго-Восточной (Словения, Хорватия, Болгария, Румыния). К этой категории примыкают РФ и КНР (соответственно 23 190 долл., 43-е место в общем рейтинге, и 11 850 долл., 86-е место) и «новые индустриальные» государства Азии, Африки, Латинской Америки (Бразилия, ЮАР, Мексика, Турция, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия).

Остальные 107, то есть более половины государств – членов ООН, по уровню ВВП на душу населения относятся к наименее благополучным. Это большинство развивающихся стран Тропической Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америки, в том числе такие значительные по населению, как Индия (5360 долл., 127-е место) и Нигерия (5360 долл., 126-е место).

За последнюю четверть века глобальный тренд эволюции ВВП на душу населения – материальной основы гуманитарного прогресса – имел в целом позитивную динамику. Это объяснялось прежде всего высокими темпами роста экономики ряда развивающихся стран бывшего «третьего мира», догнавших, а иногда даже опередивших по душевому доходу «золотой миллиард» – США, ЕС, Японию. Сотни миллионов жителей этих стран вырвались из тисков вековой нищеты, пополнив ряды среднего класса.

Доклад ООН «Цели развития тысячелетия» за 2015 г. подвел итоги 25-летней борьбы с бедностью, болезнями, антисанитарией и другими проблемами, решение которых было признано в 1990 г. приоритетным. За эти годы численность живущих за порогом нищеты (менее 1,25 долл. в день) сократилась с 1,9 млрд человек до 836 млрд. Доля живущих ниже уровня крайней бедности снизилась с 47 до 14 % населения развивающихся стран. С 22 до 50 % выросло число тех, кто зарабатывает более 4 долл. в день и считается работающим средним классом. В Китае численность живущих ниже порога бедности снизилась с 61 до 4 % населения, в Индии – с 52 до 17 %⁵⁷.

Тем не менее эти достижения не отменяют того факта, что два десятка государств с подушевым ВВП ниже тысячи долларов остаются в крайней нищете – по данным Продовольственной программы ООН, каждый восьмой житель планеты с доходом менее 1,25 долл. в день

⁵⁶ [Электронный ресурс]. URL: <http://gmarket.ru/ratings-countries-gni> (Дата обращения 09.08.2017).

⁵⁷ 2015. Время глобальных действий для людей и планеты. Изд.: Департамента общественной информации ООН – DPI/2594R.

постоянно недоедает. В еще более тяжелом положении оказываются сотни тысяч людей, страдающих от природных катастроф – засух, наводнений, цунами, частота и масштабы которых с потеплением мирового климата заметно увеличились. Наконец, состояние хронической гуманитарной катастрофы переживают миллионы жертв гражданских войн в «горячих точках» планеты – от Ближнего Востока до Украины, которые нуждаются в срочной и масштабной гуманитарной помощи. К тому же после мирового финансово-экономического кризиса – Великой рецессии 2008–2009 гг. – темпы роста большинства развивающихся стран, включая Китай, заметно снизились, замедляя процесс нагнывания ими вековой отсталости.

Уйти от этого вызова не удастся: он властно стучится в дверь то террором Аль-Каиды, то средневековым варварством ИГИЛ, то потоками сотен тысяч беженцев в Европу через Средиземное море и Балканы, многие из которых гибнут в пути.

Сопоставление ВВП по ППС дает представление о сравнительном жизненном уровне в каждой стране, то есть доступном гражданам объеме товаров и услуг с учетом соотношения доходов и цен. Однако не менее важным критерием материальной составляющей гуманитарного прогресса является характер распределения этих доходов между разными социальными слоями. Для его оценки используется чаще всего так называемый «индекс Джини» – сравнение доли каждой социальной группы в общем объеме ВВП страны с ее удельным весом в населении: чем выше индекс, тем глубже неравенство, и наоборот.

Согласно статистике ООН, по этому индексу наибольшее неравенство доходов в 2008–2010 гг. наблюдалось в самых бедных из 193 государств – членов всемирной организации – в Африке южнее Сахары, Центральной и Южной Америке, Карибском бассейне, Южной и Юго-Восточной Азии – Намибии (74,3), Лесото (63,2), Сьерра-Леоне (62,9), ЦАР (61,3), Боливии (60,1)⁵⁸.

В большинстве остальных государств этот индекс колеблется от 35 до 50. Так, среди стран БРИКС неравенство доходов в Бразилии (57,7) и Китае (46,9) больше, чем в России (39,9). В «семерке» индекс выше всего в США (40,8), в Великобритании (36,6) и Франции (36,0) он выше, чем в Японии (24,9) и Германии (23,3). Наиболее успешными в отношении относительного смягчения неравенства доходов выглядят страны Северной Европы – Дания (24,7), Норвегия (25,8), Швеция (25,0).

Степень социального неравенства измеряется не только индексом Джини, но и другими инструментами, в частности, децильным коэффициентом – соотношением доходов 10 % самых зажиточных и самых бедных граждан страны. По этому критерию разница доходов вершины и основания социальной пирамиды в государствах – членах ЕС составляла в среднем 5–6 раз, в России 21,6, в Бразилии 51,3, а в ЦАР – 69,2⁵⁹.

Из этих данных напрашивается, казалось бы, однозначный вывод: чем беднее страна, тем глубже в ней социальное неравенство. В большинстве случаев такая тенденция действительно существует. Немало, однако, и обратных вариантов, когда в богатой стране разрыв в доходах больше, чем в более бедной. Самый очевидный пример – США, где децильный коэффициент вдвое выше, чем в среднем по Евросоюзу, хотя их ВВП практически равны.

Согласно оценке рейтингового агентства «Standard and Poor's», президенты – генеральные директора 26 крупнейших корпораций США получили в 2014 г. денежные вознаграждения (оклады плюс бонусы, выходные пособия – так называемые «золотые парашюты» и т. д.), которые превышали среднюю зарплату их персонала – рабочих и служащих – в 500 раз. Абсолютным чемпионом оказался Дэвид Заслав, получивший 156 млн долл. – в 1951 раз больше, чем средняя зарплата персонала его компании «Дискавери» в 2014 г.⁶⁰

⁵⁸ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wacra.org/WORLD%20POVERTY> (Дата обращения 09.08.2017).

⁵⁹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2485570>.

⁶⁰ McGregor J. Corporate America wary of disclosing exorbitant pay ratios // Washington Post. 27.08.2015.

Если же сравнивать не доходы, а состояния, то есть степень концентрации частной собственности – движимой и недвижимой, то контрасты выглядят еще более впечатляющими: если в 2012 г. на долю 1 % самых богатых людей планеты приходилось 46 % личных активов, то в 2016 г. состояние 62 из них превысило имущество беднейшей половины жителей Земли – 3,6 млрд человек⁶¹.

Неудивительно, что проблема социального неравенства между странами и внутри каждой из них, как одно из главных препятствий на пути гуманитарного прогресса, оказалась одной из приоритетных в повестке дня мировой общественной мысли начала XXI в. Неслучайно она была в центре дискуссий на Всемирном экономическом форуме в Давосе в декабре 2015 г.

Выход децильного коэффициента за планку 10–12, то есть превышение разрыва доходов верхних и нижних этажей социальной пирамиды больше, чем на порядок, чреват подрывом социально-политической стабильности. Хотя это правило не является общим для всех стран, оно не лишено основания.

За последние три десятилетия по всему миру прокатилась волна массовых движений протеста, выводивших на улицы Каира и Рио-де-Жанейро, Стамбула и Мадрида, Бангкока и Афин сотни тысяч людей.

Хотя детонатором этих движений выступает учащаяся молодежь, связанная социальными сетями, основную массу недовольных составляют представители среднего класса, еще недавно казавшегося самым прочным оплотом стабильности общества. Приобщившись через современные средства массовой коммуникации к ценностям и стандартам общества потребления постиндустриального «золотого миллиарда», они оказались в результате Великой рецессии – мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. – и ее последствий перед угрозой деклассирования. Результатом становится прогрессирующая поляризация социально-политических сил, утрата доверия к дискредитированным коррупцией элитам, рост влияния левых, но чаще всего ультраправых национал-популистов, подрывающий стабильность не только в развивающихся, но и в ряде постиндустриальных стран.

Эти деструктивные процессы являются в конечном счете отражением тенденции к углублению неравенства. На протяжении почти всей второй половины прошлого столетия ее смягчала, амортизировала и даже порой нейтрализовала широкомасштабная система социальной защиты, сложившаяся после Великой депрессии – мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., и особенно в период после Второй мировой войны на фоне сравнительно устойчивого роста мировой экономики. По существу, именно эта система казалась магистральным путем гуманитарного прогресса.

Однако в начале XXI в. она пришла в противоречие с новыми экономическими реалиями, оказавшись, по сути дела, в тупике, выхода из которого пока не найдено.

Социальное измерение

Критериями гуманитарного прогресса служат не только материальные составляющие жизненного уровня – соотношение доходов и цен, покупательная способность домохозяйств, структура их бюджетов. Не меньшее, а зачастую большее значение имеет качество жизни, которое во многом зависит от удовлетворения коллективных потребностей общества. Эта сфера охватывает социальное, в том числе пенсионное обеспечение, здравоохранение, образование, содействие занятости, урбанизацию, дорожно-транспортную инфраструктуру, коммунальные услуги, культуру, спорт.

⁶¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prospect-syndicate.org/commentary/world-leaders-should-address-inequality-by-winnbyanyima-2016-01> (Дата обращения 09.08.2017).

На протяжении многих веков, а отчасти и до сих пор ответственность за социальную помощь брали на себя церковные структуры мировых конфессий – разных ветвей христианства, ислама, буддизма, для которых милосердие всегда было символом веры, а благотворительность – путем к сердцам верующих. Примеру духовных властей следовали светские. Для монархов и аристократии благотворительная деятельность и меценатство были обязательным условием престижа в глазах подданных, уважения элит.

После промышленных революций просветительская, гуманитарная и филантропическая деятельность видных представителей делового мира – предпринимателей, банкиров, коммерсантов приобрела гораздо больший размах. Фонды Ротшильда, Рокфеллера, Форда, Карнеги, Билла и Мелинды Гейтс являются спонсорами масштабных программ содействия развитию науки, культуры, образования.

Однако главной движущей силой гуманитарной помощи служат не индивидуальные доноры, а массовые неправительственные и некоммерческие организации гражданского общества, в деятельности которых принимают участие сотни тысяч добровольных активистов.

Наиболее известной из них является Международный комитет Красного Креста (МККК), созданный в 1863 г. для помощи пострадавшим в ходе вооруженных конфликтов. Федерация национальных комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца, действующих почти в 80 странах мира, помогает раненым, больным, военнопленным, осуществляет мониторинг соблюдения воюющими сторонами Женевских конвенций об ограничении методов боевых действий. Аналогичные функции выполняют другие международные и национальные организации гуманитарной помощи, например Врачи без границ.

НКО берут на себя, в частности, помощь маргиналам, оказавшимся по разным причинам за бортом общества, предоставляют им временное жилье, питание, создают возможности социальной реабилитации.

С середины XIX в. гуманитарная помощь становится сначала в Европе, а затем во всем мире неотъемлемой частью, компонентом социальной политики государства, превратившейся ныне в одну из его основных функций. Принято считать, что сегодня в промышленно развитых странах на оплату суверенных функций государства – администрацию, поддержание правопорядка, внешнюю политику и оборону – выделяется около 10 % бюджетных расходов, тогда как на социальные цели – вдвое-втрое больше⁶².

В странах ОЭСР сложилась двоякая, смешанная система управления и функционирования социальной сферы, где перераспределительный и накопительный принципы сочетаются в разной пропорции. В Евросоюзе основную роль играет перераспределение средств налогоплательщиков через соответствующие публичные – государственные, региональные, муниципальные – структуры. В то же время в США и других англосаксонских странах преобладает частный сектор – страховые, пенсионные фонды, специализированные банки, которые финансируют соцзащиту (медицинское обслуживание, пенсии) за счет работодателей и лиц наемного труда на основе действующего законодательства и трудовых договоров.

Тем не менее удельный вес расходов на медицину и образование – от начального до высшего, независимо от формы собственности, в обоих случаях достигает сопоставимых значений – 5–8 и 6–8 % ВВП соответственно, при том что суммарная доля социальных расходов в госбюджете колеблется от четверти до трети.

В развивающихся странах она пока заметно ниже – даже в тех, которые успешно вступили на путь форсированной модернизации (Китай, Индия, Бразилия, Турция, Мексика, Индонезия). Так, небывало стремительная индустриализация и урбанизация Китая с конца 1980-х гг. во многом обязаны дешевому труду 230 млн внутренних мигрантов, ушедших в города из деревни, но до недавнего времени почти лишенных основных социальных гарантий. То же

⁶² Косенко О. И. Основы социального государства. М.: Изд. дом «АТИСО», 2011.

касается и Индии, где официальное упразднение кастовой системы не ликвидировало фактическую дискриминацию в отношении сотен миллионов выходцев из низших каст.

Хуже всего социальная сфера выглядит в самых бедных государствах Тропической Африки, Центральной и Южной Америки, Южной Азии. В то же время в ряде богатых стран-экспортеров сырья, прежде всего «нефтяных монархиях» Персидского залива, правящая элита стремится избежать социальных потрясений типа «Арабской весны» с помощью патерналистской политики в пользу коренного населения, перекладывая бремя тяжелых низкооплачиваемых работ на иммигрантов из соседних стран.

Рейтинг эффективности систем здравоохранения в 2014 г. среди 51 страны, составленный аналитиками агентства Bloomberg на основании данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ООН и Всемирного банка, включает три критерия: среднюю продолжительность жизни (шансы на дожитие при рождении), долю государственных затрат на здравоохранение в ВВП и стоимость медицинских услуг на душу населения⁶³. Согласно этой оценке, первое место занял Сингапур (82,1 года, 4,5 %, 2426 долл. США), за ним следовали Гонконг, Италия, Япония, Южная Корея, Австралия, Израиль и Франция. Замыкали список с конца Россия (70,5 лет, 6,3 %, 887 долл.), Бразилия, Азербайджан, Алжир, Колумбия, Иран, Болгария и США⁶⁴.

Хотя эти оценки не учитывают ряд важных показателей эффективности систем здравоохранения (число врачей на 1000 жителей, уровень медицинской инфраструктуры и т. д.), они дают реальное представление об успехах и нерешенных проблемах в этой ключевой для гуманитарного прогресса сфере.

Не менее противоречивая картина складывается в другой чрезвычайно важной области – образовании. Его впечатляющие успехи за последние четверть века связаны с тремя основными факторами: научно-технической революцией на основе информатики, резко повысившей требования к уровню знаний и облегчившей доступ к ним, глобализацией мировой экономики и модернизационному прорыву ряда развивающихся стран, особенно в АТР.

Обобщающим показателем состояния дел в системах образования служит составленный экспертами Программы развития ООН (ПРООН) индекс, который включает уровень грамотности и долю учащихся в школах трех ступеней – начальной, средней и высшей⁶⁵. Если принять высший уровень за 1000, то наибольших успехов из 193 государств – членов ООН по среднему (в промилле) образовательному уровню населения добились Австралия (0,97), за которой следуют Новая Зеландия, Норвегия, Нидерланды (0,980). Самые нижние строчки занимают Гвинея (0,294), Чад, Буркина-Фасо, Эритрея и Нигер (0,198).

Результаты остальных государств, находящихся между этими полюсами, не лишены сюрпризов: например, из 193 государств – членов ООН Беларусь (0,820 – 21-е место) опережает Францию (0,816 – 22-е место), Литву (0,877 – 8-е место) и Японию (0,808 – 26-е место). Из постиндустриальных государств «семерки» впереди идут США (0,890 – 5-е место), за ними следуют Германия (0,886 – 7-е место) и Великобритания (0,860 – 13-е место). Среди держав БРИКС лидирует Россия (0,774 – 36-е место), опережающая Китай (0,610 – 107-е место) и Индию (0,473 – 145-е место)⁶⁶.

Из трех ступеней образования динамичнее всего развивается высшее. Согласно оценкам ЮНЕСКО, по доле граждан в возрасте 25–64 лет, получивших законченное высшее образование, с начала XXI в. лидируют США, Норвегия и Израиль (свыше 30 %). За ними идут Нидер-

⁶³ [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/091/22/6887> (Дата обращения 09.08.2017).

⁶⁴ По оценке президента Национальной медицинской палаты РФ Л. Рошаля, удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП России вдвое ниже, чем в среднем по ЕС. См.: Известия, 21.03.2015.

⁶⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (Дата обращения 09.08.2017).

⁶⁶ Ibidem.

ланды, Испания, Дания, Канада, Австрия, Южная Корея, Япония (22–28 %). На почти тот же уровень вышла Россия (21 %), опережающая Великобританию, Германию и Францию⁶⁷.

В странах среднего уровня экономического развития – Турция, Бразилия, Чили, Малайзия и некоторые европейские государства – члены ЕС (Италия, Португалия, Чехия, Словакия) – этот показатель снижается до 10–14 %, а в Индонезии или Тунисе падает до 2–3 %.

В то же время по численности студентов наиболее высокие показатели имеют США (13,2 млн), Россия (6,9 млн) и Япония (3 млн) – при том что у двух последних численность населения вдвое меньше.

В целом 12 стран-лидеров по охвату граждан высшим образованием превышают средний показатель для всего мира более чем вдвое, а три лидера – Польша, Россия и США – перекрывают его вдвое-втрое. Одной из важнейших тенденций эволюции современной высшей школы стал широкомасштабный международный обмен студентами, которые проходят за время учебы курсы или стажировку в нескольких странах. Так, в 2014 г. в США учились 275 тыс. китайских студентов – четверть всех иностранных.

На фоне впечатляющих успехов высшего образования шокирует статистика неграмотности, уровень которой в мире является одним из основных препятствий на пути экономического, политического, культурного и гуманитарного прогресса в целом.

Самое большое абсолютное число неграмотных сохраняется в Индии, превысив в 2014 г. 287 млн человек – 37 % их общего числа в мире. Мрачно выглядит ситуация еще в 21 стране, в том числе Пакистане, Марокко, Мавритании, большинстве африканских стран южнее Сахары, где менее половины детей получают начальное образование⁶⁸.

Таким образом, гуманитарный прогресс в мировой социальной сфере остается крайне неравномерным, сохраняя и зачастую углубляя неравенство между регионами, странами и внутри каждой из них.

Между тем экономические предпосылки для его преодоления ограничены. После Великой рецессии темпы роста ВВП промышленно развитых стран остаются ниже, чем в докризисный период, и в среднесрочной перспективе их ускорение не предвидится. Этот прогноз аналитиков МВФ и ООН исходит прежде всего из учета растущего бремени долгов (суверенных, корпоративных, семейных), ограничивающих потребительский спрос и инвестиции в странах ОЭСР.

В то же время «всплывающие рынки» стран бывшего «третьего мира», которые в последнее десятилетие были главным мотором роста мировой экономики, исчерпывают прежнюю модель догоняющего развития, основанную на дешевой рабочей силе, импорте капиталов, передовых технологий и экспорте товаров массового спроса. Об этом свидетельствуют биржевые кризисы, неустойчивость валютных курсов, рост долгов («ловушка среднего дохода»). Переход же к новой парадигме тормозится падением цен на их экспортные товары, особенно сырьевые.

Сохранению и совершенствованию систем социальной защиты в развитых постиндустриальных странах препятствуют и демографические факторы – снижение рождаемости и увеличение средней продолжительности жизни. Результатом оказывается неуклонный рост доли иждивенцев, особенно старших поколений, и, соответственно, нагрузки на активное население. Эти же тенденции дают о себе знать в России и Китае.

В результате борьба вокруг поисков оптимального баланса между экономическим и социальными аспектами гуманитарного прогресса, которые оказываются трудно совместимыми, выдвинулась ныне в центр общественно-политической жизни.

⁶⁷ [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit02.php> (Дата обращения 09.08.2017).

⁶⁸ [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20140130/992149652.html> (Дата обращения 09.08.2017).

Результатом таких противоречий оказываются массовые движения популистского характера, выступающие под флагом национализма или социальной демагогии, неуправляемые миграционные потоки, чреватые дестабилизацией политических систем с непредсказуемыми последствиями. Осознание такой опасности побуждает правящие круги самых разных государств к поискам новых моделей развития, которые сочетали бы императивы экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости на основе инновационных прорывов.

Правовые гарантии

Если развитие экономики, науки и техники служит материальной базой гуманитарного прогресса, а развитие социальной сферы – условием справедливого распределения его плодов, то гарантией сохранения достигнутого и необходимым условием его движения к новым рубежам является защита прав человека.

Основополагающим документом в этом плане выступает Устав ООН, который закрепил на международно-правовом уровне политические, духовно-нравственные и ценностные итоги победы держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, торжество идеалов свободы, равенства, братства народов над человеконенавистнической идеологией и варварской практикой германского нацизма, итальянского фашизма, японского милитаризма.

Пreamбула Устава гласит: «Мы, народы Объединенных наций, исполнены решимости <...> вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций»⁶⁹. Эта установка получила развернутое продолжение во Всеобщей декларации прав человека, принятой на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Париже 10 декабря 1948 г.⁷⁰ С 1950 г. эта дата стала международным праздником – Днем прав человека.

Авторы Всеобщей декларации исходили из того, что права и свободы являются естественными – они присущи любому человеку от рождения, отражая достоинство его личности независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, взглядов, национальности, социального происхождения, имущества, места рождения.

Поскольку декларация носила лишь рекомендательный характер, она получила продолжение в виде двух международных пактов – о гражданских и политических и об экономических, социальных и культурных правах, вступивших в силу в 1976 г. и имеющих договорный характер, составляя вместе с двумя факультативными протоколами единый Международный билль о правах человека⁷¹.

Политический пакт обязывает все подписавшие и ратифицировавшие его государства уважать следующие права и свободы:

- право на жизнь;
- запрет применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 7);
- запрет содержания в рабстве и подневольном состоянии (ст. 8);
- запрет принудительного труда (ст. 8, п. 3);
- право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9 и 11);
- право на свободное передвижение и выбор местожительства (ст. 12);
- защита иностранцев перед высылкой (ст. 13);
- право на свободное и публичное разбирательство дела в суде (ст. 14);

⁶⁹ Организация Объединенных наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности. М., 1956. С. 33.

⁷⁰ Резолюция 217F (III). [Электронный ресурс]. URL: http://www.terralegis.org/terra/lek/spr9_1.html.

⁷¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.tetralegis.org/lek/spr9_1.html (Дата обращения 09.08.2017).

– запрет признания виновным в совершении какого-либо уголовного преступления, которое согласно действующему в момент его совершения законодательству не являлось им (ст. 15);

- право на признание правосубъектности (ст. 16);
- право на невмешательство в личную жизнь (ст. 17);
- свобода мысли, совести и религии (ст. 18);
- право на свободное выражение своего мнения (ст. 19 и 20);
- право на собрания и свободу ассоциации (ст. 21 и 23);
- право на вступление в брак и право основать семью (ст. 23);
- право ребенка на такие средства защиты, которые требуются в его положении малолетнего (ст. 24);
- публичные права, в том числе право доступа к государственной службе (ст. 25);
- запрет дискриминации (ст. 26);
- особые права этнических, религиозных и языковых меньшинств (ст. 27).

В свою очередь Экономический пакт накладывает на государства – участников обязательства предпринимать прогрессивно, по мере создания соответствующих материальных условий, шаги по обеспечению:

- права на труд (ст. 6);
- права на создание и вступление в профсоюзы (ст. 8);
- права на социальное обеспечение (ст. 9);
- права на охрану семьи (ст. 10);
- права на достаточный жизненный уровень (ст. 11);
- права на охрану здоровья (ст. 12);
- права на образование (ст. 13);
- права на участие в культурной жизни и права на пользование результатами научного прогресса и защиту интересов, вытекающих из творческой авторской деятельности (ст. 15).

Многие из этих положений конкретизированы специальными конвенциями по устранению всяких форм расовой дискриминации (1965 г.), по устранению всяких форм дискриминации женщин (1979 г.), по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказаний (1984 г.), о правах ребенка (1989 г.), о правах инвалидов (2008 г.), о защите всех лиц от насильственных исчезновений (2010 г.).

Контроль за их использованием и рассмотрение жалоб на нарушения со стороны государств или отдельных лиц возложены на 10 соответствующих комитетов ООН, деятельность которых координируется Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) и Советом из 47 членов, формируемым по принципу представительства регионов мира⁷². Совет периодически публикует универсальные обзоры о положении дел с соблюдением прав человека в каждой стране – члене ООН, а также инициирует специальные процедуры – доклады экспертов и рабочих групп по конкретным проблемам на определенной территории.

Наряду с универсальными документами, кодифицирующими права человека, и органами, которые осуществляют контроль за их соблюдением в рамках ООН, важное значение имеют региональные правовые акты по данной проблематике. В их числе фигурируют Хельсинкский Заключительный акт 1975 г. – основа деятельности ОБСЕ, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейская социальная хартия в рамках Совета Европы (первая вступила в силу в 1953 г., вторая – в 1965 г.)⁷³, жалобы на нарушение которых подлежат юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

⁷² Совет, созданный решением Генеральной Ассамблеи ООН от 15 марта 2006 г., сменил прежнюю Комиссию по правам человека, деятельность которой за 60 лет была признана неудовлетворительной. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://terralegis.org/tek/spr9_1.html (Дата обращения 09.08.2017).

⁷³ С тем, чтобы согласовать всеобщие принципы и их интерпретацию в мусульманских странах, где действуют законы

Несколько позже аналогичные документы и структуры появились и в других регионах: Американская конвенция прав человека (Пакт Сан-Хосе, в силе с 1978 г.) с Межамериканскими Комиссией и Судом, Африканская хартия прав человека (с 1986 г.), Арабская хартия прав человека (с 2008 г.), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (с 1998 г.), Декларация АСЕАН о правах человека (2012 г.).

Межгосударственные инструменты и механизмы защиты прав человека дополняются деятельностью правозащитных организаций гражданского общества – как национальных, так и международных (Врачи без границ, Международная амнистия и т. д.). Во многих странах непростая задача координации деятельности государственных структур и НПО в области прав человека возложена на консультативные форумы и посредников – уполномоченных по правам человека (омбудсменов)⁷⁴.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная 12 февраля 2013 г. (с коррективами, внесенными два года спустя), формулирует в качестве одной из важных задач необходимость «добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей каждого государства, осуществлять мониторинг ситуации с соблюдением прав человека в мире...»⁷⁵.

Наряду с защитой основных свобод и прав человека важной частью международного гуманитарного права являются принципы и правила, регулирующие средства и методы ведения войны, а также защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных. Их основой служат Женевские конвенции по защите жертв войны 1949 г. и два дополнительных протокола 1977 г., заключенных под эгидой Международного комитета Красного Креста⁷⁶.

Ведущую роль в развитии международного гуманитарного права, как и практических действий по соблюдению прав человека в ходе вооруженных конфликтов, играет ООН. Сессии ее Генеральной Ассамблеи способствовали разработке и подписанию четырех Женевских конвенций: по предупреждению и наказанию преступлений геноцида (1948 г.); о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.); о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (с протоколами III, 1980 г.); а также Принципов международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества (1973 г.).

16 декабря 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и гуманитарного права⁷⁷.

Нормы последнего получили практическое применение при создании Международного уголовного суда в Гааге, Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, а также трибуналов в Тиморе-Лешти, Сьерра-Леоне и Камбодже. Они рассмотрели дела лиц, ответственных за военные преступления и преступления против человечества, в том числе геноцид, жертвами которого стали миллионы людей.

Сложнее обстоит дело с понятием «международного гуманитарного вмешательства» в кризисные ситуации.

шариата, организация Исламская конференция приняла в 1990 г. Каирскую декларацию о правах человека в исламе.

⁷⁴ В России эту функцию выполняет Совет по делам гражданского общества и правам человека при Президенте.

⁷⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.). С. 22.

⁷⁶ См. веб-сайт: UN.org © Объединенные нации.

⁷⁷ A/RES/60/147. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://gnclicei.brest.by> (Дата обращения 09.08.2017).

В тех случаях, когда оно осуществляется для оказания гуманитарной помощи жертвам природных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций того же порядка, такое вмешательство является безусловно легитимным актом милосердия и международной солидарности. На это прямо указывает резолюция 43/131 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1988 г.

Международный суд ООН определил это понятие как «предоставление продовольствия, одежды, лекарств и другой гуманитарной помощи, но не включающей предоставления оружия, систем вооружения, боеприпасов и другого оборудования, автотранспортных средств и материалов, которые могут быть использованы для причинения тяжелых телесных повреждений или явиться причиной смерти». Для доставки помощи должны быть обеспечены доступ по гуманитарным коридорам, используемым также для эвакуации раненых, больных, беженцев.

В то же время вмешательство, особенно вооруженное, в кризисные ситуации в связи с гуманитарными катастрофами, вызванными массовыми нарушениями прав человека, угрозой жизни и имуществу этнических, религиозных меньшинств на территории суверенных государств, требует согласия легитимного правительства соответствующего государства и/или решения СБ ООН.

В связи с этим Концепция внешней политики РФ считает недопустимым, чтобы «под предлогом реализации концепции “ответственности по защите” осуществлялись военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, подрывающие устои международного права, основанные на принципе суверенного равенства государств»⁷⁸.

Потребности гуманитарной помощи неуклонно растут. На фоне потепления климата планеты увеличивается число и масштаб природных бедствий (наводнения, засухи, цунами, лесные пожары). Глобализация мировой экономики, демографические контрасты, вооруженные конфликты вызывают все более мощные миграционные потоки: численность трудовых мигрантов достигла 320 млн, беженцев – 60 млн. Результатом оказываются все более частые и тяжелые гуманитарные катастрофы с сотнями тысяч жертв.

В таких условиях объем средств, выделяемых на международные операции по оказанию гуманитарной помощи, явно не отвечает потребностям, а их организационные формы и методы вызывают критику. «Гуманитарная деятельность с трудом справляется с новыми реалиями, пропасть между нуждами затронутых кризисами людей и получаемой ими помощью становится все глубже», – отмечает бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Миллибэнд, возглавляющий ныне Международный комитет помощи⁷⁹.

По его оценке, в 2013 г. нехватка выделенных на гуманитарную помощь средств составила 4,5 млрд долларов – более трети от заявленных потребностей. Это во многом связано с недостаточно эффективным взаимодействием международных и национальных, государственных и частных структур, что приводит к распылению, нецелевому использованию, а то и разбазариванию выделенных средств.

С целью преодоления этих недостатков в 1992 г. неэффективная Организация помощи при катастрофах ООН была преобразована в Департамент по гуманитарным делам, а в 1998 г. – в Управление по координации и Постоянный межведомственный комитет по гуманитарной помощи, задачей которых является согласование действий национально-государственных структур соответствующего профиля в конкретных кризисных ситуациях.

Со своей стороны международные НКО разработали стандартный кодекс поведения миссий добровольцев при оказании помощи жертвам гуманитарных катастроф, нормы удовлетворения их первоочередных нужд в продовольствии, лекарствах, медицинских услугах и их материальнофинансового покрытия.

⁷⁸ Концепция... С. 9.

⁷⁹ Foreign Affairs. Vol. 94. 2015. № 4. P. 118.

Все эти меры объединены в 2011 г. общей программой («повесткой дня») ООН. Ее цель заключается в составлении заявок и их оперативном удовлетворении Центральным фондом помощи в чрезвычайных ситуациях, распределяемой координаторами ООН с учетом местных условий.

По инициативе Генерального секретаря ООН 23–25 мая 2016 г. в Стамбуле состоялся Всемирный форум по проблемам гуманитарной помощи, в котором приняли участие более 80 государств и 250 НПО. В ходе его работы отмечалось, что общий объем помощи в 2014 г. составил 22 млрд долл., в том числе 60 млрд по линии ООН, 20 – НПО, 10 – Красного Креста и 10 в рамках двусторонних государственных программ. Тем не менее этого оказалось явно недостаточно. Большие претензии предъявлялись к распределению этих средств между получателями по обеспечению безопасности персонала, оказывающего помощь.

Очевидно, что между декларациями и их претворением в жизнь существует разрыв, преодоление которого требует неустанных усилий. Об этом свидетельствуют такие трагические события, как геноциды в Камбодже и Руанде, массовые нарушения прав человека в ходе вооруженных конфликтов в Корее, Вьетнаме, Афганистане, на Ближнем Востоке, в бывшей Югославии и т. д. Их предотвращение в будущем требует постоянных усилий международного сообщества.

Конкретным примером усилий в области обеспечения прав человека может служить борьба за равноправие женщин. Этой важнейшей проблеме были посвящены несколько всемирных конференций ООН – от Найроби (1985 г.) до Пекина (1995 г.). На последней состоялось подписание 189 странами Декларации и Платформы действий, призванных «содействовать расширению возможностей и улучшению положения женщин, включая право на свободу мысли, совести, религии и убеждений, содействуя таким образом удовлетворению моральных, этических, духовных и интеллектуальных потребностей женщин и мужчин, индивидуально и совместно с другими, и посредством этого гарантируя им возможность полной реализации своего потенциала в обществе при формировании своей жизни в соответствии с собственными чаяниями»⁸⁰.

В Пекинской декларации особо подчеркивалась необходимость расширения возможностей женщин и их всестороннего участия на основе равенства во всех сферах жизни общества, включая принятие решений и доступ к власти.

За прошедшие с тех пор два десятилетия определенный прогресс в этом отношении бесспорно достигнут: в 65 странах проведены 94 реформы, улучшающие положение дел с гендерным равенством, в 127 – приняты законы, запрещающие насилие в семье.

Тем не менее в опубликованном в 2015 г. докладе Всемирного банка отмечалось, что в 155 странах все еще имеется хотя бы один закон, ограничивающий права женщин. В 19 странах им предписано беспрекословное подчинение мужу, в 32 – они должны просить разрешения у супруга на получение паспорта, в 18 – чтобы выйти на работу, в 22 – женщины не могут выбирать гражданство своих детей. Это относится прежде всего к мусульманским странам, где в той или иной мере действуют религиозные предписания шариата – Кувейту, Мавритании, Камеруну, Ирану, Иордании, ОАЭ, Йемену.

27 сентября 2015 г. представители более 80 государств приняли в Нью-Йорке обязательства о конкретных и применимых действиях, которые должны привести к ликвидации к 2030 г. дискриминации в отношении женщин в своих странах. Эти обязательства включены в качестве особого раздела Повестки дня ООН до 2030 г. и ее целей устойчивого развития. Речь идет, в частности, об увеличении инвестиций в гендерное равенство, о достижении паритета женщин на всех уровнях принятия решений, устранении дискриминационных положений в

⁸⁰ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/dec_conv/declarations/womdecl.shtml (Дата обращения 09.08.2017).

законодательстве, решении проблем социальных норм, которые приводят к дискриминации и насилию в отношении женщин. «Нам еще предстоит долгий путь к достижению гендерного равенства», – сказал на открытии встречи в Нью-Йорке президент КНР Си Цзиньпин⁸¹.

Аналогичные конференции, на которых подводились итоги достигнутого, анализировались нерешенные проблемы и намечались пути их решения, проходили в Нью-Йорке по правам ребенка (1990 г.), в Вене по правам человека (1993 г.), в Рио-де-Жанейро и Париже (1992 и 2015 гг.), по народонаселению и развитию в Каире (1994 г.), по социальному развитию в Копенгагене (1998 г.) и т. д.

* * *

В 2000–2015 гг. благосостояние человечества увеличилось вдвое – с 117 трлн до 250 трлн долл. США. Потребление в развивающихся странах росло опережающими темпами порядка 5 % в год, по сравнению с 2 % в развитых. Однако его распределение остается крайне неравномерным – на 71 % населения Земли приходится 3 % совокупного благосостояния, а самые богатые 0,7 % владеют 45,2 %⁸².

Развитие социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры, соцзащиты – смягчает это неравенство лишь частично, причем глобализация мировой экономики способствует выравниванию этих систем скорее по низшему, чем по высшему уровню.

Столь же асимметрично, противоречиво выглядит баланс в области прав человека, где бесспорные достижения не компенсируют серьезные откаты вспять.

Тем не менее можно констатировать, что гуманитарный прогресс сохраняет в целом позитивный тренд, который, как следует надеяться, продолжится в обозримом будущем.

⁸¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://unic.uz/tag/пекинская-декларация-и-платформа-дей/?lang=ru> (Дата обращения 09.08.2017).

⁸² Cr dit Suisse: Global Wealth Report 2015. Gen ve. 2015.

Глава 5. Религии в современном мире: европейская демократия на пороге религиозной трансформации

Изменения религиозной ситуации в Европе происходят в рамках большого процесса трансформации религии и ее роли в обществе во всем мире. По существу, продолжается эволюция религиозных традиций, начавшаяся в XIX в., с последующим их упадком в послевоенное время. Именно тогда глобализация, развитие информационного общества, науки и потребительской культуры, казалось, отодвинули религию и потребность людей во что-либо верить на второй план – перевели ее из публичной сферы в частную. В ходе секуляризации общественно-политической сферы приватизация религии, то есть ее ограничение личной жизнью человека, стала восприниматься как норма для процветающего потребительского общества⁸³.

Однако уже 1990–2000-е гг. показали, что религиозные институты не отмирают, а развиваются как в мировоззренческом, так и в социальном и политическом смысле. Религиозная тематика популярна в СМИ и в обществе в целом, так как помогает обсуждению темы противодействия экстремизму, разрешения социальных нужд граждан, миграционного кризиса. Ренессанс религии происходит в обществах, формально считающих себя светскими и исповедующих секулярные ценности. Но религия не меняет светского характера европейских государств и, критикуя либеральные ценности, не становится противником демократии и символом противодействия прогрессу.

В противовес множеству стереотипов, которые были связаны с образом религии и исторических европейских церквей (в первую очередь это Католическая церковь, национальные православные и протестантские церкви) со времен эпохи Просвещения, религия выжила и стала частью институционального механизма европейской демократии, изменив ее секулярный характер изнутри. На современном этапе к католицизму, православию, англиканству и историческим течениям протестантизма (лютеранство, реформатство, баптизм, методизм) добавились различные направления евангельского протестантизма (пятидесятничество, адвентизм, новые евангельские движения, возникшие на базе баптизма и методизма). Эти течения существовали в Европе с середины XIX в., но под влиянием бурно развивавшегося в XX в. и миссионерски активного американского евангелизма, а затем и африканского и латиноамериканского, они стали значимым явлением в религиозной жизни европейских государств, включая Россию. В значительной степени приспособление церквей к новым условиям существования в обществе было неизбежным, так как только гражданская активность и в целом внедрение в демократическую систему позволяли церквям выйти из культурного гетто и из сферы, ограниченной личными чувствами верующих. Религиозные институты предложили свой вариант разрешения социально-экономических проблем общества, представив свой образ «демократической религии».

Секулярные тенденции помогли демократизации религиозных институтов. Это равнодушие к вере (к организованной религиозной жизни в рамках общины), стремление вытеснить религию из общественной сферы, закрепив это вытеснение на уровне законодательства и этических норм политкорректности, исчезновение монополии исторических религий на массовое сознание, формирование и активное продвижение различных конфессиональных проектов глобализации за пределами их исторических территорий (католицизма, протестантизма, ислама, буддизма, индуизма), смещение вектора роста религиозности в Южное полушарие. При этом все очевиднее становится рост глобального фундаментализма: сплоченных радикальных движений.

⁸³ Инглхарт Р. Ф., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

Однако именно отделение от государственной власти, признание верховенства прав человека и повсеместное укоренение религиозного многообразия в разных странах мира помогли церквям быть динамичными и стать частью гражданского общества, а не остаться частью культуры прошлых столетий. В XX в. христианским церквям пришлось пройти через внутренние кризисы и принудительную секуляризацию, репрессии, как, например, в Советском Союзе. Ситуация в Европе долгое время оценивалась лишь с точки зрения упадка, снижения числа прихожан и влияния церквей (конечно, речь шла, прежде всего, о христианстве). Однако в действительности европейское христианство сохранило значительную часть своих позиций. Традиционная развитость низовых общественных институтов в Европе, укорененность религиозных мотивов и ценностей в культуре и в быту позволили им найти свой путь десекуляризации – создание околоцерковных институтов и новое социальное возрождение внутри самих церквей.

Признание демократических ценностей в качестве оптимальных и наиболее близких по духу христианству стало общим местом в мировоззрении абсолютного большинства европейских церквей. В 1960–1970-е гг. пересмотрела свое место во всем комплексе религиозных институций и идеологию корпоративизма Католическая церковь. Лютеранские церкви Севера Европы и Англиканская церковь в Великобритании оказались под влиянием либерального богословия. Православные церкви Восточной и Южной Европы, пройдя непростой для них советский период атеизации, не только сохранили, но и упрочили свое влияние и признают нормы демократии. В том же направлении движется и Русская православная церковь, несмотря на антидемократическую позицию ее руководства. В данной главе будут рассмотрены ключевые характеристики тех вариантов «религиозной демократии», которые предлагают различные церкви и религиозные движения. Это позволит увидеть факторы, определяющие настоящее и ближайшее будущее религии в Европе, степень влияния церквей на секулярное общество и демократизации самих церковных институтов.

Церкви и общество: присутствие религии и ее институтов

Многоукладность Европы, многообразие форм общественной жизни сыграли важную роль в процессе секуляризации, а затем и десекуляризации. Антиклерикальный лаицизм, свойственный Франции, соседствует на европейском пространстве с внутрицерковными разногласиями между епископами-консерваторами и «прогрессистами» в Италии и с доминированием православного корпоративизма в России. В определенном смысле религия была секуляризована, а секулярная демократия христианизирована, а также проходит период исламизации. Плюрализм и «новые знания», которые ранее вели к секуляризации, провоцируют и поддерживают религиозное многообразие. Это стало общей идеей целого ряда социологов (Д. Мартин, Х. Казанова, П. Бергер и др.), которые отмечают, что плюрализм ведет к расцвету, а не упадку религиозности в целом.

В социологии религии возникали различные теории, объясняющие феномен «евросекулярности», «евроисключительности». Дело в том, что в 1990-е гг. стало очевидным, что религиозный бум в Латинской Америке, Африке или Азии и сохраняющийся высокий уровень религиозности в США контрастируют с «безрелигиозной» или даже агрессивно секуляристской Европой. В деле обращения к институтам веры мир шел вперед, а европейцы отставали (а с точки зрения светскости и толерантности продолжали вырываться вперед). В 2000-е и 2010-е гг. ситуация в Европе стала меняться быстрее, чем раньше, – это объяснялось тем, что под воздействием вызовов глобализации, нового информационного сознания и исламизации стали трансформироваться исторические церковные институты. Но если раньше церкви шли по пути либерализации, то теперь наступило время их консервативной модернизации.

К этому времени сложились две основные школы, объясняющие «евросекулярность». Первая, известная как «новая парадигма» (С. Уорнер, Р. Старк, С. Бэйнбридж, Р. Финке,

Л. Яннаконе), предложила теорию рационального выбора. По мнению последователей этой школы, религия всегда была и остается частью общества. Основным фактором успешного развития религиозности выступают условия религиозной конкуренции. Изначально условия такого рода складывались только в одной стране – в США, где церкви образовывались в форме добровольных объединений. Это и обусловило американоцентричность взглядов сторонников этой школы. Особенно очевидно она проявилась в процессе переосмысления сути секуляризации, предпринятого Р. Старком и Л. Яннаконе. По их мнению, Европа никогда не была особенно религиозной, а средневековая набожность (или «золотой век веры») – это миф. Следовательно, никакого упадка религиозности в современной Европе не происходит. Можно ли говорить о «дехристианизации» Европы, если христианской Европы никогда не существовало? Так называемая христианская набожность была характерна в основном для аристократов, а уровень религиозного участия крестьянских масс был очень низким⁸⁴ (этот вывод можно применить и по отношению к России).

Вторая, более распространенная школа – «старой парадигмы» секуляризации (Т. Парсонс, С. Брюс, Р. Белл, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, Б. Вильсон, Д. Мартин, Р. Фенн и др.). Она исходит из того, что религия в современном мире переживает упадок на разных уровнях: индивидуальном, организационном и институциональном. Ее авторитет и значение в обществе падают, что во многом определяется модернизацией, урбанизацией и дифференциацией как в обществе, так и в религиозной сфере, ростом образовательного индекса, плюрализацией и рядом других факторов. По словам Питера Бергера, секуляризация – это «процесс, посредством которого различные сектора общества и культуры освобождаются от влияния религиозных институтов и символов»⁸⁵. Как отмечает Бергер, секуляризация явилась следствием не модернизации и современности, а плюрализации и некоторых других социально-политических и культурных факторов, специфических для каждой страны. Однако уже в 1990-е гг. тот же Бергер, отражая свои позиции как социолога-христианина, писал о десекуляризации⁸⁶.

Социологи Д. Эрвье-Лежер и Г. Дэви характеризуют понятие «европейской исключительности», используя такие категории, как «вера без церковной принадлежности» и «заместительная религия», при которой люди передоверяют церквям функции идентичности, переходя от религии обязательства к религии потребления. Проблема для европейской идентичности и исторических церквей состоит в том, что Европа перестала быть главным средоточием мирового христианства – если в 1960 г. доля Европы в общей численности христиан в мире составляла 46 %, то к 2010 г. ее доля упала более чем вдвое, составив 22 %⁸⁷. Тем не менее около половины жителей Европы считают себя христианами, а это очень весомый показатель.

Одним из последних исследований, позволяющих сравнить католические и православные страны Европы, стал опрос американского центра Пью (Pew Research Center)⁸⁸. В странах Центральной и Восточной Европы, включая и Россию, православные регионы оказались больше в идеологическом смысле связаны с религией (гордость за свою страну и национальная самоидентификация связаны с религией), тогда как католические продемонстрировали более

⁸⁴ Руткевич Е. Д. «Религиозная исключительность» Италии: социологический ракурс // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 3. С. 50–63; Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe // Journal for the Scientific Study of Religion. 1994.

⁸⁵ Berger P. The Sacred Canopy: Elements of Sociological Theory of Religion. Garden City, N.Y., 1967.

⁸⁶ The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics. 1999 / Ed. by Berger P. Wash.: D.C., Ethics and Public Policy Center; Berger P., Davie G., Focas E. Religious America, Secular Europe? USA: Ashgate Publishing Company, 2008.

⁸⁷ World Christian Database. 2010.

⁸⁸ Опрос Исследовательского центра Пью проводился с июня 2015 г. по июль 2016 г. в 18 странах на 17 языках. В очных интервью приняли участие более 25 тыс. человек 18 лет и старше в Армении, Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Греции, Грузии, Латвии, Литве, Молдове, Польше, России, Румынии, Сербии, Украине, Хорватии, Чешской Республике и Эстонии. См.: Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. National and religious identities converge in a region once dominated by atheist regimes. Pew Research Center, May 10, 2017, Release.

высокий уровень практической религиозности. Католические страны в большей степени выступают за независимость церкви от государства, меньше, чем православные, хотели бы, чтобы моральные ценности сверху поддерживала бы власть.

По данным Pew Research Center, около 57 % населения Центральной и Восточной Европы причисляют себя к православным христианам. К ним относятся жители десяти стран с православным большинством, в том числе России, Украины, Греции, Беларуси, Болгарии, Сербии, Грузии, Армении и Молдовы. Помимо этого, православные христиане образуют значительные религиозные меньшинства в Боснии (35 %), Латвии (31 %) и Эстонии (25 %). Доля католиков среди населения региона составляет около 18 %. В Польше, Хорватии, Литве и Венгрии они образуют религиозное большинство. Увеличение доли православных христиан и уменьшение доли католиков в итогах исследования связаны, прежде всего, с сохраняющейся большой ролью национальных религий на постсоветском пространстве после распада СССР. К примеру, доля россиян, причисляющих себя к православным христианам, существенно увеличилась: согласно результатам нового опроса, она составляет 71 % против 37 % в 1991 г. Такая же динамика отмечается на Украине и в Болгарии. Обратная тенденция в Польше, Венгрии и Чешской Республике, где доля населения, причисляющего себя к католицизму, в разной мере, но сократилась по сравнению с 1991 г., но все равно составляет больше половины населения (в Польше, Хорватии, Литве – более 70 %).

По сравнению с католиками, православные менее строго соблюдают религиозные предписания (в среднем 25 % католиков еженедельно ходят в церковь, среди православных таких 10 %), больше надеются на помощь государства и больше говорят о национальной гордости, испытывают ностальгию по СССР. Меньше различий между православными и католиками в количестве тех, кто молится каждый день: в России – 17 %, на Украине – 29 %, в Польше – 27 % и т. д., но в целом все страны показывают меньше половины (максимум у Молдовы – 48 %), тогда как, к примеру, в США 55 % взрослого населения отмечают в опросах, что молятся ежедневно. В Центральной и Восточной Европе невысокий уровень поддержки демократии как наилучшего способа правления, взаимного доверия, гражданского участия в волонтерстве или благотворительности. Но эти параметры могут и не быть напрямую связаны с религиозностью (в России, к примеру, эти показатели выше, чем в Греции), а скорее с особенностями развития постсоветских политических систем (меньше всего из стран, участвовавших в исследовании, доверяют выборам на Украине, Латвии, России, Эстонии, но все равно не менее 40 % выборам доверяют). Что касается мусульман, то значительным меньшинством они являются в Грузии (9 %), Болгарии (15 %), России (10 %), а в Боснии составляют 52 %.

Как показал опрос, религиозные люди (признающие значение религии в жизни) больше участвуют в гражданских акциях, доверяют друг другу и признают значение демократических выборов для политического будущего страны. Это говорит о том, что верующие люди культивируют навыки гражданской активности в религиозной среде.

Католическое влияние

Крупнейшей христианской конфессией в Европе остается католицизм. Будучи сложной системой институтов, Католическая церковь теряла верующих в Европе и достигала успеха своей миссии за пределами Европейского континента. Изменение национального состава преобразовало формы христианской миссии и в Старом Свете. Исследователи выделяют, как правило, два исключительных случая сохранения религиозной практики в обществе и даже роста интереса к церкви – это Италия и Польша. Например, данные Европейского исследования ценностей по Италии свидетельствуют, что по многим параметрам значение религии увеличивается, общая церковная посещаемость выросла с 35 в 1981 г. до 40 % в 1999 г. Одновременно выросли показатели веры в Бога и в загробную жизнь – с 84 (1981 г.) до 88 % (1999 г.) и с

47 (1981 г.) до 61 % (1999 г.). Количество же тех, для кого «Бог не важен», уменьшилось с 10 до 6 %⁸⁹.

Статистический ежегодник Ватикана «Catholic Herald» приводит на 31 декабря 2012 г. такие данные. Процент католиков относительно населения в целом наиболее высок в Америке, где они составляют 63,2 % жителей континента, в Азии – 3,2 % (в цифрах это более 140 млн человек), в Европе – 39,9 % католиков. Общее количество священников Католической церкви (как монашествующих, так и епархиальных клириков) – 414 313. Немного увеличилось количество клириков в Африке, больше – в Азии, небольшое уменьшение отмечено в Европе и Океании. При этом в динамике численность католиков постепенно растет: к концу 2013 г. в мире насчитывалось 1,253 млрд крещеных католиков, то есть 17,7 % населения планеты, 415 348 священников, 5173 епископа, в основном за счет Америки и Азии.

Рост численности последователей Церкви во многом связан с новым образом Католической церкви. Движение к переосмыслению ею отношений с окружающим обществом началось со Второго Ватиканского собора и усилилось в годы понтификата Иоанна Павла II, который стал, по существу, первым медийно популярным папой. Участие Церкви в борьбе латиноамериканцев за свои права в рамках «теологии освобождения» и в преодолении наследия коммунизма в Польше сыграло ключевую роль в понимании гражданской позиции Церкви в целом. Наследие Второго Ватиканского собора было развито и ярко выражено в 2004 г. в «Компендиуме социального учения Католической церкви». В этом документе были утверждены ценность прав человека, в том числе и религиозной свободы, а также ценности демократии и гражданского активизма: «Участие в жизни сообщества – не только одно из сильнейших стремлений гражданина, призванного свободно и ответственно исполнять свою гражданскую функцию вместе с другими и для других, но и одна из опор всего демократического строя, а также одна из величайших гарантий стабильности демократии». Более того, Компендиум осудил страны с тоталитарным или диктаторским режимом, а также страны, где бюрократизация «лишает гражданина возможности активно участвовать в социальной и политической жизни»⁹⁰.

Бенедикт XVI продолжил линию консервативной евангелизации Европы. Большое значение в возрождении социальной активности католиков играет концепция «Новой евангелизации», о которой говорил еще в 1979 г. папа Иоанн Павел II. Папа Бенедикт XVI объявил деление мира на «страны христианской цивилизации» и «земли, подлежащие христианизации» упрощенным. В 2011 г. Синодом епископов *Lineamenta* были разработаны руководящие принципы «Новой евангелизации в передаче христианской веры», которые провозгласили необходимость диалога с неверующими и борьбы с крайней секуляризацией без «страха и замешательства»⁹¹.

Реализация новых форм миссии и, по сути, новой евангельской миссионерской и социальной политики началась при папе Франциске, который вдохнул новую жизнь в наследие Второго Ватиканского собора. В результате принципиально иная программа Церкви вызвала раздражение консерваторов, прежде всего за то, что подталкивает к применению новых форм приходского служения и социальных проектов. Либералы, в свою очередь, проявили недовольство тем, что Франциск так и не принял ни одного действительно либерального решения. Первая энциклика папы Франциска «*Evangelii Gaudium*» («О возвещении Евангелия в современном мире») от 2013 г. фактически была подготовлена еще папой Бенедиктом XVI.

⁸⁹ Руткевич Е. Д. «Религиозная исключительность» Италии... Ук. соч.; *Intovigne M.* Praise God and Pay Tax: Italian Religious Economy – An Assessment / The Institute of World Religions, Chinese Academy of Social sciences // Beijing (China). 2002. <http://www.cesnur.org/> (Дата обращения: 09.08.2017).

⁹⁰ Красиков А. А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим // Доклады ИЕ РАН. № 281. М.: Ин-т Европы РАН; Рус. сувенир, 2012.

⁹¹ Язькова В. Е. Католическая Церковь и общество: «модели Церкви» в современной Италии // Современная Европа. 2016. № 1. С. 129–138.

Значение этого документа в том, что он отразил не только новые веяния в Католической церкви, но и пожелания, общие для всех исторических церквей: стимулирование активности мирян, содействие большей открытости и мобильности местных общин, повышение социальной направленности служения, возрождение евангельского духа христианства. Содержание энциклики «*Evangelii Gaudium*» рассчитано на активных граждан, которые считают себя католиками, ходят в церковь, но еще никак не проявили себя в рамках церковной деятельности.

Представление о мире самого папы Франциска было также изложено в энциклике 2015 г., название которой по первым словам текста представляет собой цитату из песнопения Франциска Ассизского – основателя нищенствующего Ордена меньших братьев, одного из первых авторов стихов на итальянском языке, признанного католиками покровителем экологов. «*Laudato si', mi' Signore*» – «Прославлен будь, мой Господь», – пел святой Франциск Ассизский, повторяет его слова папа Франциск. В этом прекрасном песнопении он напомнил верующим, что наш общий дом – для нас и сестра, с которой мы разделяем существование, и чудесная мать, заключающая нас в свои объятия. Более пятидесяти лет назад, когда мир балансировал на грани ядерного кризиса, святой папа Иоанн XXIII написал энциклику, в которой не ограничился простым осуждением войны, а пожелал обратиться с предложением мира. Свое послание «*Pacem in terris*» («Мир на Земле») он адресовал всему католическому миру, но добавил: «...и всем людям доброй воли». «Сейчас, в условиях глобального разрушения окружающей среды, – пишет автор “*Laudato si'*”, – я хочу обратиться к каждому человеку, живущему на этой планете». Папа размышляет о причинах, приведших человечество к экологическому кризису, и приветствует усилия организаций гражданского общества, сохраняющих вопросы окружающей среды и другие актуальные проблемы в своей повестке дня.

Папа Франциск поддерживает мирские католические движения и международные околоцерковные организации. В их числе – ассоциация «Пастырская инициатива» и «Союз немецкой католической молодежи». Развитие социального учения после Второго Ватиканского собора, постепенное стирание границ между мирянами и духовенством, рост влияния общественных католических движений не остановили упадок приходов в Европе, но открыли новые возможности для общественной деятельности как духовенства и монашеских орденов, так и парацерковных объединений мирян.

Протестантское влияние

Многообразные направления в рамках протестантизма представляют собой большой разброс мировоззрений, богословских концепций и форм церковной организации. Их можно разделить на «старые» исторические протестантские церкви Европы и евангельские движения как европейского, так и американского происхождения, которые стали активно развиваться в XX в. Общим для всех направлений является социальная активность и стремление приспособиться к потребностям общества и отвечать на нужды людей. Протестантский индивидуализм и разная степень самостоятельности отдельных общин делает евангельское движение естественным проводником демократических ценностей.

Государственные церкви Европы (лютеранство, англиканство) представляют собой, как правило, либеральный вариант протестантизма, для которого характерны лояльность по отношению к власти и приспособление богословия и интерпретации Библии и миссионерства к обществу плюрализма и политкорректности. Церкви ведут большую работу по реализации социальных проектов, осуществляемых совместно с государственными структурами и при их поддержке. Отличительной чертой либеральных церквей стало их широкое участие в экуменическом движении (сотрудничество с общинами других евангельских течений) и приходская помощь иммигрантам, которая поставила многие общины в центр общественной жизни снова, после падения числа верующих в 1990–2000-х гг. Произошедшее в начале XXI в. отделение

целого ряда лютеранских церквей от государства (в Швеции – в 2000 г., в Норвегии – в 2012 г.) сделало их еще ближе к обществу и его нуждам⁹².

Численность практически всех либеральных церквей в Европе с конца 1980-х гг. уменьшалась. Государственный статус этих церквей сдерживал их социальную и миссионерскую активность, а либеральное богословие стирало грань с секулярным сознанием общества и не было привлекательным для значительной части прихожан. Кроме того, в Европе во второй половине XX в. снижалось количество верующих всех исторических церквей (католиков, протестантов), приверженность которым была связана с национально-культурной идентификацией. К примеру, в Великобритании почти наполовину уменьшилось число верующих в Англиканской церкви. Если в 1983 г. в Соединенном Королевстве свою принадлежность к Церкви декларировали 16,5 млн человек, то к 2015 г. осталось 8,6 млн человек⁹³.

Статистика членов лютеранских церквей в мире напоминает тенденции роста и падения верующих в Католической церкви. Важным фактором, который оказывает влияние на миссионерскую стратегию лютеран в Европе, на возникновение иммигрантских общин внутри национальных церквей, является активная миссия лютеран в Африке (так же как и англикан – Епископальной церкви в Африке). По данным Всемирной лютеранской федерации, к середине 2000-х гг. в мире насчитывалось почти 67 млн лютеран⁹⁴. Особняком стоят консервативные и более малочисленные реформатские и близкие им по кальвинистскому богословию пресвитерианские церкви. Значительное меньшинство реформаты представляют в Венгрии (самый высокий процент – 13 %⁹⁵, Швейцарии, Нидерландах, Беларуси, национальной Пресвитерианская церковь является в Шотландии).

Новые протестантские течения, появившиеся в XIX–XX вв. (евангельские христиане, пятидесятники, баптисты, адвентисты), стали ведущей религиозной силой в Латинской Америке, Африке и Азии с начала 1980-х гг., когда исламская миссия только набирала свои обороты. К 2000-м гг. евангельский протестантизм, хотя и потесненный исламом, являлся самой динамично растущей христианской силой во всем мире, в том числе и в Европе. Этот миссионерски активный тип протестантизма, который успешно создает большое разнообразие церквей, движений и деноминаций, является крайне консервативным течением. Его фундаменталистский консерватизм проявляется в признании священности и незыблемости текстов Священного Писания, в защите библейских ценностей семьи и брака между мужчиной и женщиной, в сопротивлении абортам, эвтаназии и крайним формам европейского секуляризма, вытесняющим веру и верующих из публичного пространства. Единственное из изменений, часто практикуемых в евангельских церквях, – это женское священство. Однако именно мобильность и гибкость евангельского движения, агрессивное миссионерство, подпитываемое библейским фундаментализмом, позволили церквям приспособиться к глобализации и воспользоваться ее плодами. Большинство евангельских течений в разной форме проповедуют «богословие процветания», основанное на стремлении достичь успеха в рамках рыночной экономики и американизированного представления о демократии. Евангельский протестантизм

⁹² В Швеции, к примеру, после реформы 2000 г. начался массовый выход из церкви лиц, имевших прежде лишь формальную связь с приходом по месту жительства и не желавших больше платить ежегодный налог, когда это стало возможным. Таким образом, к 2013 г. вместо 83,5 % в церкви осталось 65,9 % шведского населения. Уменьшились и другие показатели церковной активности: с 2000 до 2013 г. на 1/3 сократилось число богослужений в Шведской церкви, с 80 до 31 % снизилось количество подростков, проходящих обряд конфирмации. См.: *Чернышева О. В.* Евангелическо-лютеранская церковь в социальной и политической жизни современной Швеции // Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. Коллективная монография / Под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С.91–103.

⁹³ Об этом свидетельствует опрос, проведенный независимым международным бюро YouGov. Количество англикан в Великобритании сократилось. // Cnl.news. 10.06.2015.

⁹⁴ По данным Всемирной лютеранской федерации, число лютеран в мире достигло 67 млн человек. 09 марта 2007 г. // Портал-Credo.Ru. 09.03.2007.

⁹⁵ Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. National and religious identities converge in a region once dominated by atheist regimes // Pew Research. 10.05.2017. Release.

стал с конца 1980-х и в 1990-е гг. «новым» социальным феноменом в католических и православных странах Восточной Европы, в России (численность протестантов в России оценивается уже в 3 млн) и в целом на постсоветском пространстве, которое стало открытым для миссии после распада СССР. К концу XX в. численность последователей евангельского протестантизма в мире оценивалась примерно в 500 млн человек⁹⁶. Присутствие новых евангельских церквей, которые устраивают многотысячные служения в ангарах бывших заводов, ферм где-то за городом, заметно в каждом крупном европейском городе.

Цифры, отражающие влияние евангелических церквей в обществе, важно привести еще и потому, что их роль до сих пор недооценена. Доля евангельских верующих в Европе, включая Россию, составляет от 4 до 6 % населения⁹⁷, то есть от 29 до 43 млн (или же от 33 до 50 млн, если исходить из максимальной численности населения Европейского континента⁹⁸. Национальная пресса в странах ЕС все чаще обращает внимание на растущие экстравагантные церкви. В Германии численность евангельских церквей за последнее десятилетие увеличилась вдвое, и они уже объединяют по крайней мере 3 % населения⁹⁹. В середине 2000-х гг. активный рост иммигрантских евангелических церквей был отмечен во Франции. В Великобритании рост паствы новых евангелических церквей также относится к началу XXI в. Посещаемость воскресных служб во всех христианских конфессиях с 1989 по 2005 г. значительно упала (в англиканской церкви на 31 %, в католической церкви на 49 %). Исключение составили пятидесятники и евангельские церкви, численность приходов которых выросла на 22 и 10 % соответственно¹⁰⁰.

Привлекательность позиции консервативных протестантов во многом определяется их принципиальностью в отстаивании христианских ценностей и жесткой критикой секулярной политики и политиков. В 2010-е гг. такого рода критика находит все больше поддержки в обществе в связи с негативными последствиями неконтролируемого потока иммигрантов и обусловленного им роста влияния исламского фактора и угрозы псевдоисламского экстремизма.

Православное влияние

Третьей по численности и влиянию христианской конфессией в мире и в Европе является православие. Его можно назвать самой европейской христианской силой, так как в основном верующие этой конфессии сконцентрированы именно в Европе (в США, на Ближнем Востоке и в Азии православных меньшинство). Трансформация мировоззрения православных церквей происходила намного медленнее, чем католицизма, а тем более протестантизма, что было обусловлено несколькими факторами. Православие больше связано с национальным сознанием каждого конкретного народа (с традиционной, крестьянской культурой) и редко выходит за рамки национальной идентификации, что означает отсутствие значимой миссии за пределами своих народов и своих диаспор. Выработка социального и политического мировоззрения в

⁹⁶ См. различные оценки численности протестантов в разных странах мира: *Лукин Р.* Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 90–125; *Лукин Р.* Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение душ и управляемая демократия // Религия и конфликт / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2007. С. 175–222; *Лукин Р. Н.* Христианский ответ обществу потребления // Журнал «Эксперт». 2013. № 1. С. 60–68.

⁹⁷ Christian Movements and Denominations. Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-movements-and-denominations/> (дата обращения: 09.08.2017).

⁹⁸ См.: Евростат. [Электронный ресурс]. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tps00001> (Дата обращения: 09.08.2017).

⁹⁹ *Costello M.* Ghanaian pastor seeks to 're-Christianize' Germany // Deutsche Welle. March 19, 2014. См.: Deutsche Welle. 17.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.de/ghanaian-pastor-seeks-to-re-christianize-germany/a-17501259> (Дата обращения: 09.08.2017).

¹⁰⁰ *Muir R., Stone L.* Who Are We? Identities in Britain. 2007. См.: Lucy Stone and Rick Muir. Who are we? Identities in Britain. Institute for Public Policy Research. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ippr.org/assets/media/images/media/files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf (Дата обращения: 09.08.2017).

православных церквях была прервана в XX в. коммунистическими режимами и атеистической политикой властей. А постсоветское развитие принесло высокую степень идеологизации православия, наряду с низким уровнем практической религиозности, который в России колеблется от 5 до 10 %¹⁰¹.

По разным подсчетам, вместе с церквями Ближнего Востока в мире насчитывается до 250 млн православных (в Европе – 200 млн¹⁰²). Значительная часть их проживает в России (70–80 млн так или иначе связывают себя с православием). Большинство населения относит себя к числу православных также в Беларуси, Болгарии, Греции, Грузии, Кипре, Македонии, Молдавии, Румынии, Сербии, на Украине и в Черногории. Во всех этих странах существует проблема укорененности православной веры. В православии отсутствует столь централизованная система церковной иерархии, как у католиков. Нет и столь мощных православных мирских движений. Однако децентрализация может быть также преимуществом православия, делая его более мобильным на уровне приходской жизни.

Согласно опросам, в православных странах церкви доверяют от 50 до 60 % населения. В Греции и России этот показатель держится на уровне 60 %, в Болгарии – 48 %, в Сербии – 95 %. Но это вовсе не означает, что в других странах православные совсем не заметны. В Австрии проживают от 400 до 450 тыс. православных. С 2010 г. действует «Конференция православных епископов Австрии». В Ирландии в 2011 г., согласно переписи населения, православными назвали себя 45 тыс. граждан. В Германии православных насчитывается до 1,5 млн. Во Франции зарегистрировано около 150 православных приходов (30 из них находятся в Париже). Считается, что всего во Франции живет до 240 тыс. потенциальных православных, но прихожан насчитывается не более 15 тыс.¹⁰³

В Греции Элладская православная церковь стала за последние десятилетия намного ближе и к своим прихожанам, и к обществу, что в полной мере проявилось в ходе кризиса 2014–2015 гг. Особенно успешно работает благотворительное учреждение «Апостоли» при Афинской архиепископии. В рамках программы «Церковь на улицах», учреждение «Апостоли» бесплатно распределяет продуктовые пакеты среди бездомных. Связующим звеном между греческим обществом, властью и церковью также стали христианские клубы и братства, главным образом братство «Зои» – это и движение катехизаторов и создателей школ, и движение за возрождение нравственности в политической жизни.

В России социальные перемены в православной церкви стали происходить к началу нового века, и наиболее ярким их выразителем стал патриарх Кирилл, возглавивший церковь в 2009 г. Церковные реформы при новом предстоятеле позволили значительно увеличить плотность приходов (с 12 тыс. в 2009 г. до почти 17 тыс. в 2017 г. на территории России, около 11 тыс. приходов принадлежат к Московской патриархии на Украине (почти 3 тыс. приходов на Украине относятся к альтернативному – Киевскому патриархату), более 1200 – в Молдове, сотни приходов РПЦ находятся в Центральной Азии, странах Евросоюза, США и Японии) и епархий – со 159 в 2009 г. до более 300 в 2017 г. на всем постсоветском пространстве.

Расширение присутствия РПЦ в российском обществе привело, так же как это происходит в Европе и США, к провозглашению своей моральной политики в общественно-политическом пространстве. К примеру, программным стало выступление патриарха Кирилла в Госдуме 22 января 2015 г., касающееся законодательной политики в области поддержки семьи,

¹⁰¹ Зоркая Н. А. Православие в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 2013. № 1; Лукин Р. Н., Филатов С. Б. Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Религия и российское многообразие / Науч. ред. и сост. С. Б. Филатов. М., 2011.

¹⁰² Европа: сердце христианства перед лицом секуляризации и исламизации // Демоскоп Weekly. 5–18.03.2012. № 501–502. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/tema05.php#_FNR_50 (Дата обращения: 09.08.2017).

¹⁰³ Как живут православные в Евросоюзе? // Новости Беларуси. 15.11.2011. См.: Православная Франция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.france-orthodoxe.net> (Дата обращения: 09.08.2017).

материнства и детства. Однако РПЦ оказывается в каком-то смысле в таком же положении в своей борьбе за моральные ценности, что и европейские церкви, несмотря на идеологическую близость православия и власти в России, так как, например, предложение патриарха об исключении абортотерапии из системы страхования не было поддержано правительством и депутатами, социальную работу приходов государство также прямо не поддерживает, но при этом были приняты законы, фактически ограничивающие деятельность религиозных меньшинств (в рамках «пакета Яровой»).

Частью «моральной программы» стала внешнеполитическая деятельность РПЦ, в рамках которой был провозглашен принцип религиозной свободы и защиты прав христиан. По мере развития патриарших инициатив стало очевидным, что для продвижения церковных проектов необходимо проведение активной миссионерской работы, дальнейшее стимулирование общественной жизни и связанного с ней волонтерства. Все большее внимание стало уделяться руководством РПЦ поддержке инициатив прихожан¹⁰⁴. Одним из приоритетов церкви было объявлено добровольчество. Важным фактором в становлении добровольческого движения в РПЦ стала активная гуманитарная миссия по помощи беженцам с Украины.

В России пока нет своих аналогов миссионерских, открытых, либеральных общественных движений, таких как католические (единственный аналог – «Преображенское братство», объединяющее последователей священника Георгия Кочеткова). Тем не менее к 2010-м гг. появилось новое поколение духовенства и мирян, которые стали осознавать ценность общины, ячейки гражданского общества, которая собирает вокруг себя молодежь, интеллигенцию, организует творческие центры, школы и фонды¹⁰⁵. Вместе с тем в рамках РПЦ велика роль консервативных религиозных движений фундаменталистского толка. Их цель – отстаивать интересы Церкви и продвигать ее «моральную программу». Это такие движения, как «Сорок сороков», «Божья воля», «Союз православных граждан», Всероссийское молодежное православное движение. Они могут быть как близки, так и далеки от церкви, но религиозная мотивация и гражданский активизм играют в их мировоззрении ключевую роль.

Реальная политическая активность православных в России входит в противоречие с антизападным и антидемократическим мировоззрением священноначалия РПЦ внутри России¹⁰⁶. Наряду с этим Церковь стремится с помощью власти обрести реальное влияние в обществе. Функцию демократизации внутрицерковной жизни все чаще выполняют проекты рядовых приходов и монастырей, выступающие в поселках и деревнях в качестве центров духовной и культурной жизни. Развитие общинного сознания способствует становлению социального православия евангелического типа.

Религия и кризис европейской идентичности

Ярким проявлением крайней секуляризации публичной сферы и политики в странах Западной Европы стали судебные дела против людей, которые носят религиозные символы на работе (крестики, хиджабы), против крестов в школьных классах, против священнослужителей, которые публично осуждали гомосексуализм и однополые браки, запреты на христианскую символику на Рождество. Однако, безусловно, эти отдельные случаи не смогли уменьшить влияние церквей. Фактором, позволившим церквям проявить свое влияние и способность к гражданскому активизму, стал миграционный кризис.

¹⁰⁴ Святейший патриарх Кирилл: Развитие общественной жизни и активное вовлечение в нее верующих – важнейшая задача для Церкви // Patriarchia.Ru. 02.02.2015.

¹⁰⁵ Православная церковь при новом патриархе / Под ред. А. Малащенко и С. Филатова; Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. 415 с. (Религия в Евразии).

¹⁰⁶ Коробов П. «Христиане не верят в права человека. Идея РПЦ о пересмотре либеральных ценностей получила поддержку католиков и протестантов» // Коммерсант. 01.03.2007.

Критический наплыв сирийских и иных беженцев начиная с 2015 г. стал переломным моментом для европейской идентичности в культурном, религиозном и национальном измерениях и кризисе доверия к политической системе. В этой ситуации церкви предложили свою морально-политическую программу и предоставили обществу фактически новую интерпретацию европейской идентичности. Способность церквей к мобилизации гражданского общества стала особенно важной в условиях кризиса общеевропейской солидарности. Особое значение приобрела проблема сохранения общеевропейской идентичности, а не замыкания в рамках национальных государств с закрытием границ и ужесточением правил въезда и пребывания иммигрантов. Для многих церквей изменение национального состава Европы стало уже давно свершившимся фактом. Кроме того, процессы секуляризации лишили церкви части традиционных прихожан из числа исторически местного населения. В этой связи оказалось невозможным для церковного руководства ставить христианскую миссию в зависимость только от национальной идентичности народов Старого Света. Как это ни парадоксально, новая наднациональная европейская идея церквей обращена, прежде всего, к иммигрантам.

Особая роль в выражении этой идеологии принадлежит Католической церкви, которая подчеркивает свое деятельное участие в формировании единой Европы (создание Европейского сообщества у его истоков поддерживали папы Пий XII, Иоанн XXIII, Павел VI; Иоанн Павел подчеркивал необходимость единства Восточной и Западной Европы). Ключевые слова о новой европейской идентичности были сказаны папой Франциском в интервью французской газете *La Croix* в 2016 г. Понтифик назвал помещение мигрантов в гетто худшей формой, приведя в пример террористов в Брюсселе, которые выросли в гетто. По его словам, в новой Европе надо отказаться от сознания колониализма: мусульманка должна иметь право носить платок, а католик – крест. «Когда я слышу разговоры о христианских корнях Европы, я иногда опасюсь триумфалистского и даже мстительного тона, – сказал понтифик. – Да, Европа имеет христианские корни, и христианство несет ответственность за то, чтобы поливать эти корни. Но это должно делаться в духе “омывания ног”»¹⁰⁷. Большую роль играют взгляды кардинала Рейнхарда Маркса, президента Комиссии конференций католических епископов ЕС (COMECE, с 2012 г.) и главы Конференции епископов Германии (с 2014 г.). По словам кардинала Маркса, «мы должны побуждать власти, гражданское общество и членов Церкви к укреплению солидарности по отношению к нуждающимся, мигрантам или беженцам, которые пересекают границы или остаются в наших странах»¹⁰⁸. Позиция церквей вошла в противоречие с частью общественных настроений европейцев. Католики и евангелисты поддерживают моральный консерватизм правых партий и их декларации о защите прав христиан в мире – «Право и справедливость» в Польше или Венгерского гражданского союза в Венгрии¹⁰⁹, но не могут полностью разделить их стремление избавиться от иммигрантов¹¹⁰. В итоге между собой вступили в дискуссию не только религиозные лидеры и секулярная бюрократия, но и верующие политики и священнослужители разных взглядов. В августе 2015 г. во время телешоу секретарь Конференции епископов Италии Нунцио Галантино сравнил политиков, играющих на ксено-

¹⁰⁷ Папа Франциск: «Вклад Христианства в культуру не должен восприниматься сквозь призму колониализма» // Седмица. Ru. 20.05.2016.

¹⁰⁸ Refugees, Migrants, Integration: Proposals of the European Bishops to the EU. COMECE. 18.12.2015.

¹⁰⁹ Например, в сентябре 2016 г. в Венгрии было создано ведомство по делам преследуемых христиан. Премьер-министр Виктор Орбан принял решение создать новый отдел после встречи с папой Франциском и принятия участия в мероприятиях International Catholic Legislator's Network. См.: National Catholic Register, 16.08.2016. Кроме того, новая венгерская конституция, вступившая в силу 1 января 2012 г., содержит упоминание о Боге и вере.

¹¹⁰ В обращении Европейского евангельского альянса, объединяющего самые разные церкви, от баптистов до пятидесятников, отмечается, что служение беженцам стало большим вызовом для церквей, мнения верующих по этому вопросу разделились. Но при этом все евангельские церкви стали активно работать на сербско-венгерской границе, а затем, после ее закрытия, на хорватско-венгерской. Верующие распространяли вещи, медикаменты, еду и Новый Завет на арабском языке, молились вместе с беженцами (по сообщению Альянса, случаи отказа молиться вместе были единичными). См.: EEA Refugee Prayer Letter: News from Hungary. Bulletin, January 7, 2016.

фобских стереотипах, с уличными торговцами, предлагающими никому не нужные вещи. В ответ лидер Лиги Севера Маттео Сальвини назвал Галантино «епископом-коммунистом», а себя верным католиком, имеющим право выражать мнение части прихожан¹¹¹. В Германии церковные лидеры активно критикуют антимусульманское движение в целом и, в том числе, движение Pegida, чье название расшифровывается как «Патриотические европейцы против исламизации Старого Света». Епископ Фелик Генн запретил священнику Полу Шпатлингу выступать на акциях Pegida в Дуйсбурге в январе 2015 г., так как это противоречит христианскому образу любви, добра и открытости¹¹². Немецкая правая партия «Альтернатива для Германии» выступает против строительства мечетей и считает, что приверженность исламу противоречит Конституции ФРГ. В Великобритании манифестации против мигрантов-мусульман проводят Английская лига защиты (EDL) и националистическая партия BNP вместе с рядом социалистов-антифашистов. В Греции оппозицию линии архиепископа Афинского Иеронима представляют ультраправые из организации «Золотая Заря» (взгляды участников этого движения могут варьироваться от христианского национализма до неоязычества).

На институциональном уровне активное участие в организации социальных проектов для мигрантов принимает Комиссия конференций католических епископов ЕС – COMECE (Commission of the Bishops' Conferences of the European Community), существующая с 1980 г. Фактически при каждой епархии действуют комиссии или проекты для мигрантов. В 2015 г. епископы Франции, Германии и Италии обращались с призывами к гражданам и властям изменить свое отношение к мигрантам и избавиться от страхов и стереотипов по отношению к ним. Ежегодные доклады по различным формам церковной помощи мигрантам издает Комиссия Церквей по мигрантам в Европе – CCME (Churches' Commission for Migrants in Europe), созданная в 1964 г. В нее входят федерации евангелических протестантских общин, экуменические советы разных стран, лютеранские и православные церкви.

Рекомендации CCME для церквей по работе с мигрантами, беженцами и теми, кто ищет убежища, определили основные и максимально широкие демократические принципы работы с иммигрантами. Эти рекомендации подписали, помимо CCME, католические организации – Каритас-Европа, Иезуитская служба по помощи беженцам, Международная католическая комиссия по миграции, а также Комиссия конференции епископов Европейского Сообщества (Католическая церковь), Евродиакония (сеть из 46 церквей – англиканских, реформатских и православных – и неправительственных организаций) и Квakerский совет по европейским делам¹¹³. Крупнейшей международной организацией, у которой есть автономные национальные подразделения в разных странах Европы, является католическая миссия «Каритас». Ярким примером работы миссии является проект гуманитарных коридоров, который был предложен в 2015 г. и стал реализовываться в 2016 г.; пока только на территории Италии инициаторами проекта стали католическая Община Св. Эгидия, Вальденсийская церковь и Евангельская федерация церквей. Идея проекта заключается в том, чтобы выдавать гуманитарные визы и проверять документы мигрантов перед отъездом беженцев в Европу. Для этого целый ряд итальянских консульств открыли свои бюро в Ливии, Эфиопии и Марокко. Одна из целей проекта – найти альтернативное решение миграционных проблем для того, чтобы обеспечить безопасность и управлять миграцией. Общее мнение, в том числе и представителей церквей, состоит в том, что Европа стареет и нуждается в мигрантах. Гуманитарное соображение состоит в том, чтобы Средиземное море не было кладбищем под открытым небом (из интервью автора с Алессандро Салаконе, представителем Общины Св. Эгидия в России в мае 2015 г.). Реализации этого

¹¹¹ Salvini: «Monsignor Galantino un vescovo comunista Io un cattolico peccatore». 13 agosto 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.corriere.it>. (Дата обращения 08.08.2017).

¹¹² Bishop Silences German Priest for Speaking at PEGIDA Rally. Breitbart. 24 January 2015.

¹¹³ *Квакеры* – протестантское пацифистское движение, возникшее в Англии в XVIII в.

проекта способствовал член Общины Св. Эгидия – заместитель министра иностранных дел Италии Марио Джиро (ранее отвечал за общественные связи в Общине Св. Эгидия). Община Св. Эгидия организовала проект «Люди, ищущие мира», членами которого являются мусульмане, а в 1982 г. – курсы итальянского языка для интеграции иммигрантов. За 30 лет через эти курсы прошли несколько сот тысяч людей. Община специально не создавала мононациональные группы, а в различных праздниках участвовали все члены проекта – вместе праздновали Рождество и Рамадан, привлекали к волонтерской работе всех, независимо от вероисповедания и нации (желающие, мусульмане и христиане, ходили по тюрьмам и больницам и т. д.). Именно в рамках этого проекта гуманитарных коридоров папа Франциск, посетивший лагерь беженцев на греческом острове Лесбос, взял с собой в Ватикан 12 сирийских мигрантов, тех, у которых были оформлены предварительно гуманитарные визы. Будущее – в дополняющих друг друга культурах, а не в мультикультурализме и не в дискриминации «чужих» культур. С этих позиций представители Общины Св. Эгидия критикуют правых политиков в Польше и Венгрии и целый ряд епископов, которые призывают оградить Европу от мигрантов.

В решении проблем мигрантов активно участвуют и отдельные католические, англиканские, лютеранские приходы в разных европейских странах. Папа Франциск призвал каждый приход принять хотя бы одну семью беженцев, мигранты были устроены в Ватикане, а также в Ламбетском дворце – резиденции архиепископа Кентерберийского в Лондоне. Вслед за надписями «Добро пожаловать, беженцы!» и «Беженцам всегда рады» появляются конкретные инициативы на местах. На передовой, куда прибывают мигранты из Ливии, на Сицилии к примеру, в одном из приходов Палермо из церкви вынесли скамейки и стулья, расставили раскладушки, а прихожане приносят для беженцев еду и самое необходимое¹¹⁴.

Работа с беженцами и в целом с мигрантами стала не только вызовом, но и побуждающим стимулом, который способствовал развитию социальной, культурной активности приходов, сделал общины более открытыми и мобильными по отношению не только к мигрантам, но и к более широкой молодежной миссии. Показательным примером «нового лица» европейского христианства и элементом современной идентичности Европы являются протестантские церкви (баптисты, пятидесятники, харизматы, евангельские христиане). В прессе появлялись сведения о нескольких тысячах выходцах из Ирана, Афганистана и Сирии, которые становились членами евангельских общин в ходе сирийского кризиса 2010-х. Однако после того как сразу около 600 человек крестились в Германии, оказалось, что многие мигранты таким образом хотели приобрести статус беженца, так как в Иране и других странах переход в другую веру является вероотступничеством и карается смертной казнью¹¹⁵. Есть и другие примеры – миссией среди беженцев в лагере в Кале занималась церковь во главе с пастором африканцем Тефери Шуремо. Он привлекал в общину в основном христиан из Эфиопии и Эритреи. Однако в феврале 2016 г. временный палаточный храм и мечеть были разрушены французскими полицейскими, которые очищали 100-метровую зону безопасности вокруг лагеря, а пастор Шуремо и беженцы защищали храм с крестом в руках¹¹⁶.

Представление о том, как изменились европейские церкви, можно получить на основе доклада Комиссии Церквей по мигрантам в Европе «Картография миграции и картография ответов европейских церквей на вызовы миграции» (2016 г.). Так, в 60 % всех церквей от 6 до 100 % мигрантов-прихожан. В тех общинах, где больше 60 % мигрантов, как правило, и руководство из числа иммигрантов. 74 % респондентов ответили, что в местных приходах заметно присутствие этнических меньшинств, которые либо служат и собираются отдельно,

¹¹⁴ Церкви Сицилии превращаются в приюты для африканских мигрантов // Euronews. 19.06.2014.

¹¹⁵ European Churches Witnessing «mass baptisms» for Migrants, by Oliver Jane, 6 March 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.breitbart.com/london/2016/03/06/european-churches-witnessing-mass-baptisms-for-migrants/> (Дата обращения: 09.08.2017).

¹¹⁶ French authorities destroy refugees church and mosque in Calais jungle. The Tablet. 02 February 2016.

либо являются составной частью общины. 25,7 % заявили, что до 20 % священнослужителей являются сами иммигрантами. Особенно стоит отметить присутствие иммигрантов среди церковной молодежи – в 32 % церквей один из пяти молодых людей является иммигрантом. Большинство церквей ищет те или иные способы взаимодействия с миграционной средой – в 48 % церквей есть активисты или команды, помогающие беженцам, в 65 % общин есть специальные проекты и межцерковное сотрудничество.

Комиссия Церквей по мигрантам в Европе выделяет христианские объединения с самым заметным этническим компонентом (40–60 % и более иммигрантов) и национальной миссией в крупнейших странах Европы. В Италии это Федерация протестантских церквей; Вальденсийская церковь и Методистская церковь привлекают выходцев из Ганы, Филиппин, Латинской Америки и Южной Кореи, а среди баптистов много румын и украинцев. В Великобритании это пятидесятнические церкви (самая большая – Мусам Дискриптори Черч), Совет африканских и карибских церквей Соединенного Королевства и Альянс Трансатлантических церквей и церквей Тихого океана. В Ирландии в рамках национальной миссии активна Методистская церковь – в общинах много выходцев из Африки и Индии, а также Бразилии, среди молодежи – до 40 % иммигрантов (из них половина новые иммигранты, а половины – второе поколение мигрантов).

В Германии в Евангелическо-лютеранской церкви (ЕЛЦ) существуют общины выходцев из Индонезии, Ганы, Финляндии, Нидерландов, Швеции и Вьетнама. В ЕЛЦ также есть разного рода комиссии и проекты межкультурного служения. Во Франции особенно выделяется в межнациональной работе Объединенная протестантская церковь Франции (в Париже самый высокий процент иммигрантов в церквях – 20 %), есть и этнические союзы – Союз африканских и карибских церквей. Французская протестантская федерация поддерживает межцерковные проекты с церквями, которыми руководят иммигранты.

Мультинациональная община интегрирует мигрантов разных категорий в рамках совместного богослужения в церкви или Доме молитвы и социальной работы в волонтерских проектах, воспитывая из них новых европейцев.

* * *

Кризис европейской идентичности привел к возвращению церквей в политику, усилению их влияния и к интеграции околоцерковных гражданских институтов (проектов, движений, фондов и т. д.) в демократическую политическую систему при всей ее внешней безрелигиозности. Новой основой идентичности современной Европы стали многонациональность и церковная миссия, меняющая лицо христианства на континенте и отношение к «чужим» в самом широком смысле этого слова. «Религиозное возрождение» ведет также к появлению консервативных групп и движений внутри Католической церкви, православия и протестантизма, которые готовы бороться и с секуляризмом, и с экстремизмом на религиозной почве. Усиление влияния христианства и ислама постепенно приводит к исправлению дисбаланса между секулярным и религиозным в Европе и к созданию религиозно-ориентированной демократии.

Раздел II

Евросоюз: реальность и перспективы

Глава 6. Евросоюз в XXI в.: от триумфа к выживанию?

По ком звонит «брекзит»?

В 2016 г. история европейской интеграции пополнилась еще одной датой: 23 июня граждане Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии проголосовали с небольшим перевесом – 51,15 % против 48,85 % – за выход из Европейского союза. С того дня прошел год, однако бурные волны дискуссий и прогнозов, поднятые итогами референдума, накатываются одна за другой. Это надолго, и тому есть причины – масштаб и радикальность события, длительность «бракоразводного процесса», а в итоге неопределенность его последствий для Великобритании и для ЕС. Мнений высказано великое множество, и их разброс очень широк – от крайне негативных прогнозов до умеренно позитивных. К обстоятельному анализу «брекзита» и его последствий мы вернемся позже, а пока выскажем несколько общих соображений насчет того, что означает – и не означает – это событие.

«Брекзит» не является погребальным звоном по идее «Единой Европы». Оставаясь одной из самых влиятельных идей в сознании европейцев, она, однако, перестала быть доминантой, определяющей вектор движения европейских народов к «Соединенным Штатам Европы» или какой-то иной форме политической федерации/конфедерации, как это было с 1940-х гг. по начало XXI в. Теперь европеизму противостоит вышедший из тьмы национализм. Вернуться к Европе национальных государств невозможно. Поэтому в предстоящие десятилетия эти две идеологии будут постоянно конкурировать, и поиск баланса между общими и частными интересами европейских государств, как входящих, так и не входящих в ЕС, будет их постоянной «головной болью».

«Брекзит» не является началом конца Евросоюза – даже в том случае, если Великобритания действительно выйдет из него, и за ней, возможно, уйдут некоторые другие его члены. Есть как минимум десяток стран, прежде всего шесть государств-учредителей Европейских сообществ, а также ряд других стран, которые входят в ядро европейской интеграции. Их взаимозависимость, особенно в экономической и социальной сферах, очень высока и достаточно эффективна. Очевидно, что они предпримут максимальные усилия в целях консолидации и укрепления ЕС.

Наконец, «брекзит» не является началом новой эпохи в истории Евросоюза. Не будем задерживаться на характеристике всех этапов и результатов его развития¹¹⁷. Осмысливая их, мы вправе сделать три вывода.

Во-первых, европейская интеграция состоялась благодаря уникальному совпадению нескольких благоприятствовавших факторов – региональных и глобальных. Они действовали

¹¹⁷ Наиболее содержательный и полный анализ развития западноевропейской интеграции см. в книге: *Шишков Ю. В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. М.: НП «III тысячелетие», 2001. Главы 3 и 4. Краткую характеристику этапов развития Европейского сообщества см.: *Борко Ю. А.* Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции // *Расширение Европейского союза и Россия*. М.: Деловая литература, 2006. С. 11–42; *Борко Ю. А.* Уроки европейской интеграции // *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / Под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2014. С. 206–222.

во времена биполярной системы и холодной войны, а затем, по инерции, еще некоторое время, вплоть до середины первой декады нынешнего века.

Во-вторых, эпоха стремительного развития и беспрецедентных успехов европейской интеграции завершилась в 2004–2005 гг. Следующая декада вылилась в череду кризисов и лишь отчасти удавшихся попыток преодолеть их негативные последствия. С некоторыми из них ЕС пока не справился.

В-третьих, крутой поворот в динамике европейской интеграции имеет как объективные, так и субъективные корни. К первым следует отнести:

- кардинальные изменения на политической карте мира, происшедшие на рубеже 1980–1990-х гг., и обусловленный ими переход от биполярной системы международных отношений к их бессистемному и турбулентному состоянию;

- глобализацию экономики, на порядок увеличившую зависимость национальных хозяйств от перепадов мировой конъюнктуры;

- и последнее (по месту, но не по значению) – создание электронных средств информации и коммуникаций.

Что касается субъективного фактора, то его можно определить как инерцию мышления, сформировавшегося в эпоху динамичного развития интеграции. В 1990-е гг. и почти все следующее десятилетие руководству Евросоюза были присущи два изъяна: с одной стороны, переоценка своих сил, способности успешно решать поставленные задачи и преодолевать возникшие трудности, с другой – недооценка масштаба перемен внутри ЕС и в окружающем мире. Именно этим объяснялось то, что в начале 1990-х гг. была утверждена амбициозная стратегия одновременного углубления и расширения интеграции – строительства экономического и валютного союза (ЭВС) и принятия в свой состав 10 стран Центрально-Восточной Европы. Пока хозяйственная конъюнктура и социально-политические факторы оставались благоприятными, эта стратегия осуществлялась весьма успешно: создание ЭВС было завершено в 1999–2002 гг., восемь стран ЦВЕ были приняты в 2004 г., Болгария и Румыния – в 2007-м. Но как только внешние и внутренние условия ухудшились, качественная разнородность только что созданного Евросоюза-28 и асимметричность ЭВС проявились открыто, в виде целой серии кризисов¹¹⁸.

По сути, Евросоюз пребывает в перманентном кризисном состоянии. Не успевает он справиться с одним кризисом, как накатывается другой. От институционального (2005–2009 гг.) к финансово-экономическому (2008–2009 гг.), затем экономическая рецессия (2012–2013 гг.) и два нынешних – миграционный и кризис системы европейской безопасности. Их общим итогом стало ухудшение внутреннего климата в Евросоюзе, проявившееся двояким образом. С одной стороны, усилились разногласия между его государствами-членами, а также между его высшими органами и национальными правительствами, явно ослабла их солидарность. С другой стороны, почти во всех странах возрос разрыв между «верхами» и «низами», усилилось недоверие рядовых граждан к власти, тем большее, чем дальше она отстоит от них. Процессы и перемены последних лет высветили проблемы фундаментального характера, которые в предыдущую эпоху отсутствовали или находились в латентной стадии. Все они порождены или обострены названными выше глобальными процессами и переменами. Следствием глобализации стала резко возросшая зависимость и уязвимость Евросоюза от внешнего мира. В его «верхах» это осознали, пожалуй, после финансово-экономического кризиса, но в полной мере – в самое последнее время, под влиянием неудач в сфере внешней политики и безопасности, драматических событий на Украине и иммиграционного кризиса.

¹¹⁸ Всесторонний анализ этого этапа истории ЕС см. в книге: Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потемкиной (отв.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. 652 с.

Фундаментальные проблемы, от решения которых зависит будущее ЕС, Европы и даже европейской цивилизации, сконцентрированы в трех сферах – экономике, безопасности (в широком смысле этого понятия), межэтнических и межконфессиональных отношениях. Порядок, в котором они расставлены, не определяет их относительную важность в развитии ЕС. На этот счет могут быть разные точки зрения, и их реальная значимость выяснится позже.

«Брекзит» как издержки образцовой демократии

Вернемся к референдуму. Несмотря на изрядно похолодавший социальный и политический климат в ЕС, его итог был достаточно неожиданным и создал ситуацию полнейшей неопределенности. Более того, чем дальше, тем яснее становится его иррациональность и алогичность. Ведь британский премьер-министр Дэвид Кэмерон, инициировавший референдум, собиравшийся использовать его как «страшилку» в переговорах с Еврокомиссией с целью добиться укрепления особых позиций Великобритании внутри ЕС. Ему это удалось. 19 февраля 2016 г. саммит ЕС одобрил документ, подтверждавший право его страны не участвовать в политической интеграции и в валютном союзе, а также сохранять автономию в иммиграционной политике¹¹⁹.

Теперь оставалось выиграть референдум, квалифицированно и понятно разъяснив гражданам выгоды достигнутого соглашения. Но правительство и лично премьер, а также политические и деловые круги, выступавшие за сохранение членства страны в ЕС, отнеслись к подготовке референдума в высшей степени безответственно, в отличие от сторонников «брекзита», лидеры которых продемонстрировали худшие образцы политической демагогии¹²⁰. В конечном счете большинство граждан голосовали не разумом, а эмоциями, руководствуясь преувеличенными страхами, предубеждениями и привычным недоверием к бюрократии – и своей, национальной, и брюссельской.

Д. Кэмерону пришлось уйти в отставку, а новому правительству во главе с Терезой Мэй, возглавившей одновременно консервативную партию, предстояло решить дилемму: следовать итогам референдума или оставаться в ЕС. Дело в том, что референдум имел рекомендательный статус, и решение оставалось за правительством, которое могло провести, как было предложено, повторный референдум. Правительство эту идею отвергло. Между тем повторные референдумы в странах ЕС – не новость. В 1992–1993 гг. датчане дважды голосовали по поводу ратификации Маастрихтского договора, в 2008–2009 гг. два референдума потребовалось для ратификации Лиссабонского договора Ирландией. Однако Т. Мэй заявила, что правительство, в соответствии с итогами референдума, официально уведомит Брюссель о выходе Великобритании из Евросоюза. Ответ из Брюсселя был незамедлительным: руководство ЕС уважает решение Лондона и готово начать переговоры об условиях выхода, как только получит официальное уведомление, желательно поскорее.

К переговорам, однако, не были готовы ни Лондон, ни Брюссель. Политики-популисты, возглавившие кампанию за выход, не удосужились разработать, пусть вчерне, выгодные для страны условия «бракоразводного процесса». Да они и не были способны к этому. Подготовить такие предложения предстояло новому правительству. Этим и объясняется, что официальное заявление о намерении Великобритании покинуть ЕС последовало лишь 29 марта 2017 г., через девять (!) месяцев после референдума. Саммит ЕС-27, состоявшийся 29 апреля, утвердил основные переговорные принципы. Сами переговоры планировалось начать лишь в конце

¹¹⁹ Bulletin Quotidian European (BQE). 21.02.2016. № 11495–1 and 2; 24.02.2016. № 11497–1.

¹²⁰ По словам Марии Слоним, давно проживающей в Великобритании, имеющей британское гражданство и участвовавшей в референдуме, «кампания шла довольно грязно. Сторонники Brexit очень напирала на проблему эмиграции. Это был жупел». См.: Грани времени. Расторгнутый Евросоюз. 24.06.2016 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/a/27789622.html>. (Дата обращения: 11.07.2017).

мая. Более того, их старт фактически был отложен до всеобщих выборов в Великобритании 8 июня.

Лондону и Брюсселю предстоит определить модель будущих экономических и политических отношений. Варианты есть разные. А затем начать торг по сотням конкретных позиций и тысячам нормативных актов, регулирующих функционирование единого внутреннего рынка ЕС и других сфер его политики, из которых уходит Великобритания. Процесс трудный и длительный. Недаром в статье 50 Договора о Европейском союзе, определяющей процедуру выхода из него, на подготовку соответствующего соглашения отведено два года и предусмотрена возможность продления переговоров. Вероятно, так оно и будет.

И все это время страна будет находиться в состоянии неопределенности, которая в каком-то смысле хуже, чем кризис страны, так как неизвестно, к чему надо готовиться. В целом положение дел следует оценить как одно из самых тяжелых испытаний для страны за все послевоенные десятилетия¹²¹.

Негативные последствия выхода из ЕС сильнее всего проявятся в двух областях: внешнеэкономических связях и внутривнутриполитической ситуации. Судя по заявлениям Т. Мэй, главной целью правительства будет выход страны из единого внутреннего рынка ЕС и подписание соглашения о создании общей зоны свободной торговли (ЗСТ)¹²². Если подписать такое соглашение не удастся, восстановление таможенных барьеров резко ухудшит условия взаимной торговли между Евросоюзом и Великобританией. Урон понесут обе стороны, но доля ЕС в британском экспорте превышает 40 %, а доля его экспорта в Великобританию составляет 6–7 %, и этот ущерб может быть быстро компенсирован увеличением торговли ЕС с десятками стран. Если соглашение о ЗСТ будет подписано, условия взаимной торговли останутся такими же, как сейчас, но обе стороны понесут урон, обусловленный ухудшением условий деятельности компаний и банков на территориях друг друга. Однако Великобритания потеряет гораздо больше, поскольку в транснациональных связях британских компаний и банков Евросоюз занимает более важное место, чем она – в транснациональных связях компаний и банков стран ЕС, особенно Германии, Франции и Италии. Чувствительным будет и выход страны из 36 торговых соглашений между ЕС и 58 государствами, предоставившими его товарам льготный доступ на их рынки. На заключение преференциальных торговых соглашений у Лондона уйдет не один год.

В прессе появилось множество оценок общей суммы потерь Великобритании. «Таймс» (11.10.2016), ссылаясь на правительственные документы, сообщила, что, по оценкам британских экспертов, ее потери составят от 47 до 82 млрд долл. Председатель Еврокомиссии Жан-Пьер Юнкер привел другую сумму ее потерь – 58 млрд евро¹²³. В общем, как ни считай, потери Великобритании исчисляются десятками миллиардов в любой из трех валют – евро, долларах или фунтах стерлингов.

Негативными являются и внутривнутриполитические последствия «брекзита». Перечислим их:

– будущее Шотландии в Соединенном Королевстве, которая проголосовала против его выхода из ЕС и готовится, по решению ее парламента, определить свою судьбу на повторном референдуме о выходе из Великобритании до весны 2019 г.;

– крайне опасная эволюция отношений в треугольнике Великобритания – Северная Ирландия – Ирландия, ибо «брекзит» неизбежно влечет за собой восстановление таможен-

¹²¹ Негативные последствия референдума всесторонне рассмотрены в статье: *Бабьнина Л. О.* «Brexit means Brexit». Что означает выход Соединенного Королевства из Европейского союза? // Современная Европа. 2016. № 4.

¹²² См.: *Grant Ch.* Mrs May's emerging deal on Brexit: not just hard, but also difficult // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/policy-brief/2017/mrs-mays-emerging-deal-brexit-not-just-hard-also-difficult>; Bulletin Quotidien European (BQE), № 11742 (Дата обращения: 11.07.2017).

¹²³ Bulletin Quotidien Europe. № 11753, 25.03.2017, point 29.

ной границы между двумя частями Изумрудного острова и отмену свободного передвижения ирландцев через нее;

- будущее Гибралтара, население которого также проголосовало против выхода из ЕС и, не исключено, пожелает присоединиться к Испании в статусе ее провинции;

- раскол в обществе и дестабилизация партийно-политической системы, которые могут усилиться, если и когда экономические последствия «брекзита» отрицательно скажутся на уровне жизни широких слоев населения.

Противопоставить негативным последствиям «брекзита» какие-либо позитивные эффекты его адепты не могут, кроме как восстановление абсолютного государственного суверенитета. Но и здесь их, вероятно, ждет разочарование. Стремясь минимизировать экономические потери, нынешнее и будущие правительства будут искать варианты «мягкого» развода, чтобы сохранить какие-то преференции в экономических отношениях с Евросоюзом. В общем, Великобритании предстоят нелегкие времена.

«Брекзит» как вызов Евросоюзу

Референдум не пройдет бесследно и для Евросоюза. Три вопроса возникают в связи с его результатами: какой ущерб нанесет Евросоюзу выход Великобритании и вызовет ли он «эффект домино»? Какие уроки надо извлечь из британского референдума? Каково будущее ЕС и что надо предпринять для его сплочения и дальнейшего развития?

Негативные для него последствия более или менее очевидны. В их числе:

- названные выше экономические потери. В целом для ЕС, как уже было отмечено, они будут не столь значительны, как для Великобритании, но для ряда стран – Дании, Швеции и особенно для Ирландии, которые наиболее тесно связаны с ее экономикой, ущерб будет чувствительным;

- сокращение удельного веса ЕС в мировой экономике. Британская экономика – вторая после Германии; ее доля в ВВП Евросоюза составляет 16 %, в его экспорте – 13 %, вклада Великобритании в его бюджет – 8,3 %. Экономический потенциал Союза в составе 27 государств значительно уменьшится, и это ослабит его позиции в мировом хозяйстве.

- ослабление позиций Евросоюза как одного из основных субъектов мировой политики, что, по мнению многих экспертов, существенно уменьшит его способность влиять на ход событий как в Европе и прилегающих к ней регионах, так и в глобальном масштабе;

- самым опасным негативным последствием выхода Великобритании, которое дало знать о себе, как только стали известны результаты референдума, является растущее влияние радикальных националистических партий, рвущихся к власти и готовых организовать свой «развод». Эта тенденция проявилась едва ли не в половине государств – членов ЕС. Вызовет ли она «эффект домино» – предмет дискуссий. Во всяком случае, такая угроза возникла и может усилиться, как только выход Великобритании станет явью.

Так выглядят негативные последствия «брекзита» в настоящее время. Через два-три года они могут измениться либо в худшую, либо в лучшую сторону. Это будет зависеть от многих факторов. Какие уроки следует извлечь Евросоюзу из британского референдума? Ответим коротко. Первый урок состоит в том, что недооценка эволюции массового сознания, в том числе настроений «человека с улицы», может обернуться политическим поражением. Согласно проводимым в ЕС опросам общественного мнения, уровень доверия европейских граждан к брюссельской евробюрократии резко снизился. Весной 2007 г. Евросоюзу, то есть его высшим институтам, доверяли 57 % респондентов, осенью 2016 г. – 36 %¹²⁴. Этот фактор не мог не сказаться на итоге референдума. Следовательно, надо искать новые формы коммуникаций между

¹²⁴ Eurobarometer. Autumn 2016. № 86. P. 14.

национальными и наднациональными институтами в ЕС, с одной стороны, и рядовыми гражданами – с другой.

Второй урок заключается в том, что в распределении функций между государствами-членами и высшими органами ЕС возник явный дисбаланс. Нынешнее разделение между двумя уровнями принятия решений было установлено Лиссабонским договором, действующим с декабря 2009 г. В последующие пять-шесть лет, в ходе борьбы с экономическим кризисом и его негативными последствиями, роль Евросовета и Еврокомиссии значительно возросла, и после того как Евросоюз вышел из критической ситуации в экономике, национальные власти ряда стран почувствовали себя ущемленными.

В июне 2013 г. голландское правительство направило в парламент страны доклад о применении принципа субсидиарности в ЕС. В сопроводительном письме оно отметило, что «время для все более тесного союза во всех областях действий осталось позади» и что действия на европейском уровне следует предпринимать только в случае необходимости и в интересах участвующих государств¹²⁵. Такую позицию поддерживают в столицах ряда других стран (помимо Лондона, в Будапеште, Варшаве, Праге и т. д.). Референдум – сигнал к тому, что надо предпринимать практические меры с целью устранения этого дисбаланса.

И последнее: минимизации негативных последствий выхода Великобритании из ЕС может способствовать прогресс в решении упомянутых выше фундаментальных проблем – в экономике, безопасности, межэтнических и межконфессиональных отношениях. Начнем с первой из них.

Будущее экономической Европы

Серьезность возникшей проблемы – как противостоять тенденции к сокращению доли и роли Европы в мировой экономике – встревожила западноевропейские деловые и политические «верхи» в конце прошлого века. К этому времени выяснилось, что Евросоюз не только удручающе отстает от группы динамично развивающихся стран Азии и Латинской Америки, но и потерял преимущество в темпах экономического роста по сравнению с США. В 2000 г. саммит ЕС утвердил в Лиссабоне 10-летнюю программу создания к 2010 г. «самой мобильной и конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях»¹²⁶. Но ее нереальность выявилась еще до экономического кризиса, который окончательно добил ее.

В самые острые годы кризиса (2008–2009 гг.) национальные правительства и высшие институты ЕС действовали по принципу «не до жиру, быть бы живу». Многие сотни миллиардов евро и долларов были затрачены на то, чтобы спасти от банкротства банковскую систему и десятки тысяч предприятий реального сектора, замедлить, насколько возможно, рост безработицы, сокращение доходов трудящихся и поддержать потребительский спрос. В итоге почти во всех странах ЕС резко выросли дефициты бюджетов и внешний государственный долг. Поэтому при первых же признаках возобновления экономического роста, по рекомендации Еврокомиссии и решению Евросовета, была введена в действие жесткая рестриктивная политика с целью снизить до установленных ранее нормативов дефициты национальных бюджетов (3 % ВВП) и внешней задолженности государств (60 % ВВП). Шести странам (Греции, Ирландии, Португалии, Венгрии, Латвии и Румынии), оказавшимся под угрозой дефолта, общими усилиями ЕС и МВФ была оказана экстренная финансовая помощь. Греция и сейчас остается страной с угрожающим внешним долгом (свыше 170 % национального ВВП), «больной» экономикой и сомнительной пропиской в еврозоне.

¹²⁵ Bulletin Quotidien Europe. 26.06.2013. № 10874.

¹²⁶ Lisbon European Council 23 and 24 March (2000). Presidency Conclusions. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm (Дата обращения: 11.07.2017).

Итоги политики ЕС, направленной сначала на преодоление кризиса, а затем на преодоление его отрицательных последствий и возобновление экономического роста, отражены в табл. 6.1.

Таблица 6.1

ЕС. Динамика некоторых экономических показателей (в %)

	2007–2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*	2018*
ВВП								
Еврозона	0,5	–0,6	–0,1	1,5	2,1	1,7	1,5	1,6
ЕС-28	0,6	–0,5	0,2	1,6	2,1	1,8	1,6	1,8
Безработица								
Еврозона	8,5	10,6	11,1	10,5	9,8	9,1	8,8	8,5
ЕС-28	8,5	10,5	10,9	10,2	9,5	9,0	8,3	8,0
Дефицит бюджета (% ВВП)								
Еврозона	–4,1	–3,7	–3,0	–2,6	–2,2	–1,9	–1,6	...
ЕС-28	–4,4	–4,3	–3,3	–3,0	–2,4	–2,0	–1,7	1,6
Государственный долг (% ВВП)								
Еврозона	72,3	88,2	90,5	91,8	89,2	89,0	88,2	87,0
ЕС-28	68,0	85,3	87,4	88,5	86,6	86,0	85,1	83,9

* 2017–2018 – прогноз.

Источник: The European Economic Forecast – Spring 2016, Autumn 2016, Statistical Annex. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/eeip/pdf/ip020_en.pdf.

Дефицит бюджета в 2007–2011 гг.: The European Economic Forecast – Autumn 2012.

ЕС преуспел в снижении дефицитного бюджета до установленного норматива, но заплатил за это двухлетней рецессией (2012–2013 гг.). Напротив, уровень государственных долгов не только не снизился, но продолжал расти вплоть до 2014 г. и лишь после этого начал снижаться, однако черепашьими темпами. В ряде стран он превышает 100 % ВВП. Уровень безработицы начал падать с 2014 г., но, согласно прогнозам, в 2018 г. будет все еще выше, чем в 2007 г., накануне мирового экономического кризиса. Экономический рост продолжается четвертый год, но задача увязки финансовой стабилизации с устойчивым ростом на политически и социально приемлемом уровне 2,5–3 % в год остается головоломкой для большинства государств-членов, для еврозоны и ЕС в целом. По темпам роста ВВП ЕС по-прежнему отстает и от США, и особенно от развивающихся стран. Большинство государств-членов испытывают трудности на мировых рынках. За последние 10 лет (2007–2016 гг.) у 14 стран-членов (включая Великобританию и Францию) сальдо торгового баланса было полностью или преимущественно отрицательным, у 11 стран (включая Германию и Италию) – положительным¹²⁷. Нельзя не увидеть связи между недостаточным экспортным потенциалом большинства стран ЕС и динамикой рейтинга их конкурентоспособности: в течение 2007–2016 гг. он снизился у 16 стран ЕС (в том числе Франции), повысился – у 11, не изменился у Германии¹²⁸.

В Брюсселе и столицах стран ЕС уже несколько лет идут дискуссии о том, как совместить рестриктивную политику с мерами стимулирования экономического роста и выполнением обширных социальных программ, рожденных во времена становления политики «государства благосостояния». Главными оппонентами стали две страны, с 1950-х гг. игравшие роль сдвоенного локомотива европейской интеграции. Теперь они оказались на разных полюсах – Германия, с ее положительными показателями роста ВВП, внешней торговли, сальдо торгового баланса и другими свидетельствами здоровой экономики, и Франция с минусовыми показате-

¹²⁷ The European Economic Forecast – Spring 2016, Statistical Annex. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/eeip/pdf/ip020_en.pdf. (Дата обращения: 11.08.2017).

¹²⁸ The Global Competitiveness Report 2014–2015. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.liberinellagora.it/wp-content/uploads/2014/09/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15-part-1.pdf (Дата обращения: 11.08.2017).

лями по тем же параметрам. Берлин выступал за продолжение политики жесткой экономии и финансовое оздоровление, Париж – за смягчение этой политики и стимулирование экономического роста. Активнейшую роль в продвижении этого курса играл президент Франции Франсуа Олланд. Его позицию поддержало большинство стран ЕС, находившихся по своим экономическим показателям ближе к Франции, нежели к Германии.

Принятие курса ЕС на стимулирование экономического роста связано с именем нового председателя Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера, неоднократно премьер-министра Люксембурга и, несомненно, политика европейского масштаба. Избранный на этот пост в ноябре 2014 г., он сразу же приступил к подготовке программы, главная задача которой состояла в стимулировании инвестиционного процесса и структурных реформ в экономике стран ЕС. 18 декабря Евросовет одобрил программу Комиссии, включая создание Европейского фонда стратегических инвестиций (ЕФСИ), с целью мобилизовать в течение 2015–2017 гг. 315 млрд евро для финансирования перспективных инновационных проектов, представляющих общий интерес для Евросоюза или группы его государств-членов¹²⁹. Официально Фонд учрежден в июле 2015 г. Приоритетными сферами его инвестиционной деятельности являются: стратегическая инфраструктура в цифровых технологиях, транспорте и энергетике; образование, исследования и инновации; производство возобновляемой энергии и эффективное использование ресурсов; поддержка малого и среднего бизнеса. С момента своего основания по конец 2016 г. ЕФСИ начал финансирование инвестиционных проектов во всех странах Союза на общую сумму 138,3 млрд евро¹³⁰. Первых существенных результатов его усилий, как и всего нового экономического курса ЕС, следует ожидать не ранее конца нынешнего десятилетия.

Что касается общей экономической стратегии ЕС, то в марте 2010 г. Евросовет одобрил программу «Европа 2020», целью которой объявлен «умный, устойчивый и инклюзивный рост»¹³¹. Ключевым фактором для создания инновационной экономики, ускорения темпов ее роста и повышения конкурентоспособности является существенное увеличение расходов на науку и технологию, а также резкое сокращение времени между научно-техническими достижениями и их внедрением в производство. И в том, и в другом Европа все еще значительно отстает от США и Японии, обогнала ее Южная Корея, заметно приблизился Китай. Европейский бизнес в целом менее мобилен и более осторожен в реализации инновационных проектов, чреватых риском.

Но дело не только в этом. Для повышения конкурентоспособности европейской экономики надо решиться на проведение непопулярных реформ, включая пересмотр социальных стандартов, сокращение доли социальных расходов в государственных бюджетах и т. п. В ряде стран ЕС такие попытки уже предпринимались. Население отвечало на них массовыми акциями, за которыми следовали правительственные кризисы и досрочные выборы парламентов. Возвращаться к временам социальной нестабильности не желают ни политические «верхи», ни деловые круги, ни население.

Тормозит реализацию экономической стратегии ЕС и большой разрыв в национальных уровнях развития. Процесс экономической конвергенции, наблюдавшийся в 1990-е и первой половине 2000-х гг., с наступлением кризиса прекратился. Возобновится ли он, когда и как интенсивно – мы не знаем.

¹²⁹ Bulletin Quotidien Europe. 27.11.2015. № 11439, point 19; The European Fund for Strategic Investments. См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://era.gv.at/directory/222> (Дата обращения 11.08.2017).

¹³⁰ [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/priorities/jobs-growth-and-investment/investment-plan_en (Дата обращения 11.08.2017).

¹³¹ European Council (24/25 March 2011) – Conclusions // Europe/Documents, № 2550. Supplement to BQE, № 10345, 26.03.2011. Слово «инклюзивный» (inclusive) подразумевает рост, ориентированный на повышение занятости и уменьшение бедности.

И последнее по месту, но не по значению: осуществлению экономической стратегии ЕС не могут не вредить два острейших кризиса – европейской безопасности и иммиграционный. Так что решение фундаментальной задачи – отстоять и по возможности упрочить место Европы в мировой экономике – надолго войдет в число важнейших направлений деятельности Евросоюза.

Кризис в сфере общей внешней политики и безопасности

Исходя из критерия актуальности, эту тему следовало бы начать с анализа нынешней ситуации на Украине и противостояния между Россией и Западом. Но, поскольку изменения, произошедшие за последние два года в европейской и мировой политике, носят фундаментальный характер, имеет смысл напомнить о том, что «единая Европа» мыслилась первоначально как политический союз – Европейская федерация, с единым парламентом, единым правительством, единой армией. Однако попытки реализовать этот проект, предпринятые в 1950–1960-е гг., потерпели провал. Ни одно государство не было готово поделиться с федерацией своими полномочиями в области внешней политики, безопасности и обороны. Западная Европа пошла по пути экономической интеграции.

Ситуация изменилась к концу 1980-х – началу 1990-х гг. «Евросоюз ближе к концу XX в. представлял собой настолько мощное экономическое объединение, что оно неизбежно требовало придания ему прочных политических и военных возможностей»¹³². Благоприятствовала этому и новая геополитическая ситуация – завершение холодной войны, новая внешняя политика советского руководства во главе с М. Горбачёвым, а затем крах коммунизма в Восточной Европе и распад Советского Союза. В 1992 и 1997 гг. было учреждено два новых направления деятельности ЕС – Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО). В 2011 г. была создана Европейская служба внешнеполитической деятельности, функционально аналогичная министерству иностранных дел. ОВПБ действует уже четверть века, ЕПБО (после принятия Лиссабонского договора – ОПБО) – 20 лет. Некоторые конкретные акции ЕС, больше – в рамках ОВПБ, меньше – в ОПБО, были успешными¹³³. Однако в достижении стратегических целей он не преуспел. И хотя его действия в этих сферах мотивировались, помимо конкретных причин, стремлением устранить контраст между двумя его образами – «экономического гиганта» и «политического карлика», – Евросоюз так и не вышел в политической сфере на тот уровень престижа и влияния, который он имеет в международных экономических отношениях. Итоги его политики в области европейской и глобальной безопасности следует оценить как очень скромные, а по ряду важнейших направлений – как провальные. Причин здесь несколько.

Во-первых, государства ЕС тщательно оберегают свой суверенитет в области внешней политики и обороны. Это особенно относится к Франции, Великобритании и Германии, воспринимающих себя, прежде всего, как самостоятельных субъектов мировой политики и лишь потом – в качестве участников ОВПБ и ОПБО. Активную внешнюю политику проводят и другие государства – Италия, Испания, Польша, Швеция и т. д. Во-вторых, внешнеполитические приоритеты стран ЕС не одинаковы, а в своем подходе к конкретным событиям на мировой арене они подчас расходятся и даже занимают полярные позиции. В таких случаях ЕС вообще не может осуществлять общую внешнюю политику из-за отсутствия консенсуса.

¹³² Журкин В. В. Военная политика Евросоюза. М.: Международные отношения: Институт Европы РАН, 2014. С. 40.

¹³³ Анализ этих направлений деятельности ЕС посвящены многие работы. Помимо упомянутой работы В.В. Журкина см.: Арбатова Н. Роль ЕС в системе европейской безопасности после Лиссабонского договора // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. М.: Весь Мир, 2012; Данилов Д. А. Европейская безопасность в перспективе // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М.: Весь Мир, 2014.

Среди конкретных инициатив в рамках ОВПБ, призванных укрепить безопасность Европы, пожалуй, самой неудачной была идея создания «пояса добрососедства» на внешней периферии ЕС. Сначала провалилась программа Евро-Средиземноморского партнерства, охватывавшая ЕС и 12 государств Северной Африки и Ближнего Востока, от Мавритании до Турции. Причины провала коренились, с одной стороны, в дестабилизирующих процессах и событиях, происходивших во многих из этих стран, а с другой – в концепции партнерства, предложенной Евросоюзом, и политике Запада в этих регионах. В основе концепции ЕС лежала идея «обмена» его помощи развитию этих стран на признание их «верхами» ценностей западной демократии и готовность руководствоваться ими во внутренней политике. Иллюзорность этой идеи выявилась очень скоро. А «похоронили» ее США с их «силовой» политикой – сначала вторжением в Ирак, затем агрессией в Ливии и, наконец, поддержкой сирийской оппозиции, выступившей против режима Башира Асада, включая помощь оружием. Во всех этих случаях целью Вашингтона было свержение диктаторов, а результатом – распад трех государств, рождение фундаменталистского квазигосударства ИГИЛ, война «всех против всех» на Ближнем Востоке и миллионы беженцев, хлынувших в Европу. За все эти годы ЕС не проявил себя как единое целое. Напротив, он был разобщен. Великобритания и большинство стран ЦВЕ и прибалты поддерживали действия Вашингтона, тогда как Германия и Франция, вместе с Россией, осудили в 2003 г. вторжение США и их союзников в Ирак. Военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии вновь разделило их: Вашингтон, Париж и Лондон поддержали, а Берлин воздержался.

Столь же амбициозной была принятая в 2008 г. программа Восточного партнерства (ВП). Ее провал на саммите ВП в Вильнюсе (ноябрь 2013 г.), последовавший вслед за этим политический кризис на Украине и, наконец, вмешательство в этот кризис России – фактически взорвали действовавшую 40 лет систему европейской безопасности. В ней и раньше появлялись трещины. Теперь она в руинах. Европа вернулась в состояние конфронтации между Западом и Россией. Тем не менее из трех ее главных участников – США, ЕС и России – два последних определенно не заинтересованы в том, чтобы она надолго затянулась. Это не только наносит им огромный экономический ущерб, но и чревато, в случае дальнейшего ухудшения ситуации, войной между Россией и Украиной, последствия которой непредсказуемы. Внутри ЕС к тому же возникла новая линия размежевания – между странами, которые настаивают на «жестком» подходе к России и усилении применяемых к ней санкций, и их оппонентами, выступающими за нормализацию отношений и постепенную взаимную отмену санкций. Так или иначе, создание новой системы безопасности в Европе при обязательном участии России становится для ЕС делом приоритетной важности. Контакты между ЕС и Россией возобновлены на разных уровнях и в разных формах – в рамках «Нормандской четверки» и ОБСЕ, по дипломатическим каналам, в двухсторонних отношениях между Россией и некоторыми государствами – членами ЕС. Однако реальные сдвиги в лучшую сторону пока не просматриваются.

Что касается ОПБО, то в актив ей можно занести более трех десятков военных операций и гражданских миротворческих миссий, главным образом в Африке. Но в достижении стратегических целей этой политики Евросоюз почти не продвинулся, сколько-нибудь значительный собственный военный потенциал не создал и самостоятельной военной силой не стал. Практически ничего не сделано и для того, чтобы увеличить вес и влияние Евросоюза в НАТО. Суммарные военные расходы европейских участников Альянса в несколько раз уступают военным расходам США. И только теперь, в ответ на события в Крыму и на юго-востоке Украины, в ЕС вспомнили о давней и надолго забытой идее создания «Европейской армии». Преобразуются ли слова в дела? Поживем – увидим.

Стратегия Евросоюза в сфере внешней политики, безопасности и обороны требует глубокого обновления. Но этого недостаточно. Главной трудностью для ЕС в этой сфере деятельности является не разработка, а реализация стратегии. Он так и не стал федерацией или кон-

федерацией, имеющей достаточные для этого полномочия. Только при этом условии ЕС станет полноценным субъектом мировой политики и в этом качестве будет воспринят другими ее важнейшими участниками. Однако передачи полномочий в данной области на наднациональный уровень не хотят ни «верхи», ни «низы» большинства государств – членов ЕС.

Иммиграционный кризис: «второе нашествие варваров» или иное?

В нынешнем иммиграционном кризисе есть две составляющие – коллапс системы регулирования миграционных потоков как внутри ЕЭС/ЕС, так и между ним и другими странами, главным образом азиатскими и африканскими, и фундаментальная проблема сосуществования двух цивилизаций – европейской (в основе своей христианской) и арабской (мусульманской).

Первая тема обстоятельно рассмотрена в одной из глав данной монографии¹³⁴, и мы лишь кратко напомним об истории становления миграционной политики ЕС. С миграцией Европа знакома испокон веков. Нынешняя глава в ее истории началась в 1950-е гг., когда развитые западноевропейские страны, вступив в период экономического роста, столкнулись с острым дефицитом рабочей силы, особенно неквалифицированной. За минувшие 60 лет в этой сфере жизни изменилось все. Расчет на то, что политика «открытых дверей» для гастарбайтеров носит временный характер, не оправдался, они стали постоянным фактором экономического развития многих стран – участниц ЕС. Изменилась его концепция иммиграционной политики, пересмотрено и расширено его законодательство, регулирующие условия труда и жизни иммигрантов, их гражданский статус. Наконец, резко изменился их этнический и конфессиональный состав; основной поток иммигрантов идет из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Эта тенденция обозначилась в 1990-е и нарастала все последующие годы. В 2014–2016 гг. поток беженцев из охваченных междоусобными войнами государств (Сирия, Ирак, Ливан) превратился в лавину, которая смела все кордоны на южной границе Союза. Его высшие институты вместе с правительствами ряда государств-членов, через которые или в которые идет основной поток иммигрантов-нелегалов, принимают экстренные меры с целью восстановления контроля над иммиграцией, устройства беженцев и преодоления возникшего кризиса. Они рассчитаны на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Вместе с тем нынешний иммиграционный кризис обнажил и актуализировал фундаментальную проблему сосуществования двух цивилизаций – европейской и мусульманской, которую Евросоюзу, да и всей Большой Европе, включая Россию, предстоит решать в течение XXI в. Проблема адаптации мусульманского населения к условиям, нормам и правилам жизни в Европе возникла не сегодня и не вчера. Политика его ассимиляции была обречена, и если такие попытки предпринимались, то неизменно терпели фиаско. Сменившая ее концепция «мультикультурализма» теперь, по истечении 20–25 лет, почти единодушно объявлена в Европе провалившейся. Такая оценка слишком категорична. Преобразование Европы в многограсовое сообщество, где будут мирно сосуществовать две мировые религии и основанные на них культуры, требует длительного времени, и первые явные успехи в реализации этой концепции могли бы проявиться, вероятно, через несколько десятилетий.

Решение этой задачи осложнялось еще и тем, что, в отличие от других возникших в Западной Европе диаспор (польской, русской и т. д.), первое поколение мигрантов-мусульман с самого начала расселялось компактно, образуя в предместьях крупных городов своего рода «резервации», в которых воссоздавались порядки, обычаи и культура страны исхода. Их унаследовали дети и внуки, родившиеся и выросшие уже на новом месте, но сохранившие вер-

¹³⁴ Потёмкина О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Европа XXI века: новые вызовы и риски. М.: Нестор-История, 2017. С. 286–304.

ность традициям прародин. Тем не менее в повестке «верхов» ЕС эта проблема не входила в число первоочередных. Теперь она стала проблемой *номер один*. Во-первых, за последние 25 лет численность мусульманского населения в ЕС, странах-кандидатах, а также Швейцарии и Норвегии удвоилась. С учетом иммигрантов-нелегалов, к началу иммиграционного кризиса доля мусульман в населении этого региона увеличилась до 6 %. Согласно прогнозам, к 2030 г. она возрастет до 8 %, а к концу века – до 25 %. За последние три с половиной года в страны ЕС прибыли еще около 3 млн иммигрантов, в подавляющем большинстве мусульман. Их доля и дальше будет *увеличиваться* за счет более быстрого естественного прироста, а также иммиграции, даже в том случае, если последняя будет поставлена под контроль.

Во-вторых, за те же четверть века набрал силу исламский фундаментализм. Его базой и авангардом стало созданное в 2014 г. так называемое Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), выступающее с позиций религиозного фанатизма и экстремизма. Сегодня ИГИЛ несет в себе главную угрозу благополучию и безопасности народов другой религии и культуры. Одним из основных направлений своей экспансии ИГИЛ избрал Европу. Его цель – господство в мусульманских диаспорах и вербовка молодежи для организации массового террора. О том, как это будет выглядеть, европейцы теперь знают после террористических актов в Париже и Брюсселе, Ницце и Мадриде, Лондоне и Берлине. Борьба с этим злом требует консолидации всех государств, независимо от их системы ценностей и общественного строя.

Одно из препятствий на этом пути, помимо прочих, состоит в том, что в Европе обозначились две тревожные тенденции. С одной стороны – экспансия исламского фундаментализма, с другой – рост национализма, правого и левого радикализма, влияние которых на коренное население европейских стран явно усилилось. Истоки второй тенденции различны. Отчасти она является следствием минувших кризисов, сложных отношений между государствами – членами ЕС и его институтами, недоверия населения к брюссельской евробюрократии, навязывающей, по его мнению, национальным правительствам чересчур жесткую экономическую и социальную политику. Но основной стимулятор – возросший приток легальных и нелегальных иммигрантов из мусульманских стран. Они воспринимаются большинством коренных европейских жителей как «чужаки». Контакты с ними устанавливаются с трудом из-за языковых, ментальных и психологических барьеров. Типичный рядовой европеец склонен видеть в каждом иммигранте-мусульманине скрытого террориста. В силу этих обстоятельств растущая поддержка национализма и радикализма коренным населением европейских стран представляется пока неизбежной и потенциально взрывоопасной.

Очевидно, в каждой европейской стране предстоит разработать собственную стратегию налаживания нормальных отношений между мусульманской диаспорой и коренным населением, а также борьбы со «своими» национал-радикалами. Определить стратегию, методы и механизмы ее осуществления, адресовав их всем политическим партиям и общественным силам, выступающим с позиций здравого смысла, – это задача на весь XXI в.

Перспективы: быть ли Европейскому союзу?

Вызовет ли «брекзит» «эффект домино»? Сторонников положительного ответа в ЕС немало. Достаточно прочесть заявления Марин Ле Пен или лидера голландских правых радикалов Герта Вилдерса. На наш взгляд, этот сценарий маловероятен. Прежде всего, по экономическим причинам: если Великобритания, несмотря на предстоящие огромные потери, останется в десятке мировых экономических лидеров, то для большинства малых и средних стран – участниц Евросоюза выход из единого внутреннего рынка и потеря таких источников финансовых поступлений, как бюджет и разнообразные фонды ЕС, чреваты экономической катастрофой. В политическом плане ответом на рост национализма, правого радикализма и популизма стала консолидация партий, выступающих с позиций здравого смысла и ставящих своей целью

преодоление кризиса и дальнейшее развитие европейской интеграции. Свидетельством такой тенденции являются результаты выборов в парламент Нидерландов (март 2017), а также президентские и парламентские выборы во Франции (апрель-июнь 2017).

Исключить возможность победы националистов в той или иной стране нельзя, но это не означает, что она неизбежно покинет ЕС. Примерами тому служат Венгрия и Польша, где националистические партии стоят у власти несколько лет. Но ситуация может измениться. Негативная эволюция отношения граждан к ЕС, происходившая в течение последних 10 лет, приблизилась к опасной черте. Если весной 2007 г. респонденты с позитивным и негативным образом Евросоюза соотносились как 52 к 15, то осенью 2016 г. – как 35 к 25. Та же тенденция наблюдается в ответе на вопрос о будущем Союза. За тот же период доля евро-оптимистов в ЕС-28 упала с 69 до 50 %, доля евро-пессимистов выросла с 24 до 44 %. В Австрии, Греции и, что особенно тревожно, во Франции и Италии евро-пессимисты имеют некоторый перевес¹³⁵. Налаживание диалога между теми, кто принимает и реализует решения, и населением становится жизненно важной задачей.

Евросоюзу предстоит сконцентрировать свои усилия на двух направлениях. С одной стороны, осуществить экстренные меры с целью восстановления контроля над иммиграцией и устройства беженцев, а также кратко- и среднесрочные программы в области экономики и безопасности, с другой – определить стратегию дальнейшего развития европейской интеграции. Все, что относится к первому направлению – принятым решениям и ходу их выполнения, – изложено в предыдущих разделах. Что касается второго направления, то в ЕС, да и за его пределами развернулись жаркие дискуссии по поводу будущих моделей развития. 1 марта 2017 г. Европейская комиссия представила доклад «Белая книга о будущем Европы: Пути сохранения единства в рамках Союза 27 стран»¹³⁶. В нем изложено пять сценариев развития ЕС, различия между которыми не сформулированы достаточно четко. Их можно свести к четырем вариантам:

- ничего не менять в стратегии и продвигаться вместе вперед, концентрируя усилия на выполнении позитивной повестки в областях, где возможен эффективный практический результат;
- дальнейшее расширение полномочий высших институтов ЕС, продвигаясь к созданию политического союза, то есть к Европейской федерации;
- ренационализация некоторых полномочий, делегированных Союзу его участниками, при сохранении и укреплении его экономической основы – единого внутреннего рынка;
- гибкая интеграция, когда одни государства создают группу «продвинутого сотрудничества», а другие не участвуют в углублении интеграционных процессов.

Эти предложения станут предметом дискуссии, итоги которой Ж.-К. Юнкер *намеревается подвести* в сентябре, выступая в Европарламенте. Там же он сформулирует конкретные предложения Комиссии. В декабре 2017 г. Европейский совет, как ожидается, примет дорожную карту дальнейшего строительства Евросоюза.

Между тем в политических и экспертных кругах предлагаются и другие модели будущего Евросоюза¹³⁷. На наш взгляд, они сводятся к трем основным:

- дальнейшее расширение полномочий ЕС с целью более действенного контроля и управления и создание в конечном счете политического союза;

¹³⁵ Standard Eurobarometer № 86, Autumn 2016. P. 14, 15, 19.

¹³⁶ White Paper of the Future Europe // [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (Дата обращения: 11.08.2017).

¹³⁷ Из российских экспертов см.: Кавешников Н. Ю. Об альтернативах развития Евросоюза в ближайшие годы // [Электронный ресурс]. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/evropeyskiy-soyuz-varianty-budushchego> (Дата обращения: 11.08.2017); Бабьшина Л. О. «Brexit means Brexit». Указ. соч.

– существенное перераспределение функций контроля и управления между Евросоюзом и государствами-членами в пользу последних, при сохранении за его институтами полномочий главным образом в области экономической интеграции;

– гибкая интеграция.

Что касается первой модели, то идея федеральной Европы и сейчас популярна среди европейских политиков, но реализовать ее в разнородном объединении 27 государств невозможно. Сторонниками второй модели являются, в той или иной мере, все государства, причем их правительства, выступившие с таким предложением, будут поддержаны большинством политических партий и общественным мнением. Однако этот сценарий может быть реализован не иначе как в комбинации с гибкой интеграцией. Одна из ее форм – интеграция «на разных скоростях». Эта модель стала легитимной после того, как в Маастрихтском договоре 1992 г. было зафиксировано право Великобритании и Дании не участвовать в ЭВС, который был создан в 2002 г. в составе 12 государств-членов из 15. За его пределами, помимо Британии, остаются Дания и Швеция, а также шесть государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже.

Главной причиной разноскоростной интеграции стал огромный разрыв в уровнях экономического и социального развития стран – участниц ЕС. Процесс их конвергенции, наблюдавшийся в 1990-х и начале 2000-х гг., был прерван мировым экономическим кризисом и не возобновился до сих пор. Этим разрывом, а также другими факторами политического и культурного характера объясняется различная степень готовности участников ЕС к углублению интеграции. Поэтому в Лиссабонском договоре за государствами, желающими идти вперед, впервые закреплено право объединяться в группы «продвинутого сотрудничества». Другим, близким к названному, является вариант интеграции с «меняющейся геометрией» в тех случаях, когда состав таких групп или, что уже имеет место, состав еврозоны меняется в ту или иную сторону. Оба сценария гибкой интеграции обусловлены возросшей дифференциацией между его участниками, которая может привести к разделению Союза на центр и периферию или к фрагментации, появлению в нем трех-четырех субрегиональных сообществ. Проблема взаимодействия ЭВС с остающимися за его пределами странами будет постоянным предметом внимания и забот высших институтов Евросоюза и его участников.

Ключевые задачи ЕС как на ближайшую, так и на дальнюю перспективу могут быть изложены в двух словах – консолидация и реформы. Авангардом сплочения будут, прежде всего, государства-учредители ЕОУС и ЕЭС плюс пять-шесть государств – «старожилов» (Испания, Португалия, Дания) и вступивших позже стран, наиболее эффективно использовавших участие в экономической интеграции (Финляндия, Эстония, Словакия и др.). Многое зависит от того, сумеют ли Германия и Франция вернуться на тот уровень взаимодействия, благодаря которому они в течение полувека выступали в роли сдвоенного локомотива, тянувшего за собой расширявшийся состав участников европейской интеграции. Неизбежной представляется многосторонняя реформа, охватывающая институциональную систему ЕС, функционирование единого внутреннего рынка, ЭВС и Шенгенской системы, коррекцию внутренней и внешней политики и т. д. Учитывая разнородность ЕС-27, реформы будут проводиться осторожно и неспешно. Успех этих усилий будет зависеть от многих условий, прогнозировать которые пока невозможно.

В «Белой книге» нет ни слова о дальнейшем расширении ЕС. Вероятно, по той причине, что в 2016 г. был объявлен пятилетний мораторий на вступление в него стран-кандидатов. Впрочем, официальная позиция Брюсселя не изменилась. Албания, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония и Черногория продолжают подготовку к вступлению, и, если не произойдет ничего непредвиденного, перспектива членства в ЕС откроется перед ними после 2021 г. На этом расширение Евросоюза, вероятно, закончится. Включенное в список Косово не будет принято до тех пор, пока его не признают как суверенное государство все участники ЕС, а некоторые из них упорно не желают сделать это. Турция, которая является самым давним пре-

тендентом на вступление, не будет принята в ЕС никогда. Перспектива увеличения численности мусульманской диаспоры на 80 млн человек представляется большинству коренных европейцев неприемлемой. На членство в Евросоюзе претендуют также Украина и Молдова, но в Брюсселе уже неоднократно объявляли, что в качестве кандидатов на вступление они не числятся. Из трех европейских стран, остающихся вне ЕС, Исландия недавно объявила, что она пересмотрела свою позицию и вливаться в его ряды не намерена. Норвегия и Швейцария интегрированы в Европейское экономическое пространство, вступили в Шенгенскую систему, и это их устраивает.

И последнее: при том весьма неустойчивом балансе между «евро-оптимистами» и «евро-пессимистами», который находит отражение в опросах Евробарометра, разработанные политическими «верхами» сценарии дальнейшего развития ЕС могут быть перечеркнуты настроениями низов, как это произошло в Великобритании.

Образ «единой Европы» явно потускнел и расплылся. Звездная идея Европейской федерации с горизонта исчезла, а другой зажигательной идеи – нет. И политических лидеров, равных по масштабу, целеустремленности и энергии творцам европейской интеграции, – тоже пока нет.

Все сказанное – не реквием по Евросоюзу. В пользу его существования и, если сложатся более благоприятные условия, возобновления его динамики действуют три важнейших фактора. Во-первых, за свою более чем 60-летнюю историю ЕС выдержал не одно испытание на прочность и накопил бесценный опыт. Во-вторых, входящие в него страны находятся в состоянии глубочайшей взаимозависимости. В-третьих, отстоять свою самостоятельность, сохранить достойное место в мировой экономике и обеспечить свою внутреннюю и внешнюю безопасность они могут только сообща. Как будут соотноситься эти факторы с политикой ЕС, его способностью решать рассмотренные выше фундаментальные проблемы, предсказать невозможно. Евросоюз находится на перепутье. Сумеют ли его лидеры выбрать тот путь, который укрепит его единство? Опыта Евросоюзу не занимать, но и задачу ему предстоит решить наитруднейшую.

Глава 7. Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации

Среди интеграционных проектов, реализация которых началась после Второй мировой войны, самым продвинутым считается Европейский союз. Показателем его успеха стало последовательное расширение состава участников ЕС и углубление интеграции. Обладая мощным импульсом развития, Европейский союз включил в орбиту своего влияния все страны Европы, распространяя на них свои нормы, правила и практики. И хотя некоторые государства Старого Света так и не стали полноценными членами ЕС в силу собственных желаний или возможностей, участие в различных проектах Евросоюза является для них насущной необходимостью. В результате в настоящее время существует несколько интеграционных форматов в Европе, которые различаются степенью вовлеченности их участников в проекты Европейского союза и, соответственно, уровнем воздействия ЕС на них. Кроме того, в самом ЕС существуют разные уровни участия государств-членов в интеграционных проектах Союза, что обусловлено наличием определенного скепсиса в отношении расширения наднациональных полномочий.

В начале XXI в. поступательное и успешное развитие Европейского союза оказалось прерванным. Череда кризисов, настигнувших ЕС, привела к необходимости корректировать направление развития интеграции и поставила вопрос о новых целях и методах реализации интеграционного процесса. С одной стороны, необходимость отвечать на насущные вызовы сегодняшнего дня объективно ведет к углублению интеграционного процесса. С другой стороны, передача все больших полномочий на наднациональный уровень вызывает сопротивление у ряда стран ЕС и его партнеров. Квинтэссенцией кризисных явлений стал референдум в Великобритании о выходе из ЕС. По итогам референдума в марте 2017 г. британское правительство активировало статью 50 Лиссабонского договора о выходе из состава Союза. Необходимость поиска нового формата сотрудничества между ЕС и Соединенным Королевством актуализировала интерес к функционированию альтернативных членству в Европейском союзе форматов интеграции.

Интеграционные форматы в Европе

Параллельно с образованием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) по инициативе Великобритании и Швейцарии была создана Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ)¹³⁸. ЕАСТ представляла собой иную модель интеграции, так как не предусматривала наличие наднациональной составляющей, ее главной целью было упростить и интенсифицировать взаимную торговлю входящих в ассоциацию государств. К концу 1960-х гг. между членами ЕАСТ были ликвидированы все таможенные пошлины и количественные ограничения в торговле промышленными товарами, а к началу 1970-х гг. в ЕАСТ был завершен процесс создания зоны свободной торговли. Однако ЕАСТ не смогла составить достойную конкуренцию ЕЭС, и постепенно входившие в нее страны, начиная с самой Великобритании, пополняли ряды ЕЭС/ЕС. Стало очевидным, что члены ЕАСТ будут вынуждены искать новый формат отношений с Сообществом. В результате в 1972 г. все государства ЕАСТ заключили с ЕЭС двусторонние соглашения о свободной торговле промышленными товарами, на основе которых было осуществлено взаимное снижение таможенных пошлин.

После краха биполярной системы председатель Европейской комиссии Ж. Делор предложил государствам ЕАСТ присоединиться к Единому внутреннему рынку ЕС, не вступая в

¹³⁸ Соглашение о создании ЕАСТ вступило в силу в 1960 г., первоначально в нее входили Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария.

Евросоюз¹³⁹. Такая «интеграция без членства» позволила бы странам ЕАСТ получать экономические преимущества, не усложняя структуру ЕС. Однако замысел Ж. Делора не был реализован в первоначальном виде. В 1989–1992 гг. пять государств ЕАСТ (Австрия, Финляндия, Швеция, Швейцария и Норвегия) подали заявки на вступление в Европейский союз.

В 1992 г. 12 стран – членов ЕС и семь¹⁴⁰ государств ЕАСТ подписали соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП). В том же году население Швейцарии с минимальным перевесом отклонило на референдуме присоединение страны к ЕЭП¹⁴¹, после чего правительство заморозило заявку на вступление в Европейский союз. В 1995 г. Австрия, Швеция и Финляндия присоединились к ЕС, Норвегия в очередной раз на референдуме отвергла полноценное членство в Евросоюзе. Тем не менее Европейская ассоциация свободной торговли продолжает существовать в составе четырех государств (Норвегия, Исландия, Швейцария и Лихтенштейн), параллельно с форматом ЕЭП.

Европейское экономическое пространство – наиболее приближенный в настоящее время к полноценному членству интеграционный формат, помимо стран ЕС в него входят три страны ЕАСТ – Норвегия, Исландия и Лихтенштейн. Институциональные рамки ЕЭП включают два руководящих института – Совместный Комитет и Совет на уровне министров.

Соглашение о ЕЭП¹⁴² обеспечивает этим странам доступ к Единому внутреннему рынку ЕС и регулирует сотрудничество в тесно связанных с «четырьмя свободами» областях, таких как защита прав потребителей, корпоративное законодательство, защита окружающей среды, некоторые аспекты социальной политики. Одним из важнейших положений Соглашения является гарантия равных условий конкуренции на всем пространстве ЕЭП, которую обеспечивает Европейский союз¹⁴³. Сотрудничество между государствами в рамках ЕЭП распространяется также на смежные сферы, важные для социально-экономического развития, такие как исследования и инновации, образование, социальная политика, развитие малого и среднего бизнеса, туризм, информационные службы, аудио-видео сектор, защита гражданских прав. В то же время из сотрудничества в рамках ЕЭП исключены сельское хозяйство и рыболовство, имеющие принципиальное значение для Норвегии и Исландии. На три страны ЕАСТ не распространяется действие региональной политики ЕС. Свобода передвижения в рамках ЕЭП не предполагает изъятий и транзитных периодов.

В компенсацию за членство в ЕВР Норвегия, Исландия и Лихтенштейн обязаны нести финансовые расходы на реализацию проектов ЕВР наравне с государствами – членами ЕС, инкорпорировать в национальное право все законы в рамках ЕВР. Три страны ЕАСТ имеют возможность участвовать в обсуждении будущих решений, но не в процедуре их принятия, что автоматически приведет к росту демократического дефицита при включении законодательства ЕС в национальное право. Страны, входящие в ЕЭП, признают юрисдикцию Суда ЕС. И хотя Норвегия, Исландия и Лихтенштейн имеют возможность отклонять некоторые законодательные акты ЕС, Комиссия отслеживает транспозицию законодательства и имеет рычаги влияния для достижения его полной имплементации. По оценке норвежских экспертов, страна перенесла в национальное право около 75 % законодательства ЕС¹⁴⁴.

¹³⁹ Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М.: Международные отношения, 2003. С. 293–294.

¹⁴⁰ Австрия, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция.

¹⁴¹ Votation populaire du 6 décembre 1992 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.ch/ch/f/pore/va/19921206/index.html> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁴² Agreement on the European Economic Area. (1994). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efta.int/media/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEAagreement.pdf> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁴³ Следует отметить, что обеспечение правил конкуренции в рамках ЕВР находится в исключительной компетенции Союза.

¹⁴⁴ Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Outside and Inside: Norway's agreements with the European Union. Official Norwegian Reports NOU 2012: 2 Chapter 1. Oslo, 2012.

Страны ЕЭП не попадают под действие общей торговой политики ЕС и не входят в таможенный союз ЕС. С одной стороны, это позволяет им заключать собственные торговые соглашения с различными странами мира, а с другой – исключает их из существующих соглашений о свободной торговле Евросоюза. Кроме того, если в товарах, экспортируемых странами ЕАСТ в ЕС, велика доля компонентов, произведенных в «третьих странах», то ЕС применяет к ним свои внешние тарифы.

Сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел, безопасности и обороны находится вне рамок Соглашения о ЕЭП и развивается параллельно через заключение отдельных соглашений. Таким образом, формат ЕЭП дополняется членством Норвегии, Исландии и Лихтенштейна в шенгенской зоне, участием в проектах полицейского сотрудничества и представительством в различных агентствах ЕС, а также участием в отдельных миссиях и операциях Евросоюза. Согласно решению Совета о применении шенгенских правил в странах Северной Европы¹⁴⁵, Норвегия и Исландия могут участвовать в разработке шенгенского законодательства, но без права принятия решений. Все три страны инкорпорировали в национальное право законодательные акты, относящиеся к шенгенскому сотрудничеству, присоединились к Дублинской системе предоставления убежища, имеют доступ к дактилоскопической базе Евродак, Шенгенской информационной системе и Визовой информационной системе. Норвегия и Исландия через специальное соглашение участвуют в Европейском ордере на арест и в сотрудничестве по борьбе с трансграничной преступностью и терроризмом. Обе страны участвуют в работе Европола и Евроюста и, вместе с Лихтенштейном, в работе агентства Фронтекс. Во всех перечисленных проектах страны ЕАСТ, входящие в ЕЭП, не имеют возможности участвовать в принятии решений, поскольку в этом процессе задействованы институты ЕС, в которые не входят представители этих стран, но обязаны исполнять принятые на себя обязательства.

Европейское экономическое пространство предусматривает постоянный процесс, частью которого является перманентное изменение законодательства стран ЕЭП в соответствии с принятием решений в рамках Единого внутреннего рынка ЕС. После принятия Лиссабонского договора выросла роль Европейского Парламента и Совета в процессе принятия решений в ущерб роли Комиссии, поэтому степень участия государств ЕАСТ, которые ведут переговоры именно с Комиссией, в этом процессе объективно снизилась. Формально сохраняя полноту национального суверенитета, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн фактически передали значительную его часть Европейскому союзу, даже не будучи его членами.

Другой формат участия в интеграционных проектах ЕС представляет собой сотрудничество со Швейцарией. Взаимодействие сторон построено на серии двусторонних секторальных договоров, дающих Швейцарии право доступа на рынки ЕС и участия в шенгенской зоне. В настоящее время заключено около 120 соглашений между ЕС и Швейцарией, которые, однако, практически не охватывают сектор услуг. Страна фактически участвует в работе ЕВР на уровне свободы передвижения товаров и рабочей силы, но не является частью рынков услуг и капитала. В соглашении о свободе передвижения¹⁴⁶ прописано два ограничения. Во-первых, в течение пятилетнего¹⁴⁷ транзитного периода Швейцария имела право применять квоты на въезд граждан ЕС. Во-вторых, в случае сложной экономической или социальной ситуации возможно применение «защитного положения», ограничивающего свободу передвижения.

Сотрудничество сторон осуществляется на основании международного права и не предполагает автоматической транспозиции законодательства ЕС в национальное право Швейцарии, что, с точки зрения Евросоюза, потенциально нарушает гомогенность единого внутрен-

¹⁴⁵ 2000/777/EC: Council Decision of 1 December 2000 on the application of the Schengen acquis in Denmark, Finland and Sweden, and in Iceland and Norway. OJ L 309, 09.12.2000.

¹⁴⁶ Agreement between the European Community and its Member States, of the one part, and the Swiss Confederation, of the other, on the free movement of persons // Oficial Journal. 30.04.2002. № 114. L.

¹⁴⁷ С момента вступления соглашения в силу.

него рынка¹⁴⁸. Юрисдикция Суда ЕС не распространяется на Швейцарию, однако на практике в тех секторах, в которых заключены соглашения с ЕС, директивы и регламенты Евросоюза инкорпорируются в национальное право страны и признается их толкование Судом ЕС¹⁴⁹. Кроме того, Швейцария вынуждена постоянно отслеживать принимаемые в ЕС законы для того, чтобы соблюдать собственные интересы. Швейцария еще в меньшей степени, чем страны ЕЭП, может оказывать влияние на принимаемые в ЕС законы, с которыми прямо или косвенно постоянно сталкиваются швейцарские деловые круги. Швейцария может осуществлять некоторый мониторинг деятельности ЕЭП через институты Европейской ассоциации свободной торговли.

Получив доступ на рынки ЕС, Швейцария несет значительную финансовую нагрузку по обеспечению функционирования ЕВР и смежных с ним областей. По оценке экспертов, Швейцария за 10 лет потратила на эти нужды около миллиарда евро¹⁵⁰.

Несмотря на желание ЕС привлечь Швейцарию к более тесному сотрудничеству, не следует ожидать большей вовлеченности последней в проекты ЕС. Швейцария не готова идти ЕС на уступки в области регулирования работы банков и финансовой сферы. В результате банковское законодательство Швейцарии не признано эквивалентным правилам ЕС, поэтому директива о рынках финансовых инструментов (MiFID1)¹⁵¹ не распространяется на Швейцарию¹⁵².

Установившиеся рамки сотрудничества оказались под угрозой из-за результатов референдума 2014 г., на котором швейцарцы высказались за введение квот на приезжающих на работу в страну граждан ЕС. Ранее Швейцария не предоставила право на свободу передвижения гражданам Хорватии. На эти действия Европейский союз отреагировал достаточно жестко. Был изменен статус Швейцарии в научно-исследовательских и обучающих проектах ЕС. На официальном уровне ЕС предупредил Швейцарию, что ограничение свободы передвижения приведет к отмене ряда двусторонних соглашений и потере доступа на внутренний рынок ЕС. В итоге правительство и Парламент Швейцарии приняли компромиссное решение. Во-первых, страна распространила правила свободы передвижения на Хорватию. Во-вторых, результаты референдума были оформлены достаточно специфическим образом, не ограничивая свободу передвижения, а предоставляя приоритет швейцарским гражданам, если есть претенденты должного уровня на предлагаемые вакансии¹⁵³.

Рамки двусторонних соглашений ЕС и Швейцарии частично охватывают сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел. Швейцария с 2008 г. входит в шенгенскую зону, в результате чего перенесла все шенгенское законодательство в свое национальное право. Швейцария участвует в развитии шенгенских *acquis*, но не в принятии решений¹⁵⁴. Швейцария как ассоциированный член присоединилась к Дублинской системе предоставления убежища, имеет доступ к дактилоскопической базе Евродак, Шенгенской информационной системе и Визовой информационной системе. Через двусторонние соглашения Берн принимает участие в работе

¹⁴⁸ Avery G. The European Economic Area Revisited / European Policy Centre, Brussels // Policy brief. 19 March 2012.

¹⁴⁹ Piris J.-C. If the UK votes to leave: The seven alternatives to EU membership // CER. L. Jan. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/pb_piris_brexit_12jan16.pdf (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵⁰ Buchan D. Outsiders on the Inside: Swiss and Norwegian Lessons for the UK // CER. // Policy brief. Sept. 2012. L. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/policy-brief/2012/outside-inside-swiss-and-norwegian-lessons-uk> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵¹ Directive 2004/39/EC. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1398325978410&uri=CELEX:02004L0039-20110104> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵² Согласно этому законодательству, компании из любой страны могут оказывать институциональным клиентам банковские и финансовые услуги на территории ЕС, имея офис в одной из стран Евросоюза, в том случае, если законодательство страны исхода признается эквивалентным финансовому законодательству ЕС.

¹⁵³ Free Movement of Persons Switzerland – EU/EFTA. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sem.admin.ch/sem/en/home/themen/fza_schweiz-eu-efta.html (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵⁴ В рамках шенгенской зоны формат Швейцарии аналогичен участию Норвегии и Исландии.

агентств ЕС Фронтекс, Европол и Евроюст. ЕС и Швейцария заключили также соглашения о борьбе с мошенничеством в финансовой сфере. Швейцария в меньшей степени, чем страны ЕЭП, вовлечена в проекты пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС и не обязана, за исключением шенгенских правил, инкорпорировать законодательство ЕС в данной области.

В ближайшие годы, видимо, будет создан еще один формат взаимодействия ЕС с новым важным партнером – Великобританией. На референдуме 23 июня 2016 г. большинство граждан Великобритании проголосовали за выход из состава Союза. Теперь Соединенное Королевство и Европейский союз должны будут найти новый формат отношений, учитывающий не только экономические параметры сотрудничества, но и проблемы обеспечения безопасности в самом широком смысле. Однако на этом пути уже возникли серьезные осложнения. Согласно заявлениям британского правительства¹⁵⁵, Соединенное Королевство намерено покинуть не только ЕС, но и выйти из Единого внутреннего рынка ЕС, то есть отказаться от использования «норвежского сценария» и максимально дистанцироваться от влияния ЕС. Европейский союз принял британскую позицию. После получения официальной заявки от Великобритании о выходе из состава Союза, Европейский Совет сформулировал основные принципы будущих переговоров¹⁵⁶. Следует отметить, что позиция ЕС оказалась достаточно жесткой. В частности, правительство Терезы Мэй предлагало вести параллельные переговоры об условиях выхода страны из ЕС и о будущем соглашении между ЕС и Соединенным Королевством. Руководство ЕС с таким подходом не согласилось. Из документа Европейского Совета следует, что начало переговоров о будущем формате отношений возможно только после «достижения значительного прогресса»¹⁵⁷ на переговорах об условиях выхода Великобритании из ЕС. Европейский союз предлагает решить сначала проблемы обеспечения прав граждан ЕС, проживающих в Великобритании, и зеркально британцев, проживающих в других странах Евросоюза, обустройства границы между Республикой Ирландией и Северной Ирландией, возмещения финансовых обязательств и некоторые другие. Очевидно, что ЕС в перспективе рассматривает Соединенное Королевство как третью страну и собирается выстраивать двусторонние отношения на этом принципе.

В то же время лидеры ЕС и Британии подчеркивали, что в будущем стороны должны быть близкими партнерами, и это отвечает интересам обеих сторон. И хотя пока рано говорить о конкретном формате будущих отношений между ЕС и Великобританией, можно сделать некоторые предположения. Во-первых, в интересах обеих сторон не прерывать сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. Возможно, Соединенное Королевство сохранит свое присутствие в работе таких агентств ЕС, как Европол и Евроюст, а также не потеряет доступ к дактилоскопической базе данных *Eurodak*. Сохранение двусторонних контактов Британии и стран ЕС в сфере безопасности и борьбы с терроризмом также представляется весьма вероятным. Во-вторых, в будущем сторонам нужно заключить новое торгово-экономическое соглашение, параметры которого пока не очерчены. Британское правительство предполагает подписать всеобъемлющее соглашение о свободной торговле и новое таможенное соглашение¹⁵⁸. В рамках этих договоренностей торговля товарами между Великобританией и ЕС должна осуществляться с нулевыми тарифами. Британия также хотела бы сохранить свое уча-

¹⁵⁵ Plan for Britain. The government's negotiating objectives for exiting the EU: PM speech. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵⁶ European Council (Art. 50) guidelines following the United Kingdom's notification under Article 50 TEU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/29-euco-brexite-guidelines/> (Дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ HM Government. The United Kingdom's exit from and new partnership with the European Union. Febr. 2017. P. 35–49. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf (Дата обращения: 05.05.2017).

стие в работе ряда агентств ЕС и не разрывать взаимодействие в сфере энергетики, транспорта и коммуникаций. В отношении торговли услугами, в том числе финансовыми, британское правительство хотело бы получить максимально свободный доступ на рынок ЕС. Однако параметры взаимодействия в финансовом секторе пока не ясны и зависят от желания сторон пойти на уступки и достигнуть взаимовыгодного компромисса. Следует отметить, лидеры ЕС неоднократно заявляли, что, выйдя из Евросоюза, Великобритания не сможет иметь те же льготы и преференции, что и 27 государств-членов. Поэтому пожелания британского правительства, скорее всего, претерпят значительную трансформацию при разработке будущих соглашений.

Отдельным вопросом станет взаимодействие стран ЕАСТ и Великобритании после выхода последней из состава Союза.

Особый формат отношений складывается у ЕС со странами – кандидатами на вступление. Привлекательность интеграционного проекта ЕС до сих пор не вызывает сомнения у стран Западных Балкан и Восточной Европы, стремящихся вступить в Европейский союз, невзирая на возможные сложности адаптации и в ряде случаев прохладное отношение самого Евросоюза. Для стран этих регионов присоединение к ЕС стало гарантией демократического пути развития и трансформации государства по модели западноевропейского образца. Получение статуса кандидата на вступление становится только первым шагом к заветной цели быть включенным в «закрытый клуб» ЕС. Кандидаты на вступление обязаны инкорпорировать весь свод законов Европейского союза в свое национальное право, а также принять меры для их реализации в практической плоскости. Комиссия отслеживает процессы имплементации и может затормозить переговоры о вступлении, если страна-кандидат не выполняет полностью требования ЕС. Для будущих членов ЕС перспектива вступления становится очевидным стимулом выполнения требований Евросоюза. Вовлеченность в интеграционные процессы ЕС позволяет странам-кандидатам позиционировать себя более успешными, чем страны, не имеющие такого статуса¹⁵⁹.

Важной особенностью развития Европейского союза стало наличие внутри ЕС стран, в большей или меньшей степени вовлеченных в интеграционные проекты. Наличие неодинакового состава стран ЕС в зоне евро, шенгенской зоне и других проектах привело к различиям в правах и обязанностях государств-членов и, соответственно, к различному уровню наднационального компонента в управлении государствами.

Наиболее значительные ограничения национальных полномочий получили государства, перешедшие на единую европейскую валюту. Денежно-кредитная политика стран зоны евро находится в ведении Европейского центрального банка (ЕЦБ), который проводит независимую линию. Государства еврозоны не могут влиять на действия ЕЦБ, даже если проводимая им политика не отвечает национальным интересам. Государства, перешедшие на единую европейскую валюту, потеряли возможность самостоятельно проводить эмиссию денежной массы, девальвировать или ревальвировать валюту, изменять ставку рефинансирования в соответствии с текущей экономической ситуацией в стране. Эти функции перешли к ЕЦБ, основной целью которого является поддержание стабильности цен, то есть политика низкой инфляции в зоне евро вне зависимости от того, в какой фазе экономического цикла находятся государства еврозоны. Наиболее ярко ограничение полномочий государств-членов ЕС проявилось в рамках борьбы с последствиями финансово-экономического и долгового кризиса в странах еврозоны. Европейский центральный банк, Комиссия и часть государств – членов ЕС, в первую очередь Германия, видели выход из кризиса в усилении наднационального регулирования в области экономики и финансов, в первую очередь через ужесточение финансовой дисциплины государств-членов и контроль за ее соблюдением со стороны ЕС, а также создание Банковского союза. Такой процесс влечет за собой изменение законодательства для всего Евросоюза и пере-

¹⁵⁹ *Полывянный Д. И.* «Балканизация» и «европеизация» на юго-востоке Европы // Современная Европа. 2015. № 5. С. 40.

распределение полномочий в пользу наднационального центра. Некоторые эксперты называют его «ползучей федерализацией»¹⁶⁰.

Пределы европеизации

Европеизация – неотъемлемая и постоянно функционирующая составляющая интеграционного процесса. Государства ЕС, участники Европейского экономического пространства, члены ЕАСТ, страны-кандидаты и даже внешние партнеры подвергаются ее воздействию вне зависимости от собственного желания; таким образом, европеизация – объективная реальность европейской интеграции. Каждый интеграционный формат в различной степени подвержен процессам европеизации, чем выше уровень вовлеченности стран ЕС и стран-партнеров в интеграционные проекты Европейского союза, тем, очевидно, большее влияние на них оказывает европеизация.

Понятие европеизации многогранно и многовекторно, существуют различные направления ее реализации¹⁶¹. В научной литературе для характеристики влияния Европейского союза также используют термин EU-ization¹⁶². В целом европеизация понимается как двусторонний процесс, который подразумевает эволюцию институтов ЕС, оказывающих влияние на внутреннее развитие государств-членов. С одной стороны, нормы, правила и практики, устанавливаемые институтами Европейского союза, влияют на политические структуры и процессы в государствах-членах (движение сверху вниз – «top down»), а с другой стороны, сами государства ЕС оказывают значительное влияние на формирование упомянутых норм, правил и практик через трансляцию своих интересов на наднациональный уровень (движение снизу вверх – «bottom-up»)¹⁶³.

Если введение норм, правил и практик ЕС на национальном уровне требует серьезных трансформаций или не полностью отвечает интересам государства, страны – члены ЕС стараются минимизировать затраты на их реализацию¹⁶⁴. Возможностей для такой минимизации несколько: блокирование или затягивание принятия и имплементации правовых актов, продвижение интересов государства при разработке правовых актов или общих подходов и концепций, создание внутренних коалиций из нескольких государств для продвижения общих интересов или блокирования/трансформации предложенных проектов.

Исследователи разделяют жесткую и мягкую европеизацию¹⁶⁵, говоря о ее «двух лицах»¹⁶⁶. Изменения, происходящие в государствах-членах и странах-кандидатах, становятся результатом совместного воздействия методов жесткой и мягкой европеизации.

Жесткая европеизация проявляется в трансфере правил, норм, процедур и политических парадигм со стороны ЕС государствам-членам. Примером жесткой европеизации можно считать имплементацию права ЕС в национальное право государств-членов. Вторичное законо-

¹⁶⁰ Буторина О. В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 73.

¹⁶¹ См., например: Olsen J. The Many Faces of Europeanization // JCMS. 2002. Vol. 40 № 5. P. 921–952; Radaelli C. The Europeanization of Public Policy // The Politics of Europeanization / ed. by K. Featherstone and C. M. Radaelli. Oxford: Oxford University Press. 2003; Risse T., Cowles M., Caporaso J. Europeanization and Domestic Change: Introduction // Transforming Europe. Europeanization and Domestic Change / ed. by M. Green Cowles, J. Caporaso, T. Risse. Ithaka, London.: Cornell University Press. 2001.

¹⁶² Wallace H. Europeanization and Globalization: Complementary or Contradictory Trends // New Political Economy. 2000. Vol. 5. № 3. P. 369–382.

¹⁶³ Börzel T. Pace-Setting, Foot-Dragging and Fence-Sitting: Member State Responses to Europeanization // JCMS 2002. Vol. 40. № 2, P. 193.

¹⁶⁴ Ibidem. P. 194.

¹⁶⁵ Radaelli C. The Europeanization of Public Policy. Op. cit. P. 30.

¹⁶⁶ Mair P. The Europeanization Dimension // Journal of European Public Policy. 2 April 2004. № 11. P. 340–341.

дательство ЕС (регламенты, директивы, решения) не требует ратификации на национальном уровне. Таким образом, после принятия закона на уровне ЕС государства-члены обязаны осуществить его транспозицию в национальное право, если речь идет о директивах, или он применяется сразу, если это регламент или решение. Комиссия отслеживает процесс имплементации директив и может обратиться в Суд ЕС, если государства-члены осуществляют его не полностью или не вовремя.

Мягкая европеизация подразумевает трансфер стиля поведения, умение разделять ценности, доверять и сотрудничать с партнерами по Европейскому союзу, самоадаптацию. К мягкой европеизации можно также отнести «горизонтальный» процесс взаимодействия между государствами – членами ЕС¹⁶⁷, в том числе через метод открытой координации¹⁶⁸, сравнение и заимствование удачных практик.

Безусловно, влияние процессов европеизации на различные страны ЕС неодинаково и различается в зависимости от государства и направления сотрудничества. Но общим моментом становится изменение функций национального государства в рамках членства в Европейском союзе. При этом необходимо отметить, что государства-члены не только теряют часть полномочий, отдавая их на наднациональный уровень, и подчиняются общим правилам ЕС, но и приобретают новые возможности для продвижения собственных интересов, стараясь сделать их частью общих правил ЕС и таким образом максимизировать возможные бонусы от членства в ЕС и процесса европеизации. Важно отметить, что возможность продвижения своих приоритетов на наднациональный уровень появилась не только у самих государств, но и у различных групп интересов, которые объективно участвуют в формировании национальных или корпоративных преференций. В этих условиях государство становится проводником их интересов на наднациональный уровень.

Часто сталкиваются не только наднациональные и национальные интересы, но и различные приоритеты государств-членов, которые они продвигают на наднациональный уровень. Одной из таких точек столкновения стала общая либерализация экономики и правил функционирования различных областей сотрудничества в ЕС. Страны с различным типом регулирования национальной экономики ищут баланс между выгодой и затратами, транслируя свои приоритеты на наднациональный уровень. Навязывание высоких производственных и социальных стандартов государствам-членам с низким уровнем регулирования экономики позволяет поддерживать конкурентоспособность сильно зарегулированных стран. С другой стороны, либерализация рынков, идущая в ЕС, открывает новые возможности для производителей из стран с менее жестким режимом экономического управления, позволяя компенсировать введенные стандарты. Страны с высокой степенью регулирования экономики добиваются гармонизации своих высоких социальных и экологических стандартов на уровне ЕС, где они часто встречают сопротивление стран с более низким уровнем развития (догоняющих стран), которые хотели бы избежать лишних обязательств и использовать свои конкурентные преимущества¹⁶⁹. Не всегда совпадают интересы и у экономических лидеров ЕС. Так, Великобритания, обладающая одной из наиболее открытых экономик в ЕС, всегда активно продвигала принципы либерализации и дерегулирования в экономике на наднациональном уровне. С другой стороны, Франция, традиционно защищающая национальных производителей, добилась, чтобы из преамбулы Лиссабонского договора было изъято положение о том, что одной из целей развития ЕС является свободная и неискаженная конкуренция.

¹⁶⁷ Radaelli C., Pasquier R. Conceptual Issues // *Europeanization: New Research Agendas* / ed. by P. Graziano, M. Vink. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 37–39.

¹⁶⁸ Кавешников Н. Ю. Методы управления в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 8. С. 50.

¹⁶⁹ Börzel T. How the European Union Interacts with Its Member States // *The Member States of the European Union* / ed. by S. Bulmer, Ch. Lequesne. Oxford: University Press. P. 62–63.

Очевидны противоречия между странами и при реализации экологической политики ЕС. «Северные» (Дания, Нидерланды, Германия, Швеция, Финляндия, Австрия) страны настаивают на гармонизации на уровне ЕС экологических норм, соответствующих их собственным жестким стандартам, для того, чтобы избежать невыгодной конкуренции для своей промышленности и изменений в собственном законодательстве. Таким образом, эти страны формируют экологическую политику ЕС в соответствии со своим экологическим восприятием и экономическими интересами¹⁷⁰. В то же время южные и восточные страны Евросоюза вынуждены нести высокие затраты, адаптируя свое законодательство, стандарты и восприятие в соответствии с нормами ЕС. Приведенные примеры позволяют говорить о соперничестве различных национальных моделей управления на наднациональном уровне¹⁷¹.

Государства-члены также выносят на наднациональный уровень решение вопросов, которые не могут быть, в силу масштабов и сложности, эффективно решены на национальном уровне. Например, борьба с трансграничной организованной преступностью, предоставление убежища, борьба с загрязнением окружающей среды.

Наиболее очевидно влияние европеизации в движении «сверху вниз», то есть в том, как нормы, правила и практики, устанавливаемые институтами Европейского союза, влияют на политические структуры и процессы в государствах-членах и на их полномочия. Представляется верным утверждение, что «однажды согласившись на создание автономного наднационального органа власти, обладающего законодательными полномочиями, государство лишается возможности игнорировать или не исполнять принятые этим органом решения»¹⁷². Важную роль здесь играют процедура принятия решений и правила имплементации законодательства.

Можно выделить несколько направлений влияния европеизации на процесс принятия решений внутри государств-членов в рамках их адаптации к нормам и правилам ЕС. Во-первых, европеизация ведет к уменьшению инклюзивности в процессе принятия решений, ограничивая возможности долгого согласования внешнеполитических решений с парламентом и негосударственными акторами. Во-вторых, европеизация влияет на распределение сил между органами управления государства, повышая значимость исполнительной власти. В-третьих, европеизация влияет на уровень конфликтности в ходе принятия решений, снижая его¹⁷³.

Европеизация, или EU-ization, стала объективной реальностью и для стран, не входящих в ЕС, но участвующих в различных интеграционных проектах. Однако степень влияния европеизации на эти страны сильно различается. Здесь речь идет в первую очередь о движении сверху вниз, то есть о трансляции норм и правил ЕС в страны-партнеры. Возможности влияния стран, не входящих в ЕС, на формирование упомянутых норм, правил и практик через трансляцию своих интересов на наднациональный уровень (движение снизу вверх) существенно ограничены или отсутствуют совсем.

Особый случай европеизации – адаптация стран-кандидатов к нормам и правилам ЕС. В данном случае влияние ЕС и его требования к будущим членам велики. Страны-кандидаты вынуждены выполнять обязательства по полной имплементации правовых норм ЕС и адаптации национальных правовых систем. После присоединения к ЕС этот процесс не заканчивается, новички остаются под пристальным вниманием Комиссии, подгоняя свои политические, экономические, административные и управленческие системы под требования ЕС. Кроме того, вновь вступившие государства должны быть готовы принять неписаные нормы поведения в рамках институтов ЕС, научиться вести переговоры, транслировать свои интересы на надна-

¹⁷⁰ Ibidem. P. 63.

¹⁷¹ Eising R., Kohler-Koch B. Governance in the European Union. A Comparative Assessment // The Transformation of Governance in the European Union / ed. by B. Kohler-Koch, R. Eising. P. 271.

¹⁷² Кузнецова Е. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. С. 82.

¹⁷³ Jurje F. Europeanization and New Member States. A Comparative Social Network Analysis. Routledge, 2013. P. 8–9.

циональный уровень, использовать преимущества и возможности, предоставляемые Европейским союзом, для развития стран и повышения уровня жизни граждан. Для многих стран-кандидатов процесс адаптации к нормам и правилам ЕС стал важным фактором внутренней стабилизации и модернизации. Для менее развитых экономически стран финансовая поддержка со стороны ЕС в достижении более высоких стандартов управления и уровня жизни через принятие норм и правил ЕС может рассматриваться как модернизационный процесс и принятие западноевропейской модели развития¹⁷⁴. В качестве успешных примеров такой европеизации можно привести случаи Ирландии, Португалии и стран Центральной и Восточной Европы.

Для государств ЕЭП, не членов ЕС, влияние европеизации также достаточно высоко, особенно в отношении жесткой европеизации. Согласившись на приоритет институтов ЕС в рамках Единого внутреннего рынка и шенгенских правил, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн обязаны инкорпорировать принятое в ЕС законодательство, изменяя, таким образом, свою хозяйственно-экономическую и отчасти политическую структуру. Передав значительную часть национального суверенитета на уровень ЕС, три страны подвергаются воздействию решений ЕС, которые трансформируют и процедуру принятия решений в самих странах. Формат ЕЭП нельзя рассматривать как демократический для этих государств, поскольку законы ЕС инкорпорируются в право трех стран ЕАСТ в обход национальных органов, обычно участвующих в законотворческом процессе. Однако это не вызывает сильного раздражения ни в обществе, ни в политической элите. Например, среди норвежского населения сформировалась значительная проевропейская прослойка (более 60 % населения), которая поддерживает существующий формат отношений. Однако идею полного членства в ЕС отвергают около 70 % норвежцев¹⁷⁵. Соответственно, существуют четкие пределы влияния ЕС в странах ЕЭП.

У Норвегии и Исландии, помимо возможности участвовать в процессе обсуждения будущих законодательных актов, есть еще один нестандартный канал транслирования своих интересов на наднациональный уровень ЕС. Поскольку страны Северной Европы объединены в рамках Северного совета, на субрегиональном уровне вырабатываются консолидированные подходы и решения, которые потом через государства – члены ЕС (Данию, Швецию и Финляндию) транслируются на наднациональный уровень. Таким образом, Норвегия и Исландия опосредованно влияют и на принятие решений в ЕС, а не только на их разработку.

Для Швейцарии влияние процессов европеизации ограничено в большей степени. У страны нет обязательств по автоматической транспозиции законодательства ЕС, влияния на принятие решений внутри страны Европейский союз практически не оказывает в силу специфики швейцарского политического устройства. И все же часть национального суверенитета страна передала на наднациональный уровень в рамках шенгенского сотрудничества. Кроме того, Швейцария обязана менять свое законодательство для соответствия нормам ЕС в тех областях, где заключены двусторонние соглашения. Таким образом, определенное влияние жесткой европеизации присутствует и в отношении Швейцарии. Каналов лоббирования своих интересов у страны немного, только в рамках ведущихся переговоров о реформировании формата отношений.

После выхода Великобритании из ЕС будет происходить уникальный процесс деевропеизации страны, поскольку британское руководство намерено отказаться от применения законов ЕС. За 43 года членства в ЕС Великобритания оказалась тесно связана с Союзом не только в экономическом, но и в правовом отношении через применение законодательных норм ЕС на территории страны. Регламенты ЕС представляют собой законы прямого действия и в момент выхода Великобритании из ЕС перестанут работать на ее территории. Директивы

¹⁷⁴ Harmsen R., Wilson T. M. Introduction: Approaches to Europeanization // Yearbook of European Studies. 2000. № 14. P. 13–26.

¹⁷⁵ EUobserver. 1 July 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://euobserver.com/news/134134> (Дата обращения: 02.06.2017).

ЕС, как рамочные законы, напротив, требовали пересмотра или адаптации к ним уже имеющегося национального права, поэтому останутся в действии до их отмены парламентом. Таким образом, после выхода из состава Союза британский парламент будет вынужден пересмотреть тысячи законодательных актов и восполнить образовавшиеся лакуны. Кроме того, выход из ЕС означает, что Великобритания выйдет из-под действия общей торговой политики ЕС и будет заново заключать торговые соглашения в рамках ВТО. Однако в зависимости от будущего формата сотрудничества Соединенному Королевству придется оставить большую или меньшую часть права ЕС в действии. В частности, выдвинутые ЕС требования о соблюдении прав граждан ЕС, проживающих в Великобритании, и британцев, проживающих в других странах ЕС, очевидно, должны соответствовать нормам Единого внутреннего рынка ЕС, хотя бы на переходный период. Создание зоны свободной торговли предполагает наличие общих стандартов. А для получения «широкого», как того хочет британское правительство, доступа британских товаров и услуг на рынок ЕС они должны отвечать принципу взаимного признания, согласно которому в ЕС обеспечивается одинаковая степень защиты прав потребителей, безопасности товаров и услуг, окружающей среды, охраны труда и т. д. В итоге деевропеизация будет осуществлена частично, а возможность Великобритании влиять на нормы и правила ЕС будет зависеть от будущего формата отношений, но, вероятно, станет минимальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.